

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
№ 7/2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Ж.А. Ермакова, доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (г. Оренбург)

Ответственный секретарь

А.П. Цыпин, кандидат экономических наук, доцент (г. Оренбург)

Редакционный совет

П.П. Володькин, д.т.н., доцент (г. Хабаровск)
И.И. Елисеева, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург)
Н.С. Захаров, д.т.н., профессор (г. Тюмень)
В.В. Ивантер, д.э.н., профессор (г. Москва)
Н.А. Кузьмин, д.т.н., профессор (г. Нижний Новгород)
А.Т. Кулаков, д.т.н., профессор (г. Набережные
Челны)
Б.В. Марков, д.ф.н., профессор (г. Санкт-Петербург)
В.В. Миронов, д.ф.н., профессор (г. Москва)
В.В. Носов, д.э.н., профессор (г. Москва)
К. Олимов, д.ф.н., профессор (г. Душанбе)
В.С. Осипов, д.э.н., доцент (г. Москва)
А.В. Смирнов, д.ф.н., профессор (г. Москва)
Г.Л. Тульчинский, д.ф.н., профессор (г. Санкт-
Петербург)
Т. д. Федорова, д.ф.н., профессор (г. Саратов)
В.А. Цветков, д.э.н., профессор (г. Москва)
А.Г. Шеломенцев, д.э.н., профессор (г. Екатеринбург)
N. Scelles, PhD (г. Манчестер)

Редакционная коллегия

И.А. Беляев, д.ф.н., доцент (г. Оренбург)
И.Б. Береговая, к.э.н., доцент (г. Оренбург)
В.В. Боброва, д.э.н., доцент (г. Оренбург)
Н.К. Борисюк, д.э.н., профессор (г. Оренбург)
И.Н. Корабейников, к.э.н., доцент (г. Оренбург)
О.Н. Ларин, д.т.н., профессор (г. Москва)
А.М. Максимов, д.ф.н., профессор (г. Оренбург)
В.И. Рассоха, д.т.н., доцент (г. Оренбург)
Р.Ю. Рахматуллин, д.ф.н., профессор (г. Уфа)
Ю.В. Родионов, д.т.н., профессор (г. Пенза)
Н.З. Султанов, д.т.н., профессор (г. Оренбург)
Д.М. Федяев, д.ф.н., профессор (г. Омск)
В.Н. Шепель, д.э.н., профессор (г. Оренбург)
А.С. Юматов, к.э.н., доцент (г. Оренбург)
Н.Н. Якунин, д.т.н., профессор (г. Оренбург)

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Журнал включен в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования результатов
диссертационных исследований. Журнал включен в базы данных eLIBRARY, ВИНИТИ РАН
и имеет Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс по каталогу Российской прессы «Почта России» – 16478

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

*Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций
(Committee on Publication Ethics).*

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

О.Ф. Чистик

Статистический подход к исследованию заболеваемости населения России 4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бао Хэпин

Специфика экономического присутствия китайского бизнеса в Российской Федерации 12

Н.К. Борисюк, О.С. Смотрина

Механизм развития цифровой экономики в регионе: трактовка понятия 18

С.А. Гусейнов

Инвестиционный потенциал государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры инновационного типа 23

Н.А. Зинюхина, Ю.Н. Никулина

Профессиональные стандарты как инструмент анализа и управления качеством подготовки специалистов 29

Т.В. Леушина, О.С. Сидорова

Проблемы бедности в России: современные тенденции уровня жизни 35

Т.Ф. Мельникова, Е.Г. Кащенко,

Д.М. Нигматулина

Маркетинговые аспекты развития предприятий общественного питания г. Оренбурга 39

В.С. Осипов, М.С. Оборин

Зарубежный опыт освоения новых территорий ... 44

Л.Р. Уляев

Моделирование влияния коротких продаж на волатильность финансового рынка на основе агентно-ориентированного подхода 51

Е.И. Шумская

Об экономическом потенциале четвертой промышленной революции 61

А.С. Юматов

Управление жилищно-коммунальными услугами в условиях цифровой экономики 65

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

В.А. Кузьменков

Личностные факторы аномии 71

Е.В. Максимова, В.А. Гончарова

Роль нормативности в научном познании 75

О.М. Фархитдинова

Философские основания многообразия форм духовности в урбанизированном обществе 79

ТРАНСПОРТ

Н.С. Захаров, С.А. Теньковская, А.А. Уулу

Влияние наработки автомобилей нефтегазодобывающего предприятия на расход запасных частей .. 84

ANNOTATION OF THE ARTICLES 88

УДК 311.313

Ольга Филипповна Чистик, доктор экономических наук, профессор кафедры статистики, ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
e-mail: yurijchistik@yandex.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Возникновение демографических проблем связано с ухудшением состояния здоровья граждан, которое проявилось в ухудшении продолжительности здоровой жизни и распространении опасных болезней. Ухудшение состояния здоровья граждан препятствует непрерывному и устойчивому социально-экономическому развитию. Поэтому проведение статистического исследования заболеваемости населения в регионах РФ является весьма **актуальным**. **Цель** статьи – статистическое исследование заболеваемости населения в регионах Российской Федерации. **Объектом** исследования является заболеваемость населения Российской Федерации. **Предметом** исследования выступают количественные закономерности заболеваемости населения Российской Федерации. Исследование заболеваемости основывалось на комплексном и системном подходах и статистических **методах**: анализа временного ряда, обобщающих показателей, структурно-динамического, непараметрического и кластерного анализа и методов многомерного анализа – корреляционно-регрессионного и главных компонент. Оригинальность выполненного исследования состоит в формировании информационно-методического подхода на базе сформированной системы показателей; прогнозной оценки заболеваемости населения до 2019 года; выделения качественно различающихся групп регионов по показателям заболеваемости методом кластерного анализа и выявления влияния факторов на заболеваемость населения методами многомерного анализа. Территориальные особенности и факторы заболеваемости населения должны быть учтены при разработке вариантов управленческих решений, федеральных и региональных программ, определяющих социальную политику, меры по оздоровлению населения.

Ключевые слова: заболеваемость, система показателей, факторы заболеваемости, динамика, кластеры.

Обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России невозможно без роста уровня и качества интеллектуального капитала, развитие которого связано с совершенствованием жизни человека и участия в процессах, формирующих и определяющих его жизнь. Ухудшение состояния здоровья граждан, проявляющееся в ухудшении продолжительности здоровой жизни и распространении опасных болезней, препятствует непрерывному и устойчивому социально-экономическому развитию. В этой связи заболеваемость граждан РФ в предметном поле нашего статистического исследования занимает важное место.

Вопросам здоровья, заболеваемости и продолжительности жизни уделялось большое внимание в работах ряда ученых: С.М. Малхазовой, В.Ю. Семенова, Н.В. Шартовой, А.Н. Гурова, О.П. Щепиной, В.А. Мединой, И.И. Фирулиной, Foster Harold D. [3, 6, 7, 9, 10]. В работе С.Н. Мишук,

С.В. Аносовой здоровье определяется как важный социально-демографический фактор [5]. Эти вопросы рассматривались также и во взаимосвязи с различными аспектами демографической безопасности: А.Н. Боков, П.А. Смелов, М.В. Карманов, О.В. Кучмаева, О.Л. Петрякова [1, 4].

В концепции человеческого развития экономический рост, на наш взгляд, следует рассматривать как важное средство человеческого развития, характеризующее продолжительностью здоровой жизни [8], но не его конечной целью [2].

Статистика заболеваемости служит важным средством оценки здоровья граждан, следовательно, для характеристики здоровья населения возможно применение такого индикатора, как показатель уровня заболеваемости. В рассматриваемой предметной зоне заболеваемость следует определять как количественно измеряемое массовое явление, характеризующее состояние здоровья населения России и ее отдельных регионов. Рас-

считается как сложное (многофакторное) явление, обладающее количественными различиями в территориальном аспекте. В рамках нашего ис-

следования были сформированы блоки из 20 факторных показателей, влияющих на заболеваемость населения (рисунок 1).

Рисунок 1. Блоки системы показателей заболеваемости населения

Для отображения картины распространенных болезней, а также определения изменения в структуре заболеваемости населения по основным классам болезней (ОКБ) был проведен структурно-ди-

намический анализ (СДА) заболеваемости в Российской Федерации. СДА позволил определить индивидуальные и обобщающие показатели структурных изменений (таблица 1).

Таблица 1. Результаты анализа заболеваемости населения РФ по ОКБ за 2000 г. и 2016 г.

Классы болезней	Удельный вес в 2016 г., %	Абсолютный прирост, тыс. чел.	Темп прироста, %	Процент влияния
Все болезни	100	8393	7,89	7,89
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	3,87	-2014	-31,23	-1,89
новообразования	1,42	403	32,87	0,38
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	0,58	117	21,23	0,11
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	1,33	293	23,74	0,28
болезни нервной системы	2,06	137	6,15	0,13
болезни глаза и его придаточного аппарата	4,38	385	8,30	0,36

Классы болезней	Удельный вес в 2016 г., %	Абсолютный прирост, тыс. чел.	Темп прироста, %	Процент влияния
болезни уха и сосцевидного отростка	3,50	823	25,79	0,77
болезни системы кровообращения	3,74	1802	72,57	1,69
болезни органов дыхания	42,34	2398	5,19	2,26
болезни органов пищеварения	4,41	357	7,60	0,34
болезни кожи и подкожной клетчатки	5,88	333	5,20	0,31
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	4,04	182	4,09	0,17
болезни мочеполовой системы	6,23	1677	30,66	1,58
осложнения беременности, родов и послеродового периода	2,42	693	33,24	0,65
врожденные аномалии (пороки развития), деформации хромосомные нарушения	0,26	84	39,25	0,08
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	11,58	741	5,91	0,70

На протяжении рассматриваемого периода с 2000 по 2016 гг. первое место неизменно занимает класс болезней органов дыхания (42,3%), число пациентов, страдающих этими заболеваниями, увеличилось на 2,4 млн человек. На втором месте находится класс заболеваний, связанный с последствиями воздействия внешних причин. Почти в два раза наблюдалось увеличение по болезням системы кровообращения, но их доля в совокупности не велика – всего 3,7%. Из всех классов болезней уменьшение случаев на 2,0 млн человек, или на 31,23% регистрируется только по инфекционным болезням. Темп прироста по всем болезням составил около 8%. Наибольшее влияние на увеличение заболеваемости оказали болезни органов дыхания, системы кровообращения и мочеполовой системы. Существенно возросло появление врожденных аномалий (пороков развития), а именно на 39,3%, но на общий прирост заболеваемости данный класс болезней оказывает самое низкое влияние (0,08%). Незначительным оказалось влияние болезней костно-мышечной и нервной системы 0,17 и 0,13%, соответственно. Для оценки изменения в структуре заболеваний в 2016 году к 2000 рассчитанный индекс Рябцева составил 0,034, что свидетельствует о весьма низком уровне различий.

Нами была исследована взаимосвязь результативного признака – общая заболеваемость на 1000 человек населения – и факторных признаков. Измерение тесноты связи и установления ее аналитического выражения между изучаемыми показателями проводилось на основе корреляционно-регрессионного анализа. Прежде чем осуществить корреляционно-регрессионный анализ, необходимо провести робастное оценивание графическим методом

«ящик-усы». Он показал наличие выбросов факторных признаков, которые были удалены с помощью средних по Виндзору. Повторный тест «ящик-усы» показал полное отсутствие выбросов. При помощи программы STATISTICA была построена матрица парных коэффициентов корреляции и осуществлена проверка на мультиколлинеарность. В результате проведенного анализа, после пошагового удаления незначимых параметров, полученное уравнение регрессии имеет вид:

$$y = 5552,08 - 2,79X_3 + 0,009X_4 - 1,34X_8 + 1,30X_9 - 0,002X_{12}$$

Адекватность полученной модели проверялась с помощью критерия Фишера. $F_{\text{расчетное}} = 6,9$; $F_{\text{таб}} = 1,8$. Поскольку $F_{\text{расчетное}} > F_{\text{таб}}$, следовательно, полученная модель значима и надежна. Проверка на адекватность коэффициентов регрессии проводилась с помощью t – критерия Стьюдента. Анализируемый коэффициент считается значимым, если его t – наблюдаемое превышает по модулю t – критическое. Табличное значение t – критерия составляет 1,99, согласно таблице значений критерия Стьюдента. Все коэффициенты регрессии значимы с вероятностью 95%. Коэффициент детерминации 0,643, означает, что 64,3% вариации уровня заболеваемости населения объясняется факторами построенной модели. При этом 35,7% вариации уровня заболеваемости населения зависит от других факторов, не включенных в уравнение регрессии. Множественный коэффициент корреляции равен 0,864. Это свидетельствует о наличии сильной вза-

имосвязи между результативными и факторными признаками.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что при увеличении фактора X_3 – численности населения на одну больничную койку на 1 человека, уровень заболеваемости сократится в среднем на 2,7 случая на 1000 человек населения. Это можно объяснить так: если численность населения на одну больничную койку увеличивается, значит нет потребности в том, чтобы строить дополнительные медицинские центры, следовательно, снижается общая заболеваемость населения.

При увеличении фактора X_4 – среднедушевых денежных доходов населения на 1 рубль уровень заболеваемости повысится в среднем на 0,009 случая на 1000 человек населения. В экономически развитых регионах, там, где выше среднедушевые денежные доходы уровень заболеваемости будет выше, так как высокое экономическое развитие влечет за собой множество негативных факторов, отрицательно влияющих на здоровье населения.

При увеличении фактора X_8 – индекса потребительских цен на 1% уровень заболеваемости снизится в среднем на 1,34 случая на 1000 человек населения. Это может быть связано с тем, что

лечение является дорогостоящим мероприятием и поэтому снижаются обращения в медицинские учреждения.

При увеличении мощности амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек (X_9) на одно посещение в смену уровень заболеваемости увеличивается в среднем на 1,3 случая на 1000 человек населения. Если посещения амбулаторно-поликлинических организаций увеличиваются, значит у населения возникает растущая потребность обращаться к врачам. При возрастании фактора X_{12} – инвестиций в основной капитал на душу населения на 1 рубль, уровень заболеваемости снижается в среднем на 0,002 случая на 1000 человек населения. Увеличение инвестиций в основной капитал позволяет улучшить состояние системы здравоохранения, что снижает уровень заболеваемости.

Сравнительный анализ влияния факторов на основе значений стандартизованных коэффициентов регрессии (β -коэффициентов), а также коэффициентов эластичности ($\bar{\epsilon}$) показал, что наиболее существенное влияние на уровень заболеваемости оказывает X_9 – мощность амбулаторно-поликлинических организаций. Самое низкое влияние – X_8 – индекс потребительских цен (таблица 2).

Таблица 2. Оценка приоритетности факторов регрессионной модели уровня заболеваемости населения

Фактор	Коэффициенты		Приоритетность фактора	
	$\bar{\epsilon}$	β	$\bar{\epsilon}$	β
X_3	-0,37	-0,23	2	5
X_4	0,24	0,32	3	3
X_8	-0,18	-0,24	4	4
X_9	0,44	0,36	1	1
X_{12}	-0,17	-0,34	5	2

Эффективным инструментарием приведения исходной системы показателей – факторов к меньшему числу служит метод главных компонент. Выделенные главные компоненты несут в себе больше информации, поскольку несут ёмкую содержательную интерпретацию исходной системы показателей. В каждой группе выделяется несколько факторных признаков, которые оказывают значительное влияние на результативную переменную.

В соответствии с критерием «каменистой осыпи» была установлена необходимость и возможность перехода от системы исходных факторных показателей заболеваемости населения регионов РФ к 4 главным компонентам или обобщенным факторам. Последние обусловили 57% общей вариации исходного признакового пространства. Интерпретация главных компонент проводилась нами на основе анализа матрицы факторных нагрузок.

Элементы матрицы характеризуют тесноту связи между признаками (исходными показателями) и соответствующими главными компонентами. Эта матрица была получена в результате применения метода вращения Биквартимакс – нормализованный.

Таким образом, установлено, какими признаками в наибольшей степени характеризуется каждая главная компонента и в соответствии с этим дана ей содержательная интерпретация.

Первая главная компонента (Фактор 1) наиболее тесно связана с показателями:

– X_4 – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц; рублей);

– X_{16} – уровень экономической активности населения, в %.

Содержание показателей, выделенных из общей системы с учетом значений факторных нагрузок, позволяет интерпретировать первую главную ком-

поненту как уровень благосостояния населения. Выбранные показатели объясняют 32,5 % дисперсии первой главной компоненты.

Вторая главная компонента определяется следующими переменными:

– X_2 – численность населения на одного работника среднего медицинского персонала (на конец года; человек);

– X_3 – численность населения на 1 больничную койку (на конец года; человек);

– X_{15} – мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек, посещений в смену.

Вторую главную компоненту можно интерпретировать как качество медицинского обслуживания. Выбранные показатели объясняют 60 % дисперсии второй главной компоненты.

Третья главная компонента определяется следующими переменными:

– X_7 – потребление яиц на душу населения (в год; шт.);

– X_5 – потребление мяса и мясопродуктов (включая субпродукты II категории и жир-сырец) на душу населения (в год; килограммов).

Третью главную компоненту можно интерпретировать как качество питания населения. Выбранные показатели объясняют 46,4 % дисперсии третьей главной компоненты.

Четвертая главная компонента может быть интерпретирована на основе:

– X_{13} – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. тонн);

– X_{20} – со значением факторной нагрузки 0,69 – инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах; рублей).

Четвертую главную компоненту можно интерпретировать как эколого-экономическое развитие. Выбранные показатели объясняют 49,72 % дисперсии четвертой главной компоненты.

Выделены 4 главные компоненты, влияющие на уровень заболеваемости населения: уровень благосостояния населения, качество медицинского обслуживания, качество питания и эколого-экономическое развитие.

Для установления различий в уровне заболеваемости по основным классам болезней и в целом по общему её уровню осуществлена кластеризация субъектов Российской Федерации по шестнадцати показателям. Цель кластерного анализа – систематизация множества исследуемых объектов (признаков) с выделением однородных групп, или кластеров. Он дает возможность изучить структуру совокупности. Кластерный анализ был проведен на основе данных о заболеваемости на 1000 человек населения по основным классам болезней, а также по общему уровню заболеваемости населения регионов Российской Федерации. Исходными данными для кластерного анализа являлись показатели, проверенные на мультиколлинеарность. Кластеризация проводилась методом Уорда. Этот метод направлен на объединение близко расположенных кластеров и имеет тенденцию к нахождению (или созданию) кластеров приблизительно равных размеров. В целом метод представляется очень эффективным, однако он стремится создавать кластеры малого размера. Число кластеров было определено с помощью дендрограммы, построенной по методу Уорда. Далее была проведена кластеризация методом k-средних с числом кластеров равным четырем. Для того чтобы определить все ли переменные являются значимыми был проведен многофакторный дисперсионный анализ. Многофакторный дисперсионный анализ показал, что все переменные значимы.

В результате кластеризации методом Уорда в сочетании с методом k-средних в совокупности субъектов Российской Федерации выделено четыре кластера с разным уровнем заболеваемости населения (таблица 3).

Таблица 3. Региональный состав кластеров по уровню заболеваемости населения

Номер кластера	Характеристика уровней заболеваемости	Состав кластера
1	Относительно высокий уровень	Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Орловская область, Тверская область, Ярославская область, Республика Коми, Архангельская область без автономного округа, Мурманская область, Новгородская область, г. Санкт-Петербург, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Пермский край, Нижегородская область, Оренбургская область, Самарская область, Ульяновская область, Курганская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область, Республика Алтай, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Омская область, Чукотский автономный округ.

Номер кластера	Характеристика уровней заболеваемости	Состав кластера
2	Средний	Калужская область, Костромская область, Липецкая область, Московская область, Рязанская область, Смоленская область, Тульская область, г. Москва, Вологодская область, Калининградская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Республика Северная Осетия - Алания, Республика Мордовия, Кировская область, Пензенская область, Саратовская область, Свердловская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Новосибирская область, Томская область, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область.
3	Низкий	Воронежская область, Курская область, Тамбовская область, Ленинградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Ставропольский край, Тюменская область без автономных округов, Республика Бурятия.
4	Высокий	Республика Карелия, Ненецкий автономный округ, Чувашская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ, Алтайский край, Республика Саха (Якутия).

В четвертом кластере складывается наиболее опасная ситуация с заболеваемостью. В регионах этого кластера уровень общей заболеваемости, а также по основным классам болезней, оказался самым высоким. В кластер попали промышленные регионы, экономическая деятельность которых отрицательно сказывается на состоянии здоровья населения.

Самым многочисленным оказался второй кластер (34 субъекта). Сюда попали регионы с достаточно низким уровнем заболеваемости, а по некоторым классам болезней (болезни нервной системы и болезни органов пищеварения) он оказался лидером.

Выполненная кластеризация по всем показателям позволила установить, что в основном совпадает региональный состав кластеров с высокими показателями экономического развития, занятости в топливной, химической и нефтехимической промышленности. К таким регионам относятся: республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Башкортостан, Татарстан;

Архангельская, Вологодская, Калининградская, Мурманская, Пермская, Самарская, Свердловская, Томская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области; Красноярский, Приморский, Хабаровский края. Для этих субъектов Федерации характерны: социальная напряженность, проявляющаяся в высоких показателях преступности; значительный удельный вес бедного населения; наибольший уровень общей заболеваемости по большинству классов болезней. Таким образом, многомерный анализ 16 показателей позволил сопоставить территории между собой, выделить проблемные ситуации как для России в целом, так и для отдельных ее регионов.

В нашей статье проведен анализ временного ряда заболеваемости за период с 1997 по 2016 год. Ставилось две основные цели анализа: определение природы ряда и прогнозирование.

Для отображения тренда исходного временного ряда был построен график зависимости уровня заболеваемости населения РФ от времени.

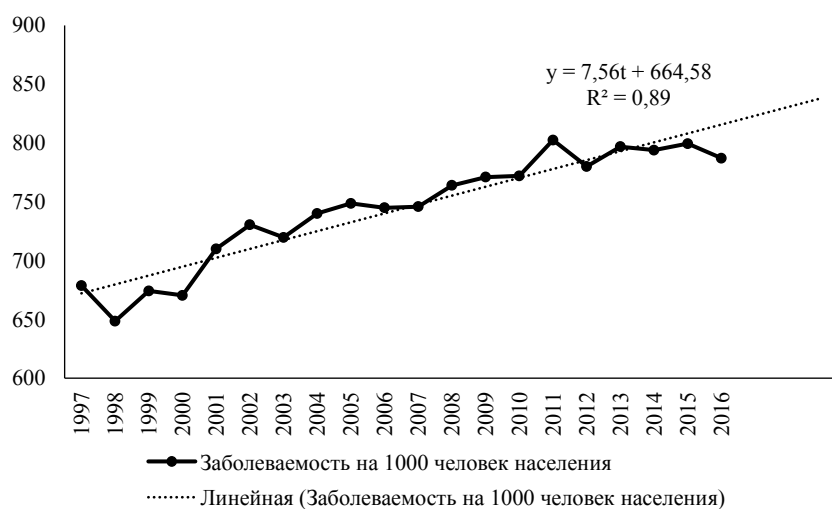

Рисунок 2. Динамика уровня заболеваемости населения в России за 1997 по 2016 годы, чел./1000 чел. населения

По расположению точек на графике можно предположить наличие тенденции, выраженной линейным трендом. Необходимой процедурой построения регрессионной модели является тестирование автокорреляции случайных ошибок. Для этого проведен тест Дарбина-Уотсона. Поскольку наблюдаемое значение критерия Дарбина-Уотсона находилось между верхней и нижней критическими границами, возникла неопределенность ситуации, что потребовало дополнительного исследования с помощью коэффициента автокорреляции остатков первого порядка. Коэффициент является положительным и не превышает критическое значение, следовательно, автокорреляция остатков отсутствует.

Для прогнозирования, с помощью оценки на-

личия автокорреляции остатков, была выбрана линейная трендовая модель. Коэффициент детерминации полученного уравнения достаточно высок $R^2 = 0,893$, что свидетельствует о значимости рассматриваемой модели и высокой точности прогнозных значений. Ошибка аппроксимации равна 1,643 % и не превышает 10 %, т.е. уравнение хорошего качества. С помощью критерия Фишера оценивают качество регрессионной модели в целом. В данной модели $F_{\text{расчетное}} = 151,4$; $F_{\text{таб}} = 4,414$. Поскольку $F_{\text{расчетное}} > F_{\text{таб}}$ при 5 %-ном уровне значимости, можно сделать вывод о значимости регрессионной модели в целом.

В 2019 году уровень заболеваемости населения России будет колебаться от 787 до 890 человек на 1000 человек населения (таблица 4).

Таблица 4. Прогнозные значения заболеваемости на 1000 человек населения по Российской Федерации, зарегистрировано пациентов с впервые установленным диагнозом

Год	Точечный прогноз	Интервальный прогноз
2017	823	772-875
2018	831	779-882
2019	838	787-890

Прогнозные значения уровня заболеваемости населения в России показывают, что ситуация будет продолжать ухудшаться. Необходимо принять меры по улучшению здоровья нации.

Практическая значимость представленной работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы для оптимизации управленческих решений региональных властей в рамках принятых программ развития здравоохранения и демографического развития. В этой связи для снижения уровня заболеваемости должны быть реализованы следующие мероприятия:

1. Сформировать систему мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, при этом создавая условия для развития их физической культуры и участия в занятиях массовыми видами спорта. Это,

несомненно, предполагает распространение специальных спортивно-оздоровительных комплексов.

2. Создать систему мотиваций на здоровое питание и отказ от вредных привычек.

3. Улучшать качество реализуемой продовольственной продукции, усилить меры по борьбе с внедрением контрафактной лекарственной продукции.

4. Внедрять инновационные медицинские технологии, включая раннюю диагностику и дистанционный мониторинг состояния здоровья пациентов.

5. Осуществлять поддержку и повышать качество жизни граждан пенсионного возраста.

6. Проводить и финансировать грамотную демографическую политику, направленную на сохранение и укрепление здоровья граждан России.

Литература

1. Боков, А.Н. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации: монография / А.Н. Боков, М.В. Карманов, П.А. Смелов. – Москва: Русайнс, 2015. – 154 с.
2. Гришина, Е.С. Социально-экономические условия формирования человеческого: потенциала региона / Е.С. Гришина // Российское предпринимательство. – 2013. – № 6 (228). – С. 122-126.
3. Здоровье населения Московской области. Медико-географические аспекты / С.М. Малхазова, В.Ю. Семенов, Н.В. Шартова, А.Н. Гуров. – Москва: Изд-во: ГЕОС. – 164 с.
4. Карманов, М.В. Демографическая безопасность: теория, методология, оценка / М.В. Карманов, О.В. Кучмаева, О.Л. Петрякова // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2015. – № 4. – С. 123-128.
5. Мищук, С.Н. Здравоохранение как фактор формирования и развития человеческого капитала региона / С.Н. Мищук, С.В. Аносова // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 4 (194). – С. 138-147.

6. Фирулина, И.И. Анализ заболеваемости населения Самарской области по основным классам заболеваний [Электронный ресурс] / И.И. Фирулина. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19310> – (дата обращения: 21.06.2018).
7. Хаджалова, Х.М. Влияние современного качества жизни населения на формирование человеческого капитала / Х.М. Хаджалова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2016. – № 2. – С. 109-115.
8. Чистик, О.Ф. Сравнительный анализ индексов человеческого развития в субъектах Российской Федерации / О.Ф. Чистик, О.В. Баканач // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2017. – № 11 (157). – С. 57-61.
9. Щепина, О.П. Здоровье населения региона и приоритеты здравоохранения / О.П. Щепина, В.А. Медина. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 384 с.
10. Foster Harold D. Health, diseases and environment / Harold D. Foster. – Florida: Belhaven Press, London; CRS Press, Boca Raton, 1992. – 516 p.

УДК 334 doi 10.25198/2077-7175-2018-7-12

Бао Хэпин, аспирант кафедры управления рисками и страхования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
e-mail: heping91@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ КИТАЙСКОГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблеме исследования присутствия китайского бизнеса в России, развивающегося в рамках сотрудничества двух стран. Цель исследования – выявить специфику привлекательности экономического присутствия китайского бизнеса в Российской Федерации и определить наиболее эффективные формы его хозяйствования. Рассмотрены предпосылки развития российско-китайского партнерства, его временные и организационные особенности в период с 1990 г. по 2015 гг. В статье классифицируются виды рисков китайских компаний на российском рынке на основе разных критериев. В исследовании использовались такие методы, как междисциплинарный подход, выборочные наблюдения, статистический анализ, кейс-стади. Результаты исследования показали, что самыми многочисленными по количеству китайских предприятий, функционирующих в организационно-правовой форме «ООО», являются строительная промышленность, сельское хозяйство и другие производства. В статье выявлены возможные причины привлекательности открытия китайского бизнеса в России, а также обоснованы в качестве наиболее эффективных организационно-правовых форм хозяйствования общество с ограниченной ответственностью и представительство.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, классификация рисков, формы хозяйственной деятельности, представительство, экономическое присутствие.

За последние 30 лет Китай совершил невероятно качественный и количественный рывок вперед [6, 12, 16]. Сегодня ни у кого не возникает сомнений, что Китай уже оказывает значительное влияние на все мировые политические и экономические процессы [4, 10]. Россия и Китай имеют чрезвычайно продолжительную историю взаимного сотрудничества во всех сферах жизни [15, 17]. С ходом истории любой аспект политической, экономической, культурной жизни претерпевал значительные изменения [9]. Экономическая составляющая всегда являлась немаловажным фактором, влияющим как на состояние отношений России и Китая, так и на состояние мировых экономических отношений.

С.С. Барабанов проводит анализ китайских инвестиций как ключевого фактора поддержки и развития российской экономики в условиях санкций запада. Н. Ван рассматривает торговлю между Китаем и Россией, проводя анализ существующего положения и стратегий дальнейшего развития. Автор также описывает прямые инвестиции из Китая в Россию, как условия роста. А.С. Голобоков проводит анализ российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и его роль в развитии российского Дальнего Востока. Вопросы работы китайских компаний на площадках зарубежных стран, а также особенностей их функционирования на российском рынке нашли отображение в трудах китайских ученых, среди которых следует особо выделить труды Ван Чжилэ, специализирующегося на исследованиях проблем наиболее крупных китайских фирм.

Также серьезное внимание привлекают работы Ван Чжиминя, Го Ляньчжэна, Го Темина, Ли Дуяна, Ли Сюэхинаа, Лу Сина, Лу Туна, Лю Вэньгана,

Сяо Циньфу и пр., которые посвящены широкому спектру вопросов транснационального хозяйства и работы предприятий КНР на мировом рынке.

В современных условиях российско-китайские взаимоотношения развиваются в гуманитарных, торгово-экономических, производственных и других сферах. Согласно статье 16 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18.07.2001 г. обе стороны сотрудничают в областях, представляющих взаимный интерес в соответствии с национальным законодательством, и создают для этого необходимые условия. Наблюдающийся подъем в двусторонних торгово-экономических отношениях России и Китая характеризуется ростом товарооборота, активизацией инвестиционного сотрудничества, укреплением межрегиональных и приграничных связей, все большим интересом к расширению сотрудничества в валютно-финансовой, научно-технической и других областях. Согласно договору, заключенному между Россией и Китаем от 21.05.2014 г., обе стороны получили новые импульсы для сотрудничества.

В значительной мере дальнейшее развитие российско-китайского сотрудничества становится зависимым как от политических, законодательских условий экономической деятельности, так и от рыночных факторов, в том числе от выбора формы хозяйственной деятельности китайских компаний и совместных предприятий, возможных рисков и используемых подходов к их управлению и минимизации.

Проведенное исследование дает основу для формирования классификации рисков китайских компаний на российском рынке (рисунок 1).

Рисунок 1. Классификация рисков китайских компаний на российском рынке (Примечание: составлено автором)

Значительная часть рисков может быть связана с выбором формы хозяйственной деятельности. Для этого проанализируем организационно-право-

вые формы присутствия китайского бизнеса в России с учетом отраслевой специфики (таблица 1).

Таблица 1. Формы присутствия китайских компаний на российском рынке

Отрасли деятельности		Формы хозяйственного присутствия	
Отрасли деятельности	количество	типа	количество
Строительство	8	Представительство	2
		ООО	6
Финансовый сектор	4	АО	2
		ООО	2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8	ЗАО	2
		ООО	6
Оптовая и розничная торговля	23	ЗАО	1
		Представительство	19
		ООО	3
Добыча полезных ископаемых	11	ЗАО	1
		ООО	4
		Представительство	6
Производство	31	ЗАО	4
		ООО	20
		Представительство	7
Лизинг и бизнес-услуги	5	ООО	5
Другие отрасли промышленности	25	ООО	9
		Представительство	16

Источник: составлено автором по данным из официального сайта Канцелярий советника по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации

В строительной отрасли зарегистрировано 8 предприятий КНР, при этом 75 % из них относятся к ООО, и только 25 % являются представительством компании КНР. В финансовом секторе имеется по два предприятия с организационно-правовыми формами ООО и АО. В сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве зарегистрировано всего 8 предприятий, 75 % из них относятся к ООО и 25 % к ЗАО. Одна из самых многочисленных отраслей деятельности компаний из КНР в России – оптовая и розничная торговля. Здесь зарегистрировано 23 предприятия. 4 % из них относятся к ЗАО, 83 % – к представительствам, 13 % – к ООО. В горной промышленности в России зарегистрировано 11 предприятий из КНР. 9 % из них относится к ЗАО, 36 % – к ООО и 55 % являются представительствами. Область производства – самая многочисленная в выборке (31 предприятие), 13 % имеют организационно-правовую форму ЗАО, 65 % – ООО и 23 % являются представительствами. Здесь стоит отметить следующее. Большое количество представителей китайского бизнеса работает в сфере телекоммуникаций, они собирают смартфоны, разрабатывают мобильный и компьютерный софт и даже производят оптоволоконный кабель. Например, китайский информационно-ком-

муникационный холдинг Huawei Technologies Co. Ltd, за время своей работы в РФ, представлен уже в 11 российских городах. Многие китайские автопроизводители осуществляют сборку своих машин в России: Chery, Geely, GREAT WALL и т.д. По словам экспертов, из кадрового агентства Kelly Services, сегодня также наблюдается спрос на персонал для компаний из Китая – производителей автозапчастей и комплектующих. Отрасль «лизинг и бизнес-услуги» включает в себя 5 предприятий с организационно-правовой формой ООО. В иных отраслях промышленности зарегистрировано всего 25 предприятий, из которых 36 % относится к ООО и 64 % являются представительствами.

Анализ организационно-правовых форм присутствия китайского бизнеса в России показывает, что ООО, как форма хозяйственной организации, более характерна для строительной промышленности, сельского хозяйства, производства. Представительства, как форма хозяйственной организации, наиболее характерна для горной промышленности, оптовой и розничной торговли. Необходимо отметить заметное уменьшение количества зарегистрированных предприятий из КНР в 2011–2017 гг. в России (рисунок 2).

Рисунок 2. Количество предприятий из КНР, зарегистрированных в России (Источник: официальный сайт Канцелярий советника по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. Примечание: составлен автором)

Самое большое количество предприятий было зарегистрировано в период с 2006 по 2010 гг. В 2011–2017 гг. количество равно периоду до 2000 года.

Итак, мы можем выявить точную тенденцию в увеличении доли регистрации ООО с 1990 по 2011 гг. Если до 2006 года ООО занимали менее половины регистрируемых китайских предприятий в России, то с 2001 года они стабильно занимают

60% от общего числа. В 2017 году наблюдается рост экономических отношений.

Далее кратко рассмотрим регистрацию китайских предприятий в зависимости от отрасли. В первом периоде были зарегистрированы предприятия в таких областях, как финансовый сектор, оптовая и розничная торговля, производство, другие отрасли промышленности, строительная промышлен-

ленность, оптовая и розничная торговля, горная промышленность. При этом самая многочисленная – группа предприятий в отрасли «Горная про-

мышленность». Следовательно, выход китайского бизнеса в Россию, в первую очередь, связан именно с данной областью (таблица 2).

Таблица 2. Прямые иностранные инвестиции из КНР в Россию по областям

Область	Запас ПИИ из Китая в Россию (до конца 2017 г.)	Доля (%)
Горная промышленность	558 759	39,9%
Производство	311 260	22,2%
Сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство	246 294	17,6%
Лизинг и бизнес-услуги	131 526	9,4%
Оптовая и розничная торговля	42 327	3,0%
Недвижимость	37 141	2,6%
Строительная промышленность	31 301	2,2%
финансовый сектор	23 104	1,6%
Другие отрасли промышленности	20 251	1%
Общие	1 401 963	100,0%
<i>Источник:</i> составлено автором по данным из официального сайта Федеральной службы государственной статистики КНР		

В качестве важной составляющей части китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, деловое сотрудничество приносит двум государствам и их народам реальную пользу.

Согласно данным Главного таможенного управления Китая, по итогам 2017 года объем торговли между Китаем и Россией составил 84 млрд 71 млн 97 тыс. долл. США, увеличившись на 20,8 проц. по сравнению с 2016 годом. Объем экспорта китайских товаров в Россию вырос на 14,8 проц. до 42 млрд 876 млн 44 тыс. долл. США, а импорт российских товаров в Китай составил 41 млрд 195 млн 53 тыс. долл. США с приростом на 27,7 проц. [11].

Благодаря улучшению экономической ситуации в России и росту цен базовых товаров на международном рынке, с самого начала прошлого года наблюдается двузначный рост двустороннего товарооборота. Это, безусловно, свидетельствует о большом потенциале и сильной взаимодополняемости торгово-экономического взаимодействия двух стран.

Китай подряд восемь лет является крупнейшим в мире торговым партнером России, а Россия – крупнейшим поставщиком сырой нефти и электроэнергии в Поднебесную.

1 января 2018 года Китай официально ввел в коммерческую эксплуатацию вторую ветку российско-китайского нефтепровода «Мохэ-Дацин», что позволит увеличить объем поставок из России в Китай сырой нефти по этому нефтепроводу с 15 млн до 30 млн тонн в год.

Помимо нефти и древесины, России есть, что поставить на китайский рынок. К примеру, несмотря на то, что Россия не является традиционным игроком на огромном продовольственном рынке Китая, она все же может служить удачным примером в этой сфере.

Российский интернет-магазин «Юлмарт» и Российский экспортный центр установили с китайскими партнерами сотрудничество по торговле продуктами на ведущих электронных площадках Китая. В 2017 году Шанхай и Ухань после Пекина и Гуанчжоу стали очередными мегаполисами, где были проведены мероприятия под названием «Russian Gastroweek». Такие российские товары, как мука, шоколад, мороженое и др., доступны для жителей многих китайских городов.

Китай и Россия добились нового прорыва в инвестиционном сотрудничестве. В конце года была введена в эксплуатацию первая производственная линия по производству сжиженного природного газа (СПГ), важного китайско-российского проекта по энергетическому сотрудничеству «Ямал СПГ».

По сообщению Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННК), проект по СПГ в Арктике является крупнейшим в мире. Он имеет огромное значение для международного энергетического сотрудничества страны и права голоса КНР на мировом рынке энергоресурсов. 85 проц. подрядов на строительство всего модуля и 7 транспортных судов, а также эксплуатация 14 из 15 танкеров для транспортировки СПГ приходятся на китайские предприятия [17].

С поочередным введением в строй второй и третьей линии, производственная мощность проекта составит 16,5 млн тонн СПГ в год, из которых как минимум 4 млн тонн будет поступать на китайский рынок.

Новый шаг, сделанный Китаем и Россией в авиационном сотрудничестве, привлёк внимание всего мира. В мае 2017 года в Шанхае состоялась церемония открытия Китайско-российской международной коммерческой авиастроительной компании (China-Russia Commercial Aircraft International Corporation, CRAIC). Предприятие, созданное Китайской корпорацией коммерческих самолётов (COMAC) и российским ПАО «Объединённая авиастроительная корпорация» («ОАК»), будет заниматься реализацией совместного проекта разработки широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолёта нового поколения.

Стороны рассчитывают на разработку конкурентоспособного широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолёта в соответствии с новейшими международными стандартами летной годности. Проект может послужить примером китайско-российского сотрудничества.

Выводы

При анализе специфики присутствия китайского бизнеса в России выявлено, что область

производства является самой многочисленной по количеству предприятий. Организационно-правовая форма «ООО» наиболее характерна для строительной промышленности, сельского хозяйства, производства. Представительства наиболее типичны для горной промышленности и оптовой и розничной торговли. Китайский бизнес развивается в России повсеместно, начиная от Москвы и заканчивая Якутией. Бизнесмены из КНР претендуют на те ниши экономики, которые до кризиса и санкций были заняты западными производителями строительной техники, автомобилей, промышленных технологий, комплектующих и прочих товаров, конкурентоспособность которых на рынке очевидна.

Первой возможной причиной является то, что в России гораздо рентабельнее вести бизнес, чем в Китае. Вторая возможная причина привлекательности открытия бизнеса КНР в РФ – экономия на логистике. Бизнесмены из Китая понимают, что Россия – это огромный рынок сбыта, и гораздо дешевле производить продукцию по месту ее реализации, чем дополнительно переплачивать за доставку.

Третьей причиной являются существенные налоговые льготы в России при их сравнении с китайской налоговой системой.

Литература

1. Барабанов, С.С. Китайские инвестиции как ключевой фактор поддержки и развития российской экономики в условиях санкций запада / С.С. Барабанов, Е.А. Сергиевская // *Инновационная наука*. – 2016. – № 1-1. – С. 169-172.
2. Ван, Н. Торговля между Китаем и Россией: анализ существующего положения и стратегий дальнейшего развития / Н. Ван // *Экономика. Управление. Право*. – 2012. – № 1-1 (25). – С. 17-19.
3. Ван, Ц. Прямые инвестиции из Китая в Россию: условия роста / Ц. Ван, С. Чжоу // В сборнике: *Новые информационные технологии в науке – сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции*. – Стерлитамак, 2017. – С. 56-61.
4. Гахраманов, С.А.О. Государство, соотечественники и бизнес: о возможности использования российской китайского опыта / С.А.О. Гахраманов // *Вестник Нижегородского института управления*. – 2017. – № 1 (42). – С. 65-68.
5. Голобоков, А.С. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество и его роль в развитии российского дальнего востока / А.С. Голобоков, А.А. Караева // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 114-117.
6. Жилина, Л.Н. Россия в системе интересов китайского бизнеса / Л.Н. Жилина, А.О. Строганов // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 11-7. – С. 1425-1430.
7. Зеленева, И.В. Проблемы развития дальнего востока в XXI веке / И.В. Зеленева // *Федерализм*. – 2014. – № 2. – С. 85-94.
8. Игнатов, Н.Е. Перспективы сотрудничества России и КНР в сфере малого бизнеса / Н.Е. Игнатов, Л.И. Вотинцева // в сборнике: *Россия и Китай: вектор развития материалы международной научно-практической конференции*, 2017. – С. 60-62.
9. Крапчина, Л.Н. Практические аспекты организации совместной российско-китайской деятельности по производству корпусной мебели из ценных пород древесины / Л.Н. Крапчина, С.А. Влазнева, Л.Г. Котова // *Российское предпринимательство*. – 2017. – Т. 18. – № 18. – С. 2719-2730.
10. Мальцева, А.Я. Россия в системе интересов китайского бизнеса / А.Я. Мальцева // В сборнике: *Эволюция современной науки сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях*, 2016. – С. 183-190.
11. Маюров, А.Х. Развитие инвестиционного сотрудничества Китая и России / А.Х. Маюров // В сборнике: *Актуальные проблемы и вызовы международной экономики По материалам Международного кру-*

глого стола «Современные императивы в международной экономике» в рамках Международной научно-практической конференции «Галактика науки 2017», 2017. – С. 87-92.

12. Мозиас, П.М. «Новая нормальность» китайской экономики / П.М. Мозиас // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 12. – Т. 59. – С. 15-29.

13. Стецюк, В.В. Современное состояние китайских инвестиций в экономику регионов дальнего востока России / В.В. Стецюк, Р.В. Иванюк, О.В. Правилов // Взгляды креативного общества. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 1-19.

14. Сун, Я. Предприниматели из КНР в России как социально-профессиональная группа, их экономические интересы / Я. Сун // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. – 2011. – № 4. – С. 263-265.

15. Цыганкова, Е.С. Использование китайского опыта развития предпринимательства для поддержки бизнеса в России / Е.С. Цыганкова, И.О. Егорочкина, Л.А. Манвелян // В сборнике: Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления – сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2018. – С. 202-206.

16. Чжао Синь. Внешняя торговля Китая: особенности динамики и оценка структурных сдвигов / Синь Чжао, Л.А. Панкратова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 2. – С. 44-53.

17. Шарипов, Ф.Ф. Сотрудничество в сфере инновационных бизнес-проектов между Россией и Китаем на базе бизнес-площадок китайских высших учебных заведений / Ф.Ф. Шарипов, А.Н. Родионов А.Н., Ч. Гэ // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2017. – № 11. – С. 51-55.

УДК 338.2

Николай Константинович Борисюк, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: management@mail.ru

Ольга Сергеевна Смотрина, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: olysmotrina@mail.ru

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНЕ: ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ

*Развитие информационно-коммуникационных технологий в стране рассматривалось и рассматривается в науке с позиции концепций постиндустриального общества, сетевой экономики, информационной и цифровой экономики. В связи с этим **цель** исследования обуславливается необходимостью уточнения определения цифровой экономики с позиции логистического подхода, формулирования механизма ее развития в регионе. В статье рассматриваются подходы к трактовке понятия и содержания цифровой экономики, механизма ее развития.*

*Для реализации поставленной цели использовались структурно-логический и структурно-лингвистический **методы**.*

***Актуальность** исследования данной тематики подтверждается фактами пристального внимания в России к проблемам функционирования и развития цифровой экономики. На уровне государственного управления наблюдается активное развитие направлений, связанных с цифровизацией общества, вначале в рамках программы «Информационное общество», затем «Цифровая экономика». В настоящее время достигнуты определенные результаты по развитию цифровых технологий в регионах Российской Федерации, что требует дополнительного исследования.*

Исходя из этого, представляется теоретически интересным рассмотрение трактовок цифровой экономики, а также механизма ее реализации в регионе с учетом накопленного научного и практического опыта.

***Результаты** исследования заключаются в формулировке авторского определения цифровой экономики и механизма ее развития в регионе с позиции логистического подхода.*

***Ключевые слова:** цифровая экономика, механизм развития, постиндустриальное общество, модель цифровой экономики, принципы функционирования цифровой экономики, логистический подход.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения содержания понятия цифровой экономики и механизма ее развития в регионе с позиции логистического подхода. Анализ теоретических исследований в области цифровизации общества показал неоднозначность позиций в характеристике современного этапа развития экономики.

Исходя из этого, целью исследования является уточнение содержания понятия цифровая экономика и механизма ее развития в регионе.

В современных условиях переход к новому технологическому укладу является следствием объективной необходимости повышения эффективности постиндустриальной организации социально-экономической системы (по сравнению с высокозатратной ресурсно-энергоматериалоемкой экономической индустриального общества).

Вместе с тем, главное, что характеризует формирующуюся новую реальность – это бурное развитие информационно-коммуникационных систем и мобильных коммуникаций. Отсюда многие термины связаны с цифровыми технологиями – «но-

вый технологический уклад», «цифровая трансформация», «цифровая экономика», «API экономика», «экономика приложений» [3].

В настоящее время проблемами цифровой экономики занимаются такие ученые, как А.В. Бабкин, А.П. Добрынин, П.В. Куприяновский, С.А. Синягов, В.П. Куприяновский, Н.В. Василенко, Д.Ю. Рожкова и другие (таблица 1). На федеральном уровне в 2017 году была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации», определившая цифровую экономику как хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, способствующие формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы.

Таблица 1. Подходы к определению термина «цифровая экономика»

Автор	Трактовка понятия «цифровая экономика»
Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н.[12]	– тип экономики, характеризующийся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности; – система социально-экономических и организационно-технических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий – сложная организационно-техническая система в виде совокупности различных элементов (технических, инфраструктурных, организационных, программных, нормативных, законодательных и др.) с распределенным взаимодействием и взаимным использованием экономическими агентами для обмена знаниями в условиях перманентного развития
Рожкова Д.Ю.[6]	– совокупность экономической и социальной деятельности в контексте информационно-коммуникационных технологий с использованием Интернета и подключенных к нему устройств
Василенко, Н.В., Кудрявцева К.В.[2]	– тип экономики, характеризующийся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности
Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский П.В., Синягов С.А. [13]	– результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации

Проанализировав представленные в таблице определения цифровой экономики, можно сделать следующее заключение: независимо от используемых понятий, характеризующих трансформационные процессы, основные признаки функци-

онирования нового типа экономики, выделяемые авторами, примерно одинаковые. Данное заключение позволяет сформулировать общие принципы функционирования цифровой экономики (таблица 2) [6, 9].

Таблица 2. Принципы функционирования цифровой экономики как постиндустриальной и сетевой экономики

Принцип	Характеристика
Принцип возрастающего эффекта	Благодаря возросшему объему сети в нее вовлекается все большее количество участников. В результате увеличивается объем производства и потребления, что приводит к росту продаж и прибыли.
Принцип полноты	Ценность товара (услуги) обусловлена его избыточным предложением и повсеместным распространением. Имеет место «эффект факса».
Принцип обратного ценообразования	Все лучшие товары, встречающиеся в сети, имеют тенденцию снижения ценности со временем.
Принцип бесплатности	Самые ценные услуги должны предоставляться заинтересованным покупателям бесплатно
Принцип переоценки ценностей	Постепенное, однако, неполное замещение материальных ценностей системой знаний и информационными ценностями
Принцип глобализации	Экономика может быть представлена совокупностью связанных между собой рынков в мировом масштабе
Принцип анархии	Отсутствие центрального планового органа, который координирует и направляет деятельность участников сети
Принцип хаоса	Экономика характеризуется периодическими состояниями неравновесия. В такие периоды нежизнеспособные предприятия исчезают.
Принцип цикличности	Экономическая динамика синхронна

Учитывая принципы функционирования цифровой экономики, рядом авторов была предпринята попытка представить модель цифровой экономики. В частности, Стефанова Н.А., Седова А.П. создали модель цифровой экономики, включив в нее цифровые телекоммуникации, к которым относятся современные инновации, такие как облачные вычисления, бизнес аналитика, большие данные и многое другое.

Основным ресурсом цифровой экономики является информация, которая не иссякает как другие виды ресурсов, ее можно использовать бесконечное количество раз. Интернет – глобальная мировая сеть, в которой не ограничена площадь использования ресурсов, а также их хранение благодаря облачным технологиям [11]. Ядром цифровой экономики является сектор производства цифровых товаров и оказания услуг, связанных с цифровыми технологиями.

Цифровой сектор экономики базируется на инновационных технологиях, создаваемых электронной промышленностью. Он представлен двумя

элементами. Во-первых, это электронная промышленность, производство микрочипов, компьютеров и телекоммуникационных устройств, электроники бытового назначения. Во-вторых, это компании, оказывающие услуги в области цифровых технологий и использующие цифровые средства производства, хранения и управления данными [8].

Исходя из вышеизложенного, представляется наиболее объективным авторское определение цифровой экономики как системы производственно-экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых технологий, формирующих все процессы, превращая их в логистические схемы (рисунок 1) [1].

Понятие «механизм» часто встречается в разнообразных словосочетаниях: «хозяйственный механизм», «экономический механизм», «организационно-экономический механизм», «механизм управления». Данные дефиниции используют относительно к масштабам целого народного хозяйства или отдельных регионов, отраслей или предприятий.

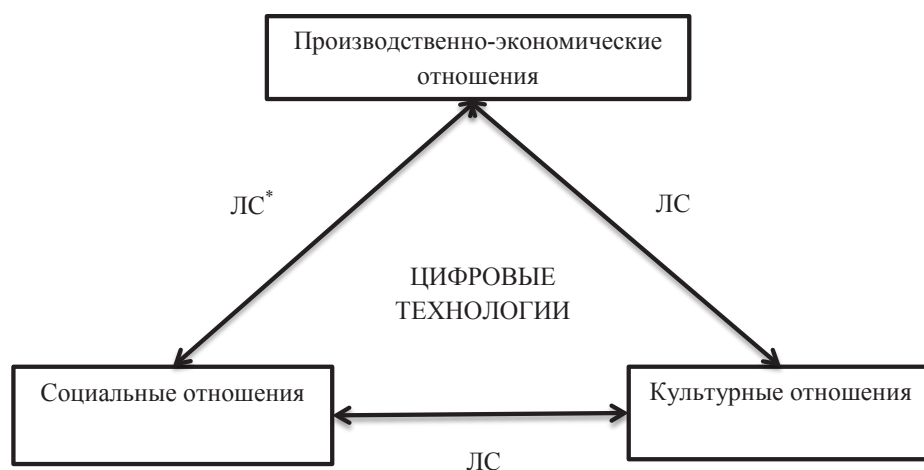

Рисунок 1. Механизм функционирования цифровой экономики (Примечание: ЛС – логистические схемы)

По мнению Л.И. Абалкина, механизм – это способ организации общественного производства с присущими ему формами и методами, экономическими стимулами и правовыми нормами [10]. По В.А. Власенко, механизм – это совокупность функций, методов, принципов и средств управления, основных задач и целей, форм, структур, технологий для эффективного использования ресурсов системы, это комплекс факторов, которые могут быть направлены на координацию функциональных аспектов деятельности социально-экономической системы с целью сохранения ее целостности, поддержания стабильного состояния параметров входа и выхода, оптимального протекания процессов в пределах подсистем и своевременной реакции на запросы окружающей среды [10].

На основе анализа научных источников можно сделать вывод о том, что развитие экономики, включая цифровую – это процесс изменений, переход от одного состояния к другому, более совершенному, качественному сравнительно с предыдущим состоянием [4, 5]. Основными свойствами развития являются необратимость, направленность, закономерность, а также упорядоченность и активная роль внутренних механизмов самоорганизации.

Рябцун В.В. предложены следующие механизмы эффективного управления развитием современного типа экономики [7]:

- реинжиниринг бизнеса хозяйствующих субъектов;
- интеграция систем электронной коммерции;
- освоение интернет-технологий;

- применение интернет-маркетинга;
- электронная паспортизация предприятий.

Обобщая научные исследования по трактовке механизма развития цифровой экономики можно выделить составляющие его элементы: технико-экономические, организационно-экономические, нормативно-правовые и социальные.

Технико-экономические составляющие отражают уровень развития конкретного производства, особенности использования информационных и коммуникационных технологий, производственные условия. Организационно-экономические включают в себя соответствующие структуры управления, процессы принятия решений, методы, приемы и правила хозяйствования, определяющие основные условия функционирования цифровой экономики [4].

Нормативно-правовые составляющие затрагивают вопросы правового регулирования цифровизации общества (налоговое, таможенное, трудовое, экологическое законодательство и т. п.) [13]. Социальные составляющие – социально-психологические принципы, показатели и методы воздействия

информационных и коммуникационных технологий на качество жизни общества. В социальной сфере цифровые технологии способны придать новое качество социальной поддержке населения и обеспечить адресность оказания социальных услуг.

Таким образом, на основе структурно-логического анализа нами уточнено понятие «механизм развития цифровой экономики в регионе» как целостной системы технико-экономических, нормативно-правовых, организационных и социальных элементов, которые реализуют воздействие управленческой системы региона посредством использования потенциала цифровой экономики с целью повышения эффективности функционирования хозяйственно-производственного комплекса региона. Как следствие регионы должны разрабатывать инновационные программы с использованием элементов цифровой экономики, особенно в таких конкретных направлениях деятельности, как поддержка научно-исследовательских проектов, образования, стратегического планирования, конкурентоспособности на внутренних и внешних инновационно-ориентированных рынках.

Литература

1. Борисюк, Н.К. Цифровая экономика: определение и содержание [Электронный ресурс] / Н.К. Борисюк, О.С. Смотрица // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции; Оренбург. гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2018. – С. 1378-1384.
2. Василенко, Н.В. Становление экономики нового типа: взаимообусловленность ее цифровизации и сервисизации / Н.В. Василенко, К.В. Кудрявцева // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы: монография / Под редакцией А.В. Бабкина. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 67-91.
3. Корабейникова, О.А., Управление социально-экономическим развитием муниципальных образований: теоретические и практические аспекты. / О.А. Корабейникова, И.Н. Корабейников – Оренбург: ИПК ОГУ, 2009. – 188 с.
4. Пархоменко, Н.А. Исследование подходов к определению понятия «Экономический механизм развития предприятия» / Н.А. Пархоменко // Науковий вісник Одеського національного економічного університету. – 2015. – № 7 (227). – С. 121-138.
5. Рожкова, Д.Ю. Цифровая платформенная экономика: определение и принципы функционирования [Электронный ресурс] / Д.Ю. Рожкова // Управление экономическими системами. Электронный журнал – 2017. – № 10. – Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-104-1042017> – (дата обращения: 11.03.2018).
6. Рябцун, В.В. К проблеме эффективного управления развитием информационной экономики в России / В.В. Рябцун // Вестник Удмуртского университета. – Серия Экономика и право. – 2009. – № 2-2. – С. 90-99.
7. Семячков, К.А. Цифровая экономика и ее роль в управлении современными социально-экономическими отношениями [Электронный ресурс] / К.А. Семячков // Современные технологии управления. – 2017 – № 8 (80). – Режим доступа: <http://sovman.ru/article/800> – (дата обращения: 15.03.2018).
8. Сидорова, О.В. Принципы функционирования и развития электронной экономики / О.В. Сидорова // Российское предпринимательство. – 2011. – Том 12. – № 9. – С. 12-16.
9. Спивак, В.В. Механизм кадрового менеджмента: понятие и основные составляющие элементы / В.В. Спивак // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института Бизнеса. – 2013. – № 3 (24). – С. 102-105.
10. Стефанова, Н.А. Модель цифровой экономики / Н.А. Стефанова, А.П. Седова // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1 (18). – С. 91-93.
11. Финогеева, В.Е. Сушность механизма устойчивого развития предприятия / В.Е. Финогеева, Н.В. Коваленко // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH: сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. – Пенза, 2018. – С. 67-71.

12. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития / А.В. Бабкин, Д.Д. Буркальцева, Д.Г. Костень, Ю.Н. Воробьев // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 9-25.

13. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) / А.П. Добрынин, К.Ю. Черных, П.В. Куприяновский, С.А. Синягов // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – № 1. – С. 4-14.

14. English Oxford living dictionaries [Электронный ресурс] // Oxford Dictionaries. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com> – (дата обращения: 16.05.2018).

15. Curran, D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy / D. Curran // EUROPEAN JOURNAL OF SOCIAL THEORY. – 2018. – Vol. 21. – Is. 2. – pp. 207-226.

16. Mikolajewska-Zajac, K. Terms of reference: The moral economy of reputation in the exchange economy platform / K. Mikolajewska-Zajac // EUROPEAN JOURNAL OF SOCIAL THEORY. – 2018. – Vol. 21. – Is. 2. – pp. 148-168.

УДК 330.322.16

Самир Агамуса оглы Гусейнов, аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
e-mail: samirsg@yandex.ru

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА

В настоящее время перед нашей страной стоит задача модернизации производственной и социальной инфраструктуры, в связи с чем значительную актуальность приобретают вопросы активного участия частных инвесторов в данном процессе, учитывая дефицитность государственного бюджета и ограничения по привлечению капитала из-за рубежа. Более того, чтобы модернизация являлась передовой, необходимо заниматься не простым воспроизводством инфраструктурных объектов, а создавать и развивать их в инновационном русле. Таким образом, цель настоящей статьи заключается в оценке инвестиционного потенциала механизмов государственно-частного партнерства в развитии инфраструктурных отраслей с применением инновационных технологий. Ведущим подходом к исследованию проблемы привлечения частного капитала в инновационные инфраструктурные проекты является анализ релевантного международного опыта и институционального потенциала нашей страны в исследуемой области. В результате проведенного анализа автором выявлены инвестиционно-инновационные возможности ключевых организационно-экономических институтов, определены перспективные направления по внедрению механизмов партнерства государства и бизнеса в совершенствовании инфраструктуры инновационного типа, представлены методы по анализу эффективности таких проектов для государства. Сделан вывод о том, что государственная политика должна быть нацелена не столько на осуществление прямой бюджетной поддержки научно-исследовательских разработок в инфраструктурной сфере, сколько на координацию усилий государственных и частных структур в развитии основных секторов инфраструктуры, особенно если речь идет об интеграции в них комплексных инновационных решений. Материалы статьи могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления, бизнес-структурами и иными интересантами для выработки оптимальных форм взаимодействия в области развития инфраструктуры инновационного типа.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, проектное инвестирование, инновационные технологии, оценка эффективности, институциональное развитие, модернизация инфраструктуры.

Среди важнейших драйверов роста экономики любой территории следует выделить такой критерий, как уровень инвестиционно-инновационной активности в развитии промышленной, транспортной, энергетической, социальной и коммунальной инфраструктуры. Актуальность исследуемой проблематики для России заключается в том, что глубокий износ большого числа инфраструктурных объектов является значительным препятствием на пути устойчивого социально-экономического развития. Более того, нашей стране чаще достается роль потребителя конечных продуктов инновационной деятельности, чрезвычайно важным в этой связи является стратегический переход от экспортно-сырьевой модели развития к инновационно-ориентированному долгосрочному экономическому росту, что должно способствовать внедрению передовых разработок в инфраструктурной сфере.

Как показывает опыт Великобритании – страны-первопроходца в сфере ГЧП, эффективный переход на устойчивый рост экономики достигается путем участия в данном процессе как государственного, так и частного капитала [1, с. 67]. Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) является одним

из ключевых механизмов стимулирования инвестиционно-инновационной активности в инфраструктурной сфере. Ряд отечественных и зарубежных исследователей, среди которых можно выделить Д. Делмона, В. Варнавского, М. Дерябину, рассматривают ГЧП в широком смысле – как различные институциональные формы альянса государства и бизнеса [7, с. 17-19]. Другие авторы, к примеру, П. Бруссер, Е. Коровин, эксперты Национального центра государственно-частного партнерства, определяют категорию ГЧП через призму проектного инвестирования, в основном направленную на развитие инфраструктурных объектов [7, с. 18-25], данной концепции в целом придерживается и группа Всемирного банка [15].

В рамках настоящей статьи автор придерживается рассмотрения концепции ГЧП как проектной формы инвестирования в инфраструктуру, дополняя возможностью внедрения инновационных технологий. Основными принципами реализации ГЧП в таком случае являются стратегическая значимость таких проектов, их окупаемость, эффективно распределенные риски и всесторонний учет интересов, а также экономическое равноправие и ответственность сторон партнерства [8, с. 59]. Таким образом,

проекты ГЧП в рамках настоящего исследования отделены от других механизмов взаимодействия бизнеса и властных структур, в частности, от системы государственных закупок, контрактов жизненного цикла или приватизации.

Для сглаживания провалов сторон соглашения и для достижения положительного синергетического эффекта государству необходимо сосредоточиться на исполнении административно-контрольных функций, а риски предпринимательской деятельности должны быть транслированы на частного партнера [4, с. 445]. Так, государство в лице публичного партнера призвано обеспечить привлекательные условия для формирования инновационной продукции или услуги в целях развития инфраструктуры, к примеру, обеспечивать предоставление налоговых, таможенных и иных льгот, гарантий отечественным и иностранным инвесторам, участвующим в реализации инно-

вационных проектов; предоставлять некоторые объемы финансовых ресурсов при необходимости. Участие же частного партнера позволяет использовать опыт, технологические ресурсы и ноу-хау бизнеса по внедрению инновационных технологий в капиталоемкие инфраструктурные отрасли, что создает необходимые условия для ускоренного роста инвестиционной привлекательности территории [4, с. 442]. Применяемые при этом схемы проектного финансирования, как правило, уменьшают стоимость привлекаемого капитала, так как частный партнер по проектам ГЧП относится к безрисковой категории заемщиков.

В мировой практике уже достаточно давно принято оценивать уровень конкурентоспособности страны, в том числе, на основе инновационного потенциала, уровня развития общественных институтов, а также наличия инфраструктурных объектов и их качества (рисунок 1).

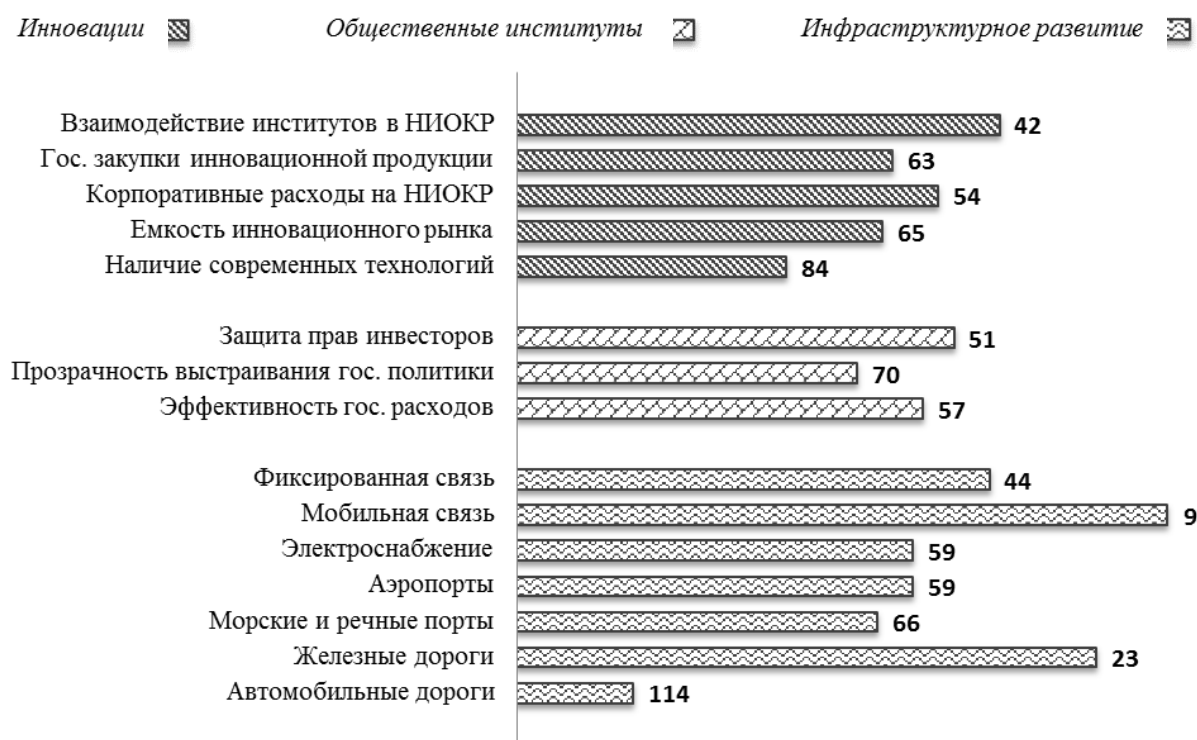

Рисунок 1. Место России среди государств по конкурентоспособности в разрезе сфер деятельности (Источник: The Global Competitiveness Report 2017–2018. Примечание: составлено автором)

Так называемые «быстро развивающиеся страны со средним доходом» (к примеру, страны Восточной Европы) ставят целью переход в разряд развитых стран во многом за счет использования накопленного научного капитала для создания институциональной среды инновационного предпринимательства, в том числе на инфраструктурном рынке [12, с. 179]. Реализация инфраструктурных проектов в России при показателях развития общественных институтов выше среднего и достаточ-

ных возможностях отечественного инновационного рынка привлекательно для всего общества, так как целью ГЧП ставится последовательное решение не только текущих, но и стратегических задач развития национальной и региональной экономики. Осуществление инновационных проектов в инфраструктуре через механизмы ГЧП особенно перспективно в автомобильной отрасли, которая является слабым звеном в инфраструктурном развитии нашей страны.

Важно понимать, что при реализации ГЧП публичный партнер, в первую очередь, призван преследовать общественные интересы, тогда как целью частного партнера является извлечение прибыли. Более того, как уже было отмечено, эффективное распределение рисков между сторонами партнерства должно позволять государству сосредоточиться на устранении недостатков бюрократического характера, препятствующих инновационной деятельности частного партнера. Однако, к сожалению, органы власти сегодня еще не выработали оптимальных, отвечающих современным реалиям методов по оценке эффективности своих вложений в инновационные проекты ГЧП.

В международной практике приоритетными формами стимулирования государственно-частных капиталовложений в высокотехнологичных отраслях помимо финансового стимулирования являются развитие научно-технических площадок и заключение правительственных контрактов. К примеру, в рамках правительственных контрактов во Франции создаются интегрированные проектные группы, включающие исследователей, инженеров и технических экспертов, финансистов, аналитиков и менеджеров различного звена, маркетологов. Данные специалисты в рамках группы решают не только задачи инновационных разработок и их внедрения в создаваемые объекты, но и занимаются их экономикой и ценообразованием [9, с. 12-13].

Нашей стране еще предстоит пройти ключевые этапы формирования ГЧП в инновационной сфере – от определения методов регулирования данной сферы до координации усилий по созданию и развитию институтов инновационного предпринимательства. Согласно Майданик В.И., Савельевой И.Н., такой переход начался в развитых капиталистических странах еще в 1970-х годах, а с 1990-х происходило определение стратегических приоритетов развития и формирование инновационной политики [9, с. 10-11].

Целью заключения соглашений между властными структурами и бизнесом в инновационной сфере, как правило, является проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, где определены сроки, источники финансирования, исполнители, права на результаты исследований. Однако в таком случае частная сторона является лишь исполнителем, как это происходит при государственной закупке. В целях вовлечения сторон именно в партнерство, бизнесу необходимо, наряду с государством, участвовать в управлении инфраструктурными проектами инновационного типа, в том числе заниматься вопросами привлечения финансирования, распределения рисков и прибыли.

Как показывает международный опыт, ГЧП в сфере инноваций может принимать различные модели и формы взаимоотношений, которые участ-

ники считают наиболее эффективными для достижения своих задач. На пересечении инновационной сферы и ГЧП автором настоящей статьи предлагается выделить три основных направления:

1. Стимулирование инновационной деятельности путем развития технопарков, бизнес-инкубаторов, механизмов венчурного финансирования. Реализация подобных проектов возможна посредством различных инвестиционных контрактов, однако применение классического ГЧП с инструментами проектного инвестирования представляется здесь не лучшим решением, так как в концессиях и соглашениях о ГЧП предусмотрено более долгосрочное сотрудничество, с нивелированием основных проектных рисков, чего трудно добиться при том же венчурном подходе.

2. Развитие ГЧП в инновационно-промышленной сфере. Сегодня развитие промышленной инфраструктуры в рамках партнерства государства и бизнеса осуществляется в основном через механизмы кластеров и особых экономических зон (далее – ОЭЗ). Так, в целях развития производства и реализации инновационной продукции функционируют специализированные технико-внедренческие ОЭЗ. Всего на 1 января 2017 г. в России действовало 6 таких зон: 2 в Московской области и по 1 в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан и Томской области. В том же 2017 г. относительно эффективными с бюджетной точки зрения Счетной палатой РФ признаны лишь 2 ОЭЗ, функционирующие в Татарстане и Санкт-Петербурге [10]. Однако автором констатируется, что промышленная инфраструктура имеет значительный инновационный потенциал развития и в рамках классического ГЧП. Наиболее популярной формой ГЧП в России являются концессии, где объектом инвестирования, в отличие от соглашений о ГЧП, не могут выступать имущественные комплексы, предназначенные для производства промышленной продукции. Несмотря на то, что соглашения о ГЧП в отличие от концессий довольно новый инструмент для нашей страны, и зачастую более сложный к структурированию, его необходимо развивать с точки зрения создания и модернизации инновационной промышленной инфраструктуры.

3. Развитие ГЧП в сфере предоставления инфраструктурных услуг с применением инновационных технологий. Сфера услуг охватывает значительную часть деятельности в области развития производственной (транспорт, энергетика, связь) и социальной (коммунальное хозяйство, экология, рекреация и др.) инфраструктуры. Возможности классического ГЧП, в первую очередь концессий, в развитии инфраструктурных услуг путем привнесения в них инновационной составляющей редко практикуется в нашей стране, поэтому данная ниша представляет наибольший интерес и наряду с предыдущим пунктом является предметом рассмотрения настоящей статьи.

В России имеются предпосылки к развитию в вышеуказанных направлениях – сформированы основные организационно-экономические институты ГЧП, имеющие компетенции в обеспечении инновационного развития в высокотехнологической инфраструктуре. По мнению автора, в инновационном обновлении ключевых секторов инфраструктуры важную роль должны играть финансово-инвестиционные механизмы ГЧП. Сегодня важнейшими из учреждений, средства которых направляются на финансирование инфраструктурных проектов, например, в сфере транспорта, являются ГК «Автодор»; естественные монополии (в первую очередь, ОАО «РЖД»); Фонд национального благосостояния РФ; негосударственные пенсионные фонды и крупнейшие коммерческие банки.

Среди наиболее распространенных инструментов ГЧП в инновационной сфере можно выделить целевые инвестиционные программы, направленные на софинансирование расходов компаний, осуществляющих создание продукции инновационной направленности (одной из наиболее таких крупных компаний является АО «Роснано»). Другим примером поддержки ГЧП в инновационной сфере

являются региональные паевые инвестиционные фонды, формируемые за счет смешанного финансирования: средств из бюджетов субъектов РФ и частных капиталовложений [3, с. 100].

Развитием инструментов ГЧП в инновационной сфере, в том числе представлением интересов государства в различных структурах с государственно-частным капиталом, занимаются также государственные корпорации: так, ГК «Внешэкономбанк» осуществляет кредитование инфраструктурных, промышленных или экспортных проектов, которые по каким-либо причинам не могут финансироваться коммерческими банками. Стоимость проекта при этом должна быть более 2 млрд руб., а срок окупаемости проекта более 5 лет.

Государство сегодня стоит перед выбором между увеличением расходов на развитие экономики и исполнением социальных обязательств в полном объеме. К примеру, из бюджетных средств в 2018 году на развитие ключевых отраслей инфраструктуры, в том числе инновационного типа, планируется направить около 1,8 трлн рублей (рисунок 2), где речь в основном идет о реконструкции и ремонте капитальных объектов [5, с. 15].

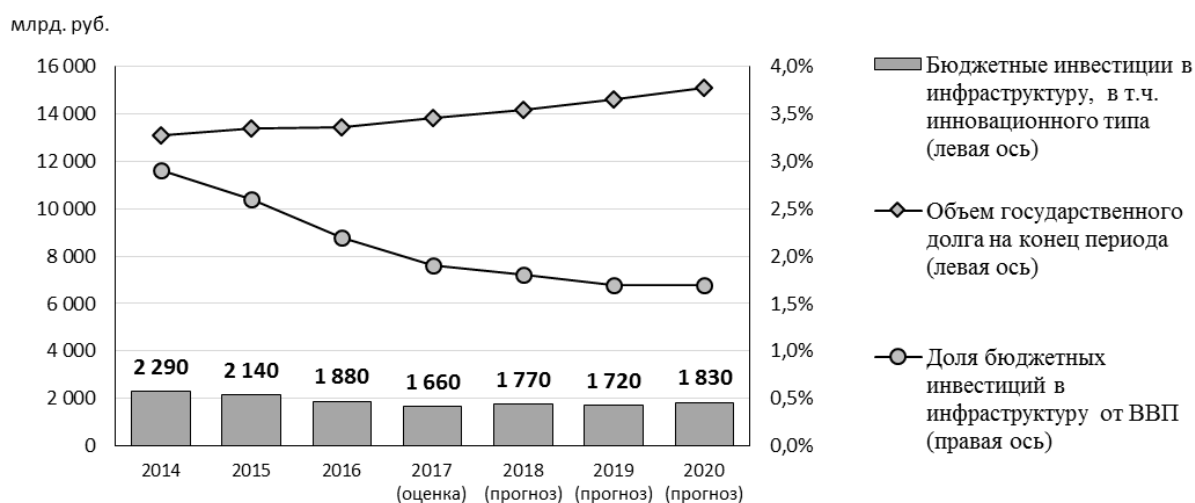

Рисунок 2. Бюджетные ограничения в сфере инфраструктурных инвестиций (Источник: Инвестиции в инфраструктуру 2018 / InfraONE. Примечание: составлено автором)

Расходы бюджетной системы на инфраструктуру упали ниже 2% ВВП, а если добавить частный и квази-государственный капитал, то эта цифра не превысит 5% ВВП. Размеры потенциально доступного для инвестиций внебюджетного капитала составляют около 2 трлн рублей в год, более 25% из которых приходится на частный капитал, что является ощутимым подспорьем для расширения инвестиций в инфраструктуру до 7% ВВП [5, с. 2]. Сотрудничество различных институтов ГЧП становится все более обширным, а в целом имеется большой потенциал для развития партнерства государства и бизнеса в России, где среднегодовые темпы

развития рынка ГЧП за 2013-2016 годы составили 124,5% [6, с. 8].

Как отмечают Морозова И.А., Дьяконова И.Б., в практике стран западной Европы к наиболее рекомендовавшим себя отраслям для внедрения механизмов ГЧП с применением инновационных технологий, в первую очередь, относятся те, которые традиционно находятся в зоне ответственности государства [7, с. 13]. По мнению автора, сюда, в первую очередь, относятся отрасли социальной инфраструктуры, объекты медицины высоких технологий, экологии – здесь можно отметить острую необходимость в решении проблемы утилизации

коммунальных отходов (к примеру, путем внедрения современных экологических трубопроводов, транспортирующих отходы до места переработки под высоким давлением). Перспективными также являются проекты в сферах информационно-телекоммуникационных технологий, энергоэффективности в жилищном хозяйстве [11, с. 95].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Существующие в России механизмы государственно-частного финансирования не являются достаточными для модернизации ключевых инфраструктурных отраслей с применением инновационных технологий.

2. Не выработаны обоснованные механизмы оценки эффективности проектов ГЧП в инновационной сфере с точки зрения органа власти.

Органам государственной власти в этой связи рекомендуется определить приоритетные сферы применения механизмов ГЧП, расширить и упорядочить нормативно-правовую базу в данной области, разработать методику всесторонней оценки проектов ГЧП в инновационной сфере, а также осуществлять строгий контроль использования бюджетных средств. Кроме этого, необходимо создавать условия для повышения квалификации специалистов в управлении инновационными проектами ГЧП [2, с. 15].

Только отлаженные и верно структурированные проекты ГЧП, осуществляемые в частности в области развития инфраструктуры инновационного типа, содержат в себе возможности по трансформации ресурсов государства и бизнеса в мощный инвестиционный рычаг, включающий не только проведение научно-технических разработок и развитие технологий, но также мероприятия по их дальнейшей эффективной коммерциализации и продвижению на рынке. При принятии решения органом власти относительно согла-

шений ГЧП, необходимо чтобы они были тесно увязаны со стратегией развития страны, а мобилизуемые в рамках партнерства экономические ресурсы направлялись в реализацию важнейших инфраструктурных проектов, имеющих потенциал внедрения инновационных технологий. Отбор ресурсов должен быть согласован с достижением максимального социально-экономического и финансового эффектов.

Таким образом, публичному партнеру при анализе эффективности проектов ГЧП в инновационной сфере, в первую очередь, рекомендуется начинать рассмотрение с оценки осуществимости и целесообразности проекта с точки зрения решения социально-экономических задач и стратегии инновационного развития. Далее важно оценить ожидаемые эффекты проекта ГЧП в сравнении с бюджетным финансированием или альтернативными моделями реализации посредством критериев «затраты-выгоды», «цена-качество» [13, с. 120-121]. Также должна проводиться оценка коммерческой привлекательности проекта для инвесторов и кредиторов, а также анализ фискальной ответственности публичного партнера, включающий заключение о возможности исполнения соглашения с учетом предоставления бюджетных средств, государственных гарантий и преференций.

Настоящая статья представляется релевантной для использования потенциальными партнерами как со стороны государства, так и бизнеса, ставящих целью участие в эффективно структурированных проектах, позволяющих внедрять передовые инвестиционные решения в достижении инновационного вектора развития инфраструктурных отраслей. Кроме того, положения статьи могут быть полезны для исследователей в дальнейшем анализе актуальных вопросов, ограничений и перспектив, имеющих место на пересечении инновационной сферы и развития инфраструктуры в рамках ГЧП.

Литература

1. Варнавский, В.Г. Новая концепция государственно-частного партнерства в Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 8. – С. 67-75.
2. Веселовский, М.Я. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: современное состояние и перспективы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6. – № 3. – С. 8-17.
3. Грибовский, А.В. Государственно-частное партнерство как инструмент стимулирования инновационной деятельности в научно-технической сфере Российской Федерации // Наука. Инновации. Образование. – 2012. – № 11. – С. 90-110.
4. Гусейнов, С.А. Государственно-частное партнерство как механизм модернизации региональной инфраструктуры // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 5-1 (82-1). – С. 442-447.
5. Инвестиции в инфраструктуру 2018 [Электронный ресурс] / InfraONE. – Режим доступа: https://infraone.ru/analitika/infraone_sochi_2018.pdf – (дата обращения: 11.04.2018).
6. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016-2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» [Электронный ресурс] / Центр развития ГЧП. – Режим доступа: http://pppcenter.ru/assets/docs/ratingREG2017_B5_Block_31-03-2017-web.pdf – (дата обращения: 25.05.2018).
7. Колягин, С.О. Совершенствование инструментария оценки эффективности проектов частно-государственного партнерства: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Колягин Сергей Олегович. – Тамбов, 2015. – 145 с.

-
8. Мальгин, В.А. Государственно-частное партнерство как важнейший фактор инновационного развития экономики России // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2. – С. 57-60.
 9. Октябрьский, А.М., Богачев, Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационных системах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и Право. – 2012. – № 2. – С. 8-13.
 10. Официальный сайт Счетной палаты РФ. Сообщение от 10.04.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://audit.gov.ru/press_center/news/29969/ – (дата обращения: 27.04.2018).
 11. Рыбина, Е.Г. Организационно-экономические методы инновационного управления в жилищной сфере: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Рыбина Евгения Геннадьевна. – Москва, 2016. – 196 с.
 12. De Mello, L., Dutz, M.A. Promoting Inclusive Growth: Challenges and Policies [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16948/> – (дата обращения: 18.05.2018).
 13. Public-Private Partnerships Reference Guide: Version 3.0 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://library.pppknowledgelab.org/documents/4699/> – (дата обращения: 17.04.2018).
 14. The Global Competitiveness Report 2017-2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.weforum.org/gcr> – (дата обращения: 03.05.2018).
 15. What are Public Private Partnerships [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/overview/what-are-public-private-partnerships> – (дата обращения: 04.06.2018).

УДК 331.546

Наталья Анатольевна Зинюхина, кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной информатики в экономике и управлении, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: zin@mail.osu.ru

Юлия Николаевна Никулина, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, сервиса и туризма, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: juliaguzenko@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что в настоящее время одним из условий формирования новых направлений экономической деятельности являются профессиональные стандарты, которые максимально помогают приблизить подготовку молодых специалистов к требованиям работодателя. Статья направлена на исследование комплекса вопросов, связанных с аспектами влияния и взаимосвязи профессиональных стандартов с системой высшего образования. Ведущим **подходом** к исследованию данной проблемы является системный подход, а также теоретико-методологический анализ источников, позволяющие выявить особенности внедрения профессиональных стандартов. Авторами выделены преимущества от внедрения профессиональных стандартов для различных участников рынка труда и рынка образовательных услуг. Выявлены подходы и методы разработки профессиональных стандартов в России и за рубежом. Приводятся результаты исследования предприятий - работодателей в части оценки профессиональной пригодности молодых специалистов и качества их подготовки с учетом требований рынка труда. В заключении сделаны **выводы** о необходимости координации усилий вузов и представителей бизнес-сообщества в вопросах подготовки конкурентоспособных специалистов. Материалы статьи могут быть полезны при разработке комплекса мероприятий и внедрении новых подходов к организации работы по актуализации образовательных программ вузов с учетом положений профессиональных стандартов.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, высшее образование, рынок труда, молодой специалист, качество подготовки.

Изменения, происходящие в системе квалификаций, создали беспрецедентную ситуацию для системы подготовки кадров. Если еще несколько лет назад профессиональное образование могло вполне успешно существовать как закрытая система, цели и приоритеты развития которой устанавливались преимущественно на основании внутренних потребностей и интересов научно-педагогического сообщества, то сегодня такая практика уже невозможна. Утрата связи с экономикой, игнорирование сигналов рынка труда и заказа со стороны работодателей неизбежно приводят к деформации самого предназначения профессионального образования как института кадрового воспроизводства. Интегративным фактором и точкой сопряжения интересов образовательного и профессионального сообщества становится квалификация – главная ценность, источник наращивания человеческого капитала страны [1].

Ключевыми элементами национальной системы квалификаций в России являются профессиональные стандарты, которых в настоящее время разработано уже более тысячи. Формируются наименования и описания квалификаций, востребованных на рынке труда. Профессиональные стандарты выражают консолидированное представление профессионального сообщества об осо-

бенностях того или иного вида профессиональной деятельности и позволяют выстроить диалог двух сторон – системы профессионального образования и работодателей, которые пока по-разному трактуют понятия и термины, связанные с подготовкой молодого специалиста [4]. В образовании говорят о направлениях подготовки, профессиях и специальностях широкого профиля, а для работодателей за словами «сварщик» или «программист» стоят несколько десятков квалификаций. В образовании часто ссылаются на необходимость фундаментальной подготовки, развития общепрофессиональных компетенций как условия профессиональной мобильности выпускника, а работодатели акцентируют внимание на несамостоятельности молодых специалистов и необходимости их дополнительного обучения [6].

Фундаментальность профессионального образования нельзя рассматривать как абсолютную противоположность практикоориентированности. Освоение той или иной конкретной квалификации при наличии хорошего основания не требует значительного времени, поскольку учит применять теоретические и (или) методологические знания и умения при использовании конкретных технологий, выборе средства труда. Сегодня и сами работодатели подчеркивают важность не только профессиональных

навыков, но и универсальных компетенций потенциальных работников. Задача состоит не в том, чтобы отказаться от одних требований в угоду другим, а в том, чтобы четко определить содержание этих требований, разделить ответственность за процедуру их оценки между разными участниками рынка образовательных услуг и рынка труда [5].

Профессиональный стандарт содержит характеристики квалификации, необходимой работнику для осуществления определенной профессиональной деятельности в форме описания требований

к содержанию и качеству труда. Профстандарты призваны заменить действующие квалификационные справочники, которые устарели в связи с отсутствием в них ряда существующих профессий, по крайней мере, в экономически трансформирующихся отраслях. В современных условиях профессиональные стандарты крайне необходимы для подготовки высококачественных и востребованных кадров [7]. Характеристика основных преимуществ от внедрения профессиональных стандартов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Преимущества от внедрения профессиональных стандартов для работодателей, работников и образовательных организаций

Для работодателей позволит:	Работнику даст возможность:	Образовательным организациям позволит:
Структурировать профессиональную деятельность, описать требования к трудовым функциям и качеству их выполнения	Определить какие умения и знания необходимы для конкретной профессии или должности	Разработать учебные программы, модули и учебно-методические материалы в соответствии с требованиями и при участии работодателей
Повысить качество труда и эффективность работников, развить их компетенции, освоить требуемые квалификации, достигнуть высоких показателей в работе	Повысить квалификационный уровень и подтвердить его соответствующим документом	Сократить разрыв между знаниями, которые получают студенты по образовательным программам, и знаниями, которые в реальности нужны современному бизнесу
Контролировать профессионализм работников, поддерживать и улучшать отраслевые стандарты качества	Получать рекомендации и направления от работодателя, чтобы пройти дополнительное обучение, сертификацию	Планировать подготовку по направлениям и профилям, которые будут необходимы рынку труда в долгосрочной перспективе

Профессиональные стандарты широко распространены. К странам, в которых в основе квалификаций лежат требования профессиональных стандартов, относятся Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Турция, Франция, Швейцария, Эстония [3].

Наиболее ярким примером рамки квалификаций является национальная рамка квалификаций Великобритании, которая создана на основе профессиональных стандартов по 14 категориям, объединяющим свыше 50 укрупненных областей профессиональной деятельности.

Основная идея использования профессиональных стандартов основана на анализе ситуации на рынке труда Великобритании. Благодаря использованию профессиональных стандартов, в национальной рамке квалификаций Великобритании отражены все аккредитованные квалификации и соответствующие им свидетельства, дипломы, сертификаты. Следует подчеркнуть, что отношения между квалификациями внутри рамки не статичны и постоянно усложняются. Поддерживая связь между со-

ставляющими, рамка, с одной стороны, объединяет и систематизирует существующие квалификации (дипломы/сертификаты), с другой – стимулирует разработку новых квалификаций при возникновении такой необходимости на рынке труда [2].

В настоящее время во всех развитых и развивающихся экономиках придается большое значение упорядочению требований к качеству и содержанию трудовой деятельности работников. В России разработка профессиональных стандартов координируется двумя субъектами, во-первых, это инициатор использования профессиональных стандартов в России – предприниматели в лице Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), во-вторых, это Министерство труда и социальной защиты РФ [8].

В России и США подходы и методы разработки профессиональных стандартов сегодня различны. В России и других странах Европы, в Японии, Австралии активизировалось движение от локальных корпоративных систем стандартов к формированию общенациональной системы. В США по-прежнему отдается предпочтение корпоративным профессиональным стандартам, наличие которых рассматри-

вается как один из показателей конкурентоспособности отрасли, правда, в последнее время и в США наблюдается движение к общенациональной системе квалификаций [11].

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ каждый выпускник программ профессионального образования должен подтвердить свой образовательный уровень и квалификацию. Оценка квалификации – процедура добровольная, однако получение подтверждения квалификации может стать серьезной преференцией для любого работника повысить его защищенность на рынке труда. Даже в случае негативного результата соискатель получает важную информацию о дефицитах профессиональных компетенций, а также рекомендации по перспективам профессионального развития и освоению программ дополнительного профессионального образования. Процедура независимой оценки квалификации, с одной стороны, имеет констатирующий характер, с другой – обеспечивает возможности для самооценки и обоснованного конструирования образовательной и карьерной траектории [9].

Свидетельство о квалификации позволяет понять, что конкретно умеет делать тот или иной человек, повышает шансы на трудоустройство и профессиональную мобильность. В перспективе данные о специалистах различной квалификации, хранящиеся в реестре сведений о независимой оценке квалификации, могут быть использованы и рекрутинговыми агентствами, и работодателями для решения задач управления развитием персонала.

Вузы, колледжи и иные образовательные организации, осуществляющие подготовку кадров, также потенциально заинтересованы в независимой оценке квалификаций как источнике информации о качестве прикладных образовательных программ. Идея проведения профессиональным сообществом экспертизы профессиональных образовательных программ не является принципиально новой. Начиная с 1990-х гг. она непрерывно обсуждалась и признавалась одним из оптимальных инструментов преодоления кризисных явлений в системе профессионального образования. Однако до последнего времени не существовало четко оформленных внешних ориентиров, на соответствие которым можно было бы проверять образовательные программы. Появление профессиональных стандартов задало планку для оценки качества профессиональных образовательных программ с точки зрения их ценности для рынка труда, способности сделать выпускника конкурентоспособным в выбранной профессии, гарантировать ему получение квалификации, соответствующей ожиданиям работодателей [10].

Под влиянием происходящих в системе квалификации процессов будет последовательно пересматриваться и подход к присвоению квалифи-

каций: наряду с квалификацией по образованию (техник, бакалавр или магистр) можно будет подтвердить и профессиональную квалификацию, содержание которой очевидно для рынка труда и понятно работодателям. Но обратная сторона этих новых условий – конфликт результатов, зафиксированных системой образования и установленных при проведении профессионального экзамена. Для того чтобы избежать конфликта между рынком труда и сферой образования и максимально продуктивно использовать в интересах последней новые механизмы оценки квалификаций, необходимо решить вопрос о взаимодействии систем итоговых аттестаций в образовании и профессиональных экзаменов – провести серьезную аналитическую работу по поиску адекватных сценариев сосуществования, а впоследствии – нормативного правового оформления. Понятно, что соответствие образовательной программы требованиям профессиональных стандартов – это не только и не столько перенос положений стандартов в текст программы, сколько создание условий, обеспечивающих подготовку выпускников в соответствии с требованиями рынка труда [12].

В Оренбургском государственном университете уделяется повышенное внимание вопросам актуализации образовательным программ с учетом потребностей и запросов бизнес-сообщества. Ежегодно в рамках Всероссийской научно-методической конференции «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры» организуются круглые столы с приглашением представителей предприятий-работодателей, на которых обсуждаются актуальные вопросы взаимодействия в этой сфере. Так, в 2014 году прошел круглый стол «Реализация образовательных программ в сетевой форме и подготовка кадров по прикладному бакалавриату», в котором приняли участие представители администрации вуза, деканы факультетов, преподаватели, а также работодатели ЗАО «СИХ «Ликос», ОАО «Завод бурового оборудования», ОАО «ПО «Стрела», ООО «Элинс», ЗАО «Автоколонна № 1825», ООО «СПЕКТР-ГРУПП», ОАО «Газпром газораспределение». На круглом столе обсудили подходы к разработке и реализации сетевых образовательных программ высшего образования, миссию, цели и задачи прикладного бакалавриата и другие вопросы. В 2018 году в рамках конференции состоялось заседание круглого стола «Профессиональные и образовательные стандарты: кадровая политика и новая стратегия подготовки кадров». В числе участников выступили – министр труда и занятости населения Оренбургской области, представители ОСПП Оренбургской области, Торгово-промышленной палаты Оренбургской области, ПАО «МРСК Волги» – «Оренбургэнерго», ПАО «Оренбургнефть», Южно-Уральского филиала ООО «Газпромэнерго», учебного центра

«Профстандарт». Обсуждались вопросы потребности в специалистах на региональном рынке труда, говорили об опыте сотрудничества предприятий и университета по переподготовке специалистов, практике внедрения профстандартов на предприятии. Поднимались проблемы практической реализации взаимосвязи профессиональных и образовательных стандартов в современных условиях в целом, в том числе на примере подготовки специалистов в области управления персоналом, сервиса и туризма в ОГУ.

Кроме того, подобные вопросы обсуждаются на заседаниях научно-методического совета университета. Так, в марте 2018 г. к обсуждению был вынесен и рассмотрен вопрос «Разработка основных образовательных программ бакалавриата по стандартам ФГОС ВО 3++ (на примере проекта рекомендованной ПООП направления подготовки 42.03.02 Журналистика)», с учетом положений про-

фессионального стандарта в этой области.

Университетом проводится постоянный мониторинг оценки качества подготовки молодых специалистов с позиции предприятий-работодателей – партнеров вуза. В исследовании 2017 года приняло участие более 80 организаций и учреждений. По сферам деятельности компании представляют основные отрасли российского рынка, которые в целом соответствуют специальностям и направлениям подготовки, реализуемым в университете.

На вопрос «В каких именно специалистах заинтересованы работодатели» 48% респондентов ответили, что в практико-ориентированных, подготовленных под конкретный профиль предприятия, чуть менее (42%) заинтересованы в специалистах, обладающих теоретическими и фундаментальными знаниями с хорошей практической подготовкой. 10% респондентов затруднилось ответить (рисунок 1).

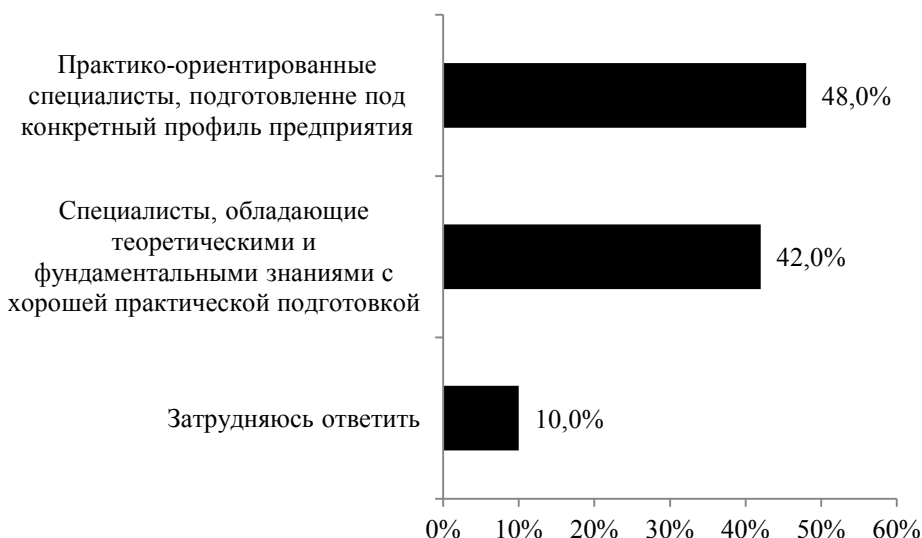

Рисунок 1. В каких специалистах предприятия заинтересованы в большей степени?

При приеме молодых специалистов, в первую очередь, работодатели всех сфер экономики региона обращают внимание на соответствие образования кандидата требованиям должности (64%), качество образования соискателя, уровень его профессиональных знаний (60%), личностные и деловые качества кандидата (56%), наличие профессионального опыта (40%). Реже респонденты придают значение внешнему виду соискателя (16%), а также наличию рабочей профессии (13,8%), долгосрочному характеру взаимоотношений с вузом, в котором получил образование соискатель 4%.

На вопрос «На сколько быстро выпускники вузов приступили к работе на предприятиях» большинство респондентов исследования (36%) ответили, что выпускники приступили к работе не сразу, т.к. нуждались в дополнительном обучении на рабочем месте. Около трети респондентов (34%)

ответили, что практически сразу начали полноценно работать, но сначала прошли обязательную внутрифирменную подготовку. На 12% предприятиях выпускники сразу приступили к работе без каких-либо затруднений (рисунок 2).

В связи с ростом необходимости дополнительного обучения молодых специалистов был задан вопрос «Готов ли работодатель в ходе образовательного процесса осуществлять на паритетной основе профессиональную переподготовку студентов по профилю предприятия?». В результате лишь треть респондентов (32%) ответили, что готовы. 26% ответили отказом, 42% затруднились ответить.

Профессиональной подготовкой специалистов с высшим образованием полностью удовлетворены 16% работодателей, 60% – удовлетворены подготовкой выпускников частично. Не устраивает подготовка выпускников вузов лишь 2% респондентов,

Рисунок 2. Насколько быстро выпускники вузов приступили к работе на предприятиях?

22% затруднились ответить на этот вопрос. Оценивая уровень теоретических знаний выпускников вузов, работодатели указали, что он соответствует требуемому уровню в среднем на 70%, а уровень практических – на 50%. При этом работодатели также оценили уровень компетенций выпускников – общекультурных в среднем на 70%, общепрофессиональных – на 50-60%.

Большинство респондентов отмечают отсутствие готовности к практической деятельности у современных выпускников (66%), связи с реальными потребностями предприятия и рынка в целом (46%), недостаток чувства ответственности (38%), а также самостоятельности и инициативы (28%). Кроме того, работодатели указывают на неумение работать в коллективе (18%), недостаток теоретических знаний у молодых специалистов (6%).

Работодатели указали, какие модели взаимодействия (формы сотрудничества) между бизнесом и образованием для них наиболее интересны в современных условиях:

- непосредственное трудоустройство выпускников по заявкам – 38%;
- закрепление предприятия в качестве базы практики для студентов – 32%;
- участие в учебном процессе – 28%;
- прямое сотрудничество с кафедрами вуза – 22%;
- участие в заседаниях комиссий по приему государственных экзаменов и защите выпускных квалификационных работ – 20%;
- повышение квалификации сотрудников предприятия на базе вуза – 12%;

- целевая контрактная подготовка студентов (отраслевой заказ) – 12%;
- сотрудничество в области проведения научных исследований – 2%;
- создание базовых кафедр – 2%;
- сетевые формы реализации образовательных программ – 2%;
- учреждение и выплата именных стипендий, грантов талантливым студентам и молодым ученым – 1,2%.

Работодатели своими ответами на вопрос продемонстрировали высокую заинтересованность в трудоустройстве выпускников по заявкам на открытые вакансии, привлечении выпускников на производственную и преддипломную практику, а также участия в учебном процессе и непосредственном взаимодействии с кафедрами выпускающих специалистов по профилю предприятия. Что касается сетевых форм реализации образовательных программ, создания базовых кафедр, то лишь по 2% респондентов готовы на такие формы сотрудничества. Возможно, это объясняется неосведомленностью руководства предприятий о специфике таких форм взаимодействия.

Результаты опроса предприятий-работодателей свидетельствуют, что в целом работодатели не полностью удовлетворены уровнем подготовки молодых специалистов, но в то же время готовы включаться в процессы разработки новых образовательных программ, в том числе с учетом профессиональных стандартов.

В заключение стоит отметить, что для создания эффективной системы подготовки кадров необхо-

димы социальное партнерство и неформальный диалог между заинтересованными сторонами, гармонизация ожиданий различных субъектов рынка труда и рынка образовательных услуг при дифференциации ответственности, задач и полномочий, открытость в обсуждении и решении проблем подготовки конкурентоспособных молодых специалистов. Объединение вузов и работодателей в рамках

разработки и внедрения образовательных программ с учетом требований профессиональных стандартов будет способствовать подготовке высокопрофессиональных, востребованных рынком труда кадров и внедрению инноваций в процесс производства и, как следствие, повышение конкурентоспособности как вуза, так и предприятия.

Литература

1. Боброва, В.В. Компетентностный подход как основа разработки профессиональных стандартов в области таможенного дела / В.В. Боброва, Ю.В. Рожкова // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.- метод. конф. 31 января - 02 февраля 2018 г., Оренбург / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбургский государственный университет». – Оренбург, 2018. – С. 1355-1359.
2. Буреш, О.В. Кластерный подход к формированию научно- образовательного и экономического инновационного пространства региона / О.В. Буреш, М.А. Жук, А.В. Фролов // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 34. – С. 135-139.
3. Горбашко, Е.В. Профессиональные стандарты в подготовке кадров для современного рынка труда / Е.В. Горбашко // Стандарты и качество. – 2016. – № 7 (949) . – С. 80-85.
4. Ермакова, Ж.А. Инфраструктурное обеспечение инновационного развития промышленного комплекса Оренбургской области / Ж.А. Ермакова, В.В. Свечникова // Креативная экономика. – 2014. – № 1 (85). – С. 48-56.
5. Зинюхина, Н.А. Исследование спроса и предложения на рабочую силу в соответствии с приоритетами развития региона (на примере Оренбургской области) / Н.А. Зинюхина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 13 (119). – С. 37-41.
6. Калиева, О.М. Формирование конкурентоспособности выпускников университета / О.М. Калиева, И.И. Цорина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 1. – С. 21-26.
7. Кельчевская, Н.Р. Интеграция образовательных и профессиональных стандартов в условиях реформирования: проблемы и пути решения / Н.Р. Кельчевская, Е.В. Ширинкина // Университетское управление: практика и анализ. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 16-25.
8. Кузнецова, Т.А. Координация профессиональных и образовательных стандартов как механизм эффективного управления качеством образования / Т.А. Кузнецова, П.В. Репп // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 103 (3). – С. 62-70.
9. Никулина, Ю.Н. Формирование региональной политики социального партнерства в области подготовки конкурентоспособных специалистов / Ю.Н. Никулина // Креативная экономика. – 2015. – Т. 9. – № 9. – С. 1173-1190.
10. Прахова, М.Ю. Оценка сформированности профессиональных компетенций / М.Ю. Прахова, Н.В. Заиченко, А.Н. Краснова // Высшее образование в России. – 2015. – № 2. – С. 21-28.
11. Сенашенко, В.С. Становление профессиональных стандартов как основа кадровых решений профессионального сообщества / В.С. Сенашенко // Социальная политика и социальное партнерство. – 2017. – № 2. – С. 25-34.
12. Шестакова, Е.В. Формирование системы подготовки квалифицированного персонала сферы фитнес-индустрии на основе профессионального стандарта / Е.В. Шестакова // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. – № 16. – С. 2377-2388.

УДК 364.222

Татьяна Викторовна Леушина, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: tan-5.65@mail.ru

Оксана Сергеевна Сидорова, магистрант кафедры статистики и эконометрики, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: oxs1194@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УРОВНЯ ЖИЗНИ

В современной ситуации, характеризующей последствиями мирового экономического кризиса, кризиса политических отношений между ведущими государствами планеты, факторами внешнего воздействия на Россию со стороны Европы и США в виде санкционного режима, важно понимать состояние и тенденции основных параметров, характеризующих уровень жизни населения страны с целью выработки своевременных мер по стабилизации ситуации.

Целью настоящей статьи является выявление статистическими методами в совокупности с исследованием научной литературы особенностей состояния и изменения характеристик доходов и расходов россиян, прожиточного минимума и иных критериев уровня жизни. Анализируются теоретические аспекты бедности населения, в том числе понятие явления, подходы к измерению бедности, меры по борьбе со снижением уровня жизни. Статистические **методы** анализа динамики на основании официальных данных Росстата позволили провести оценку тенденций основных характеристик реальных доходов, прироста денег на руках у населения, доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, и, в результате, выявить актуальные тенденции в уровне жизни населения России в условиях экономического кризиса. Проведенный анализ позволит органам управления принимать адекватные меры в области социальной политики и государственного регулирования, которые будут способствовать снижению доли бедного населения и росту уровня жизни российских граждан.

Ключевые слова: бедность, население, доходы, расходы, показатели благосостояния, статистика.

Актуальность темы исследования заключается в том, что проблема бедности является для российской действительности одной из основных на протяжении последних десятилетий. Проблема бедности – одна из острейших социальных проблем современной России.

Бедность определяет ограниченность доступа значительной части населения нашей страны к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования, здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи. Низкий уровень доходов значительной части семей в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов способствуют социальному разрыву общества, социальной напряженности, мешают успешному развитию страны. Для современной России этот вопрос особенно актуален. В 2017 году примерно 13% россиян получали доходы ниже прожиточного минимума. Данная ситуация происходит на фоне сильной стратификации, когда разница в доходах бедных и богатых составляет десятки, сотни и тысячи. И это процесс имеет динамический характер, бедные становятся беднее, а богатые еще богаче.

Вопросами бедности населения занималось много российских ученых. Различные методы борьбы с ней отражены в трудах Разумова А.В., Тихонова Н.Е., Аникина В.А., Слободенюк Е.Д., Моисеева В.В., Овчаровой Л.Н., Корякиной Е.А. и др.

Понятие «бедность» трактуется по-разному: и как низкий уровень доходов и расходов, и как невозможность поддержания желаемых жизненных стандартов, и как определенное восприятие себя в обществе. Это зависит от автора и концепции, которые он исследует, когда он рассматривает этот вопрос. Наиболее общее определение следующее: бедность – это описание экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут обеспечить себя необходимыми благами.

Практически для любого общества во все времена и политические режимы бедность являлась сопутствующей социальной проблемой. Экономический кризис, который начался в 2014 г., усугубил указанную проблему, привлек повышенное внимание, как со стороны государства, так и со стороны общественности к ее содержанию, и показал необходимость выработки срочных мер государственного регулирования, способных выровнять ситуацию до минимально необходимых требований.

Для определения мер борьбы с бедностью необходимо проведение качественного и достоверного анализа ее состояния с помощью определенного перечня показателей (критериев). Указанные критерии различны в зависимости от того, какой подход используется в измерении показателя бедности: относительный, абсолютный и субъективный. Именно критерии, в рамках которых оценивается бедность, являются основным их отличием. Пере-

численные подходы являются альтернативными друг другу.

Так, например, Росстат, используя для оценки бедности абсолютный подход к ее измерению, рассчитывая соотношение граждан, у которых доходы ниже прожиточного минимума с гражданами, у которых этот уровень превышен и определяет число граждан (их долю в общем количестве жителей страны), которые находятся за чертой бедности [6, с. 56-89].

В рамках относительного подхода к исследованию бедности используется метод сравнения с «нормальными» показателями уровня жизни для исследуемого общества (государства). Субъективный подход к исследованию бедности основывается на том, что только сам индивид (человек) может определить к какой категории людей: бедных или нет, он относится. При этом, критерии оценки также индивидуальны для каждого отдельного человека: для кого-то это уровень доходов, для кого-то объемы расходов, для кого-то способность приобретать материальные блага и т.д. Важно понимать, что каждый определяет эти критерии самостоятельно и может оценивать их не только по отдельности, но и в системе, в комплексе.

Вместе с тем, в статистической практике государств используются устоявшиеся показатели и критерии оценки уровня бедности. Одним из таких критериев является уровень денежных доходов населения – основной показатель уровня жизни. Структура денежных доходов населения включает пенсии, пособия, стипендии и другие социальные трансферты, оплату труда, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивиденды, страховые возмещения, ссуды, доходы от продажи иностранной валюты, поступления от продажи продуктов сельского хозяйства, доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, а также и другие доходы.

Уровень указанного показателя различается ввиду воздействия разного рода причин, которые условно разделяют на субъективные (например, различие по физическим и умственным способностям, уровню образования, отношению к трудовой деятельности и т.п.) и объективные (финансовые кризисы, внешнее воздействие конкурентов и т.д.).

Рассмотрим динамику реальных доходов россиян на основании оперативных данных Федеральной службы государственной статистики (рисунок 1).

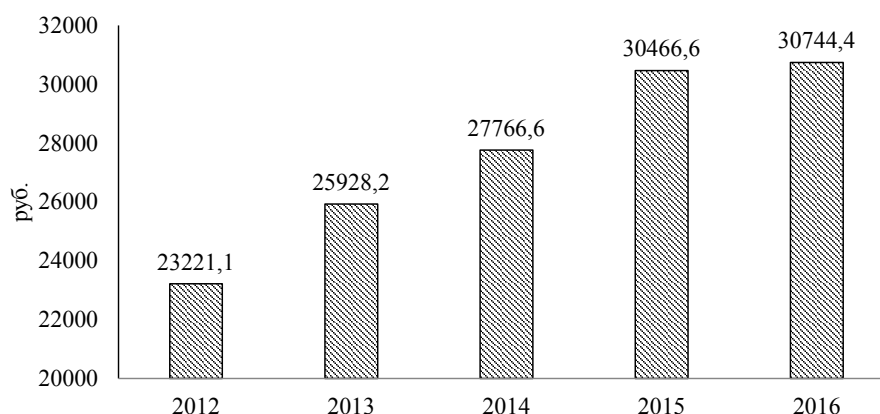

Рисунок 1. Динамика реальных доходов населения России за 2012–2016 гг.

Представленный график свидетельствует о растущей динамике показателя в исследуемом периоде. Это является положительным фактором экономики государства и в целом характеризует финансовое состояние населения как динамично развивающееся.

Однако уровень доходов недостаточно отражает реальную ситуацию с уровнем бедности населения. Важно оценить и баланс денежных доходов и расходов населения. Это один из основных источников информации, характеризующих объем и структуру денежных доходов, расходов и сбережений населения, который находит отражение в государственной статистике, отчетах финансовых органов и внебюджетных социальных фондов. Баланс строится на федеральном и региональных уровнях на основе Методики расчета баланса денежных доходов

и расходов населения, утвержденной Росстатом по согласованию с Минэкономки России, Минфином России, Минтруда России и Центробанком России (рисунок 2) [9].

За исследуемый период наблюдается динамика превышения доходов над расходами в четырех периодах из пяти представленных – в 2012–2014 гг. и 2016 г., причем максимальный рост наблюдался в 2016 г., говорит о наиболее высоких показателях уровня дохода именно в указанном периоде. Резкое снижение анализируемой характеристики в 2014 г., вероятнее всего, связано с начавшимся финансовым кризисом как в российской экономике, так и в мировой финансовой системе.

Для характеристики тенденций уровня жизни важно определить и показатель прироста денег на руках у населения (рисунок 3) [9].

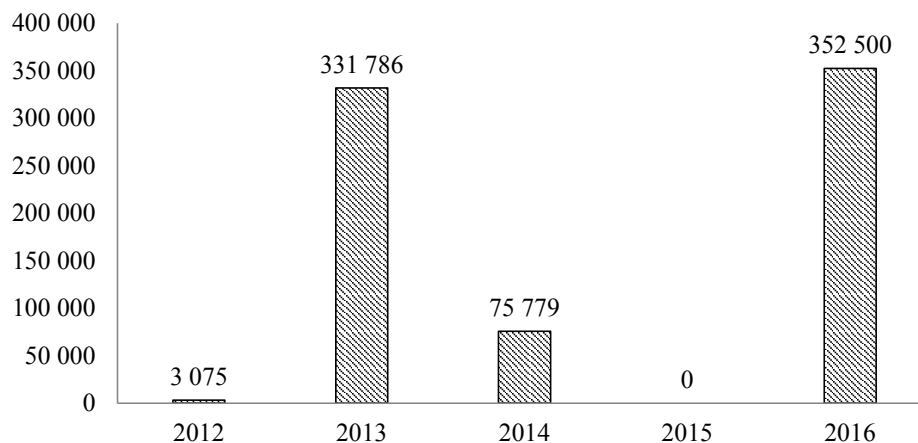

Рисунок 2. Динамика превышения доходов граждан над их расходами за 2012–2016 гг.

Рисунок 3. Динамика прироста денег на руках у населения за 2012–2016 гг.

Диаграмма подтверждает рассмотренную выше динамику, а отрицательная величина показателя в 2015 г. выступает как негативное последствие общей финансовой ситуации.

Росстат ежегодно проводит исследования в рамках определенных показателей уровня бедности населения, к которым относится численность насе-

ления с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода (рисунок 4).

Динамика показателя отражает, что на протяжении всего рассматриваемого периода отмечается рост доли населения с доходами ниже прожиточного минимума.

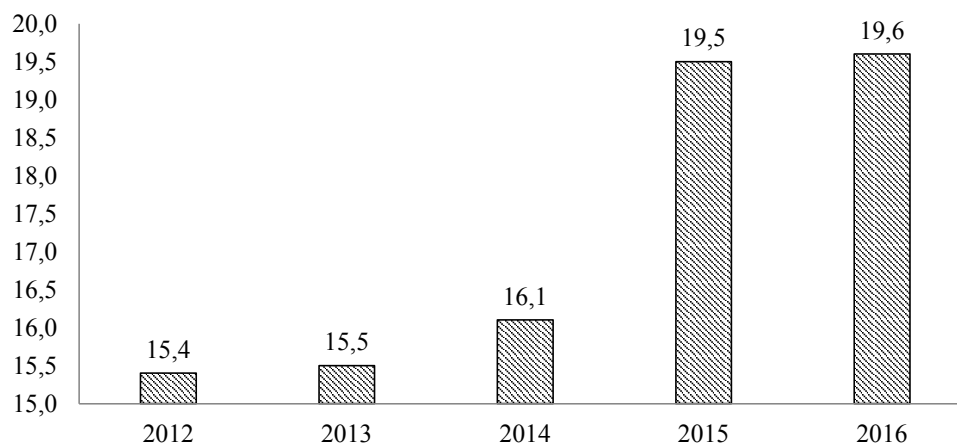

Рисунок 4. Динамика численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России в 2012–2016 гг.

Это может являться причиной воздействия как внутренних факторов экономики, так и различного рода субъективных причин, о которых указано выше.

Проведенное исследование выявило, что в 2014 г. наблюдалось резкое снижение показателя превышения доходов над расходами россиян – на 77,2%, и, более того, в следующем, 2015 году показатель прироста денег на руках населения по сравнению с предыдущим годом впервые за весь рассматриваемый период 2012–2016 гг. зафиксирован как отрицательная величина. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2015 г. увеличилась более чем на 20,1% и продолжала расти в следующем году, достигнув уровня 19,6% от всей численности населения России. Данную ситуацию можно охарактеризовать как спад финансовой стабильности и рост экономической неопределенности.

Негативные тенденции в динамике основных характеристик уровня жизни населения страны ставят перед органами власти задачу определения комплекса мер (стратегий), которые будут способст-

вовать росту благосостояния граждан. Например, необходимо создать условия для самостоятельного выхода способных к работе слоев населения из бедности на трудовой основе, создание временных рабочих мест для безработных, при этом требует решения проблема легализации доходов и сокращения масштабов «теневой экономики».

В сфере оплаты труда главным фактором сокращения бедности должен быть рост минимальной оплаты труда, сокращение числа малооплачиваемых работников. Другое направление – увеличение занятости населения. Эта проблема может быть решена за счет создания более дешевых рабочих мест в малом бизнесе и трудоемких видах экономической деятельности – обрабатывающих производствах (ранее – отрасли легкой промышленности), ориентированных на внутренний рынок и массового потребителя.

Методы статистического анализа позволяют оценить основные параметры уровня жизни населения в динамике и дать адекватную информацию для принятия органами власти взвешенных решений в области сокращения бедности.

Литература

1. Аникин, В.А. Где пролегает «черта бедности» в России? / В.А. Аникин, Е.Д. Слободенюк // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 104-127.
2. База результатов опросов ВЦИОМ. Инициативный опрос 4-5 июля 2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1031&q_id=71221&date=05.07.2015 – (дата обращения: 11.04.2018).
3. Бедность не порок? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2944. 2.10.2015. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115416> – (дата обращения: 11.04.2018).
4. Бедные в богатой стране [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2890. 29.07.2015. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115332> – (дата обращения: 11.04.2018).
5. Корякина, Е.А. Экономические основы государственной политики преодоления бедности в Российской Федерации: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Корякина Елена Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 198 с.
6. Моисеев, В.В. Борьба с бедностью в современной России / В.В. Моисеев // Социология власти. – 2011. – № 3. – С. 34-47.
7. Овчарова, Л.Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Овчарова Лилия Николаевна. – Москва, 2011. – 50 с.
8. Разумов, А. Новые решения старых проблем: Социальная политика РФ в отношении бедности / А. Разумов // Человек и труд. – 2014. – № 12. – С. 17-19.
9. Тихонова, Н.Е. Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – Москва: Весь Мир, 2014. – 304 с.
10. Тихонова, Н.Е. Феномен бедности в современной России / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 7-19.

УДК 642.5

Татьяна Федоровна Мельникова, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга коммерции и рекламы, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: tatena-melnikova@yandex.ru

Елена Генриховна Кашенко, доцент кафедры маркетинга коммерции и рекламы, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: gordik947@mail.ru

Дария Мидихатовна Нигматулина, студент факультета экономики и управления, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: nigmatulinadaria@mail.ru

МАРКЕТИНГОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ Г. ОРЕНБУРГА

Общественное питание – важная отрасль сферы услуг, эффективность которой демонстрирует социально-экономическое положение страны. Успех предприятий на рынке во многом зависит от выбранной ценовой политики, уровня цен и грамотного маркетингового анализа. Ценообразование на предприятиях общественного питания считается наиболее сложным. Связано это с тем, что в деятельности этих предприятий сочетаются такие функции, как производство и продажа продуктов питания как собственного производства, так и покупных товаров, а также оказание услуг населению в удовлетворении их потребностей в питании в домашних условиях. В связи с этим, проведение маркетингового анализа цен в отрасли является актуальным.

Цель статьи заключается в исследовании состояния рынка общественного питания города Оренбурга и проведении анализа установленных цен.

В исследовании были использованы методы теоретического и прикладного характера: системный анализ, опрос, SWOT-анализ, обобщение и интеграция результатов.

В статье представлен анализ таких показателей, как оборот общественного питания, его динамика, динамика среднедушевых доходов населения. Проведен SWOT-анализ потенциала общественного питания Оренбургской области, в результате которого были выявлены сильные и слабые стороны. При существующих угрозах для отрасли в области есть такие возможности, как использование систем автоматизации, повышение квалификации персонала, применение современных информационных технологий и другие.

Также рассмотрен географический диапазон расположения заведений, применяемые ценовые стратегии и средние цены на самые популярные услуги на предприятиях различного типа: бизнес-ланч, кофе на вынос, значения среднего чека.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использовать результаты для дальнейших исследований в области маркетинга и анализа рынка общественного питания Оренбургской области.

Ключевые слова: цена, общественное питание, ценовая стратегия, ценообразование, маркетинговый анализ.

Анализ цен предприятия является одной из главных задач для достижения основной цели маркетингового анализа – сбор, систематизация и обобщение информации о рынке для принятия обоснованных управленческих решений.

Маркетинговый анализ как процесс исследования представляет собой анализ данных, собранных с целью изучения рыночной среды предприятия, их преобразование и интерпретацию.

Цена обеспечивает предприятию запланированную прибыль, конкурентоспособность продукции, спрос на нее. С помощью цен реализуются конечные коммерческие цели, определяется эффективность деятельности всех звеньев производственно-сбытовой структуры предприятия [7].

По итогам проведения маркетингового анализа

специалисты получают данные, позволяющие выявлять состояние рынка, перспективы его развития, оценивать возможности предприятия и выбирать оптимальную маркетинговую стратегию [6].

Для изучения спроса на услуги предприятий общественного питания города Оренбурга рассмотрим динамику оборота за 2013–2017 годы, представленную на рисунке 1.

Оборот общественного питания – выручка от продажи собственной кулинарной продукции и покупных товаров без кулинарной обработки населению для потребления, главным образом, на месте, а также организациям и индивидуальным предпринимателям для организации питания различных контингентов населения [5].

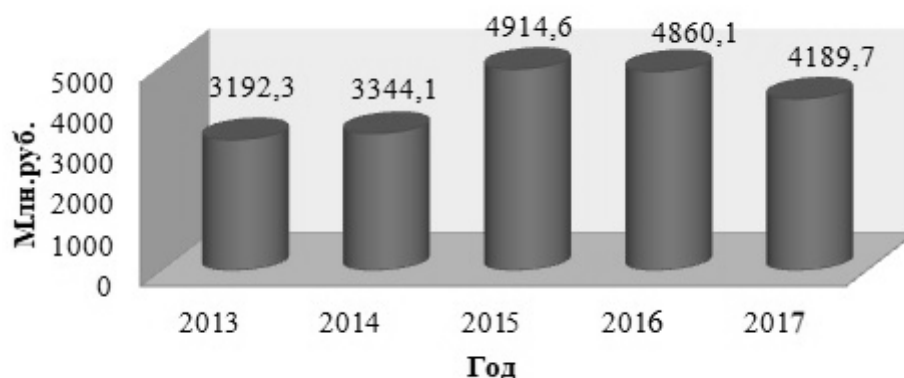

Рисунок 1. Динамика оборота общественного питания г. Оренбурга за 2013-2017 гг., млн руб.

Как видно по диаграмме, оборот общественного питания города Оренбурга постоянно изменяется. За 2013–2015 годы наблюдается рост объемов оборота, а после 2015 года данный показатель имеет отрицательную динамику. Темп роста в 2017 году по отношению к предыдущему составил всего 86,2%, в 2015 к 2015 году – 98,8%, в 2015 к 2014 году – 146,9%. Таким образом, можно сделать вы-

вод о том, что наибольший прирост оборота за исследуемый период наблюдается в 2015 году [1].

Оборот общественного питания является показателем общего объема удовлетворенного спроса населения при обслуживании предприятиями. Далее рассмотрим более индивидуальный показатель – оборот общественного питания на душу населения, его динамика представлена на рисунке 2.

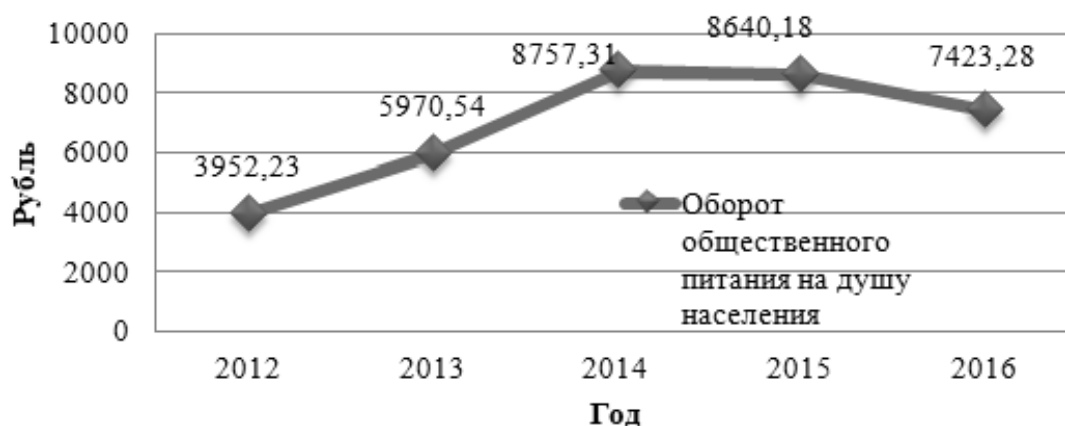

Рисунок 2. Динамика оборота общественного питания г. Оренбурга на душу населения в 2012–2016 гг., руб.

Данный показатель в Оренбурге за 2012–2016 годы увеличился на 87% и составил в 2016 году 7423 рубля. Существенное влияние на спрос потребителей на услуги и продукцию предприятий общественного питания оказывает увеличение или сокращение реальных денежных доходов. Среднедушевые денежные доходы населения исчисляются делением общей суммы денежного дохода за год на среднегодовую численность населения. Динамика среднедушевых доходов населения Оренбургской области за исследуемый период представлена на рисунке 3.

За период с 2013 по 2017 год наблюдается ди-

намика роста среднедушевых денежных доходов населения, темп прироста составил 21 процент. Платежеспособность населения возрастает из года в год, что обусловлено социально-экономическим развитием региона и положительно отражается на рынке общественного питания.

Для изучения потенциала развития отрасли общественного питания в Оренбургской области применим метод SWOT-анализа, который позволяет выявить сильные и слабые стороны, а также угрозы и возможности относительно конкурентов. Анализ представлен в таблице 1 [2].

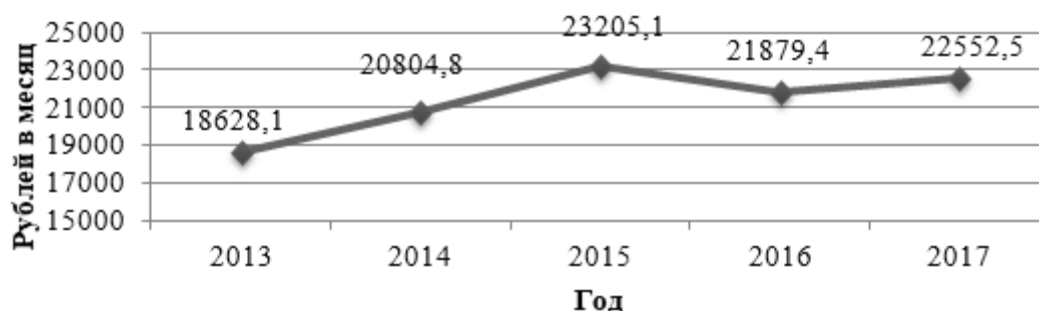

Рисунок 3. Динамика среднедушевых доходов населения по Оренбургской области за 2013–2017 гг., руб. в месяц

Таблица 1. SWOT-анализ потенциала общественного питания Оренбургской области

Сильные стороны	Слабые стороны
– большое разнообразие типов заведений; – нацеленность на различные сегменты потребителей; – внимание к дизайну и стилю заведений; – следование тенденциям в сфере услуг общественного питания; – инновационные технологии и их реализация; – квалифицированный персонал и его обучение.	– недостаток предприятий в районных центрах; – отсутствие стратегического развития; – низкий потенциал предпринимательства в сфере общественного питания; – низкий уровень обслуживания на предприятиях низкого ценового сегмента и в районных центрах; – устаревшее оборудование; – отсутствие маркетинговых исследований и средств маркетинга.
Возможности	Угрозы
– применение современных информационных технологий; – использование систем автоматизации; – обеспечение устойчивого развития сферы общественного питания, повышение качества услуг и расширение их спектра; – приобретение сырья у местных производителей; – привлечение квалифицированного персонала.	– экономическая и политическая дестабилизация – увеличение цен на сырье и полуфабрикаты – снижение реальных доходов населения – рост числа конкурентов, в том числе появление крупных предприятий – изменение вкусов, привычек и предпочтений потребителей.

Изучив рынок общественного питания города Оренбурга, можно сделать вывод о том, что на территории города находится более 500 предприятий, обслуживающих население. Их распределение по

географическому признаку представлено на рисунке 4. Официально город делится на 4 района: Центральный, Ленинский, Дзержинский и Промышленный.

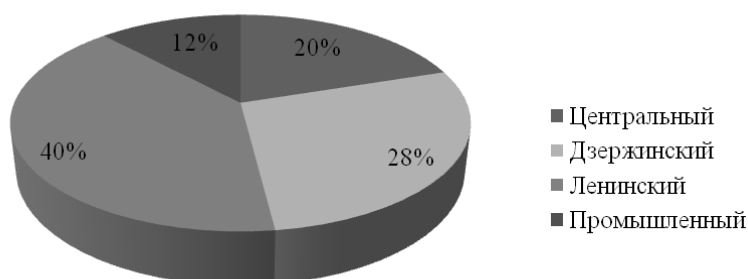

Рисунок 4. Расположение предприятий общественного питания в городе Оренбурге, 2017 г.

Согласно полученным данным, отметим, что наибольшее число предприятий общественного питания находится на территории Ленинского

района, а наименьшее – в Промышленном.

В ходе исследования выборочной совокупности предприятий общественного питания города Орен-

бурга были получены данные о применяемых стратегиях ценообразования. Наиболее распространено применение стратегии конкурентного ценообразования, далее стратегии дифференцированного ценообразования, а стратегию ассортиментного цено-

образования предприятия выбирают реже всего, так как добиться успеха с помощью единого ассортимента на протяжении долгого времени очень сложно. Процентное соотношение применения ценовых стратегий представлено на рисунке 5 [4].

Рисунок 5. Стратегии ценообразования предприятий общественного питания города Оренбурга, в процентах

Ценовая политика предприятий общественного питания различается в зависимости от типа предприятия. Выделяют столовые, кафе, рестораны, кофейни, предприятия быстрого обслуживания,

сетевые заведения. Рассмотрим значения среднего чека, стоимости «бизнес-ланча» и «кофе с собой» в нескольких предприятиях лидерах города Оренбурга [9].

Таблица 2. Средние цены на услуги общественного питания в городе Оренбурге в 2017 году, руб.

Тип	Предприятие	Средний чек	Бизнес-ланч	Кофе с собой
Ресторан	Ресторан «Космос»	800	210	160
	Лаундж «Клетка»	800	320	150
	Кафе-бар «Хорошая Компания»	350	260	150
	Ресто-бар «Brighton»	800	150	150
Кофейня	Кофейня «Прокофий»	350	—	120
	Кофейня «Он кофе»	280	—	100
Ресторан быстрого питания	McDonalds	350	—	120
	Burger King	300	200	100
	Русские блины	250	—	150

По данным таблицы 2, можно сделать вывод о том, что в различных предприятиях общественного питания «средний чек» составит сумму в пределах пятисот рублей, однако не во всех заведениях предусмотрена услуга «бизнес-ланч». Наиболее дорогостоящими являются услуги ресторанов, при посещении которых «средний чек» на каждого человека будет равен более чем восьмистам рублям.

Скорость снижения спроса на продукцию и услуги при повышении цен зависит от оценок потребителей: моды, престижности предприятий, стереотипов. Личные оценки зависят от сложившихся обстоятельств и уровня дохода. В современном потребительском обществе зачастую услуги общественного питания рассматриваются как необ-

ходимые. Потребности населения определяют приоритетность услуг, которая в свою очередь зависит от кривой спроса и её изменений [8].

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о состоянии рынка общественного питания города Оренбурга. Наибольшее значение оборота общественного питания отмечается в 2015 году, а в 2016–2017 годах наблюдается отрицательная динамика. Аналогичные выводы можно сделать о показателе оборота общественного питания на душу населения. Это обусловлено обострением конкуренции, ростом числа барьеров выхода на рынок. Выделяется два основных фактора, влияющих на спрос – денежные доходы населения и рост цен на продукцию и услуги общественного питания.

Формирование ценовой политики фирмы зависит от типа предприятия и выбранной ценовой стратегии. В городе Оренбурге предприятия чаще выбирают стратегию конкурентного ценообразования и делают ставку на конкурентные преимущества, которые отражаются в ассортименте блюд, дизайне

интерьера и качестве обслуживания.

Таким образом, рынок общественного питания города Оренбурга развивается, открываются новые виды заведений, и для удержания позиций предприятиям необходима продуманная маркетинговая стратегия и проведение маркетингового анализа.

Литература

1. Ахмадеева, О.А. Тенденции развития рынка общественного питания в России / О.А. Ахмадеева, А.И. Идрисова // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 483-486.
2. Богомолова, В.Г. SWOT-анализ: теория и практика применения / В.Г. Богомолова // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 17. – С. 57-60.
3. Боровских, Н.В. Региональный рынок общественного питания: анализ и перспективы развития / Н.В. Боровских // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2017. – № 2. – С. 71-75.
4. Дубинский, Н.В. Политика и стратегия ценообразования на предприятии / Н.В. Дубинский // Финансовый директор. – 2016. – № 6 (162). – С. 13-21.
5. Исаенко, А.В. Маркетинговый анализ деятельности предприятий общественного питания / А.В. Исаенко, Е.В. Чурсина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 59-67.
6. Кустова, И.А. Маркетинговый анализ предприятий общественного питания / И.А. Кустова, О.Ю. Кривенко, Н.В. Макарова // Сборник: Инновационные технологии в пищевой промышленности Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 2016. – С. 80-83.
7. Медведева, О.М. Формирование критериев конкурентоспособности предприятия общественного питания / О.М. Медведева, А.С. Попова // Практический маркетинг. – 2016. – № 2. – С. 18-23.
8. Плотникова, Н.К. О некоторых методах ценообразования на предприятиях общественного питания / Н.К. Плотникова // Научный вестник МГИИТ. – 2014. – № 1 (27). – С. 55-60.
9. Рахмангулова, А.Ф. Ценовая политика предприятия как один из инструментов комплекса маркетинга // А.Ф. Рахмангулова // Экономика и социум. – 2014. – № 4 (13). – С. 567-570.
10. Hume, L. Changes in pricing policies / L. Hume // Bond buyer. – 2004. – Vol. 350. – pp. 1-2.

УДК 332.122.62

Владимир Сергеевич Осипов, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт проблем рынка Российской академии наук, профессор МГИМО (У)
e-mail: vs.ossipov@gmail.com

Матвей Сергеевич Оборин, доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; профессор кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический университет им. ак. Д.Н. Прянишникова»; профессор кафедры управления и технологий в туризме и сервисе, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: recreachin@rambler.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Актуальность. Существенно изменились социально-экономические условия и уровень государственной поддержки регионов, потому появились новые возможности для реноваций городов и муниципалитетов в области развития перспективной специализации, которая в большей степени отвечает потребностям населения, способствует решению комплекса проблем. **Цель.** Статья посвящена изучению опыта освоения новых территорий в России и за рубежом. **Методы.** При проведении исследования использовались общенаучные и специальные методы и инструменты экономического исследования: совокупность научных приемов абстрактно-логического метода; экономико-статистический метод, метод институционального анализа. **Результаты исследования.** Анализ отечественного и зарубежного опыта свидетельствует о похожих тенденциях необходимости модернизации территорий, возрождения промышленности и развития сферы услуг. Сфера туризма и гостеприимства способствует привлечению спроса в регионы, росту доходности местного населения, бизнес-структур и бюджетов. Опыт реорганизации промышленных зон в европейских странах является полезным для российских регионов. Для территорий со сложной социально-экономической ситуацией предпочтительно включение в развитые интегрированные структуры, кластеры и сети, с целью включения в распределение финансово-ресурсных потоков и повышения качества жизни местного населения.

Ключевые слова: освоение новых территорий, институциональные условия, реновация, гринфилд проекты, браунфилд проекты, экономическая специализация.

Мы отмечали ранее, что численность занятых в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе имеют разнонаправленные тенденции. В ДВФО численность занятых сокращается, а в РФ – увеличивается. Мы объясняли такое положение тем, что трудоспособное население старается покинуть ДВФО [11]. Новые институциональные условия хозяйственной деятельности для Дальнего Востока стали возможны в силу принятого федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ. Мы уже давали оценки реализации данного федерального закона [2, 4, 12], однако, в литературе довольно слабо освещен зарубежный опыт освоения новых территорий, который мог бы быть полезным для России. Освоение новых территорий для расширения хозяйственной деятельности естественный инструмент региональной политики практически всех государств, заинтересованных в обеспечении устойчивого экономического развития. «Я убежден, что кооперация между всеми – предпринимателями, трудящимися, государственными и частными организациями – является основным рычагом, при-

водящим в действие механизм развития территории», – отмечал министр экономики, промышленности и инноваций правительства региона Мурсии (Испания) П.В. Мехиас (Территориальная организация в Испании: модель институционального развития. Опыт для России. – М.: Московская школа политических исследований, 2005).

Для нашей страны в силу большой и малонаселенной территории характерны проекты гринфилд для освоения новых территорий, в то время как в странах Европейского союза таких проектов практически нет, опять же в силу малых размеров государств-членов. Для Европы характерны браунфилд-проекты, когда старые промышленные территории подвергаются редевелопменту. Важно отметить, что на первый взгляд кажется, что гринфилд проекты гораздо дороже проектов браунфилд в силу большого количества инвестиций в инфраструктуру на новом месте. Мы не разделяем эту точку зрения, так как в браунфилд проектах затраты суммарно могут быть и выше, так как девелоперу приходится выкупать объекты у частных лиц и предприятий по рыночной цене, а зачастую и дороже, так как собственники понимают, что их

объекты представляют особую ценность именно в силу необходимости сосредоточения в одних руках большого массива территорий для реализации масштабного проекта [7, 13, 16, 17]. Кроме того, старые промышленные регионы нуждаются в проведении работ по рекультивации земель. Жители старых районов, которые планируется подвергнуть редевелопменту нуждаются в переселении в новые районы, но здесь возможны сложности психологического характера, когда жители отказываются покидать привычные территории, невзирая на все рациональные доводы девелопера. Таким образом, европейские браунфилд проекты оказываются далеко не всегда дешевле и уж точно не проще, чем гринфилд проекты, характерные для российских условий. Тем не менее, европейский опыт представляется важным для изучения в силу комплексного характера браунфилд проектов.

Например, город Малага (Испания) столкнулся с комплексной проблемой. С одной стороны, город набирал популярность среди туристов, с другой стороны центр города был малопривлекателен из-за своего ветхого состояния и разгула преступности. Необходимо было придать территории примерно в 40 Га в центре города привлекательный для туристов вид. В 2007 году стартовала программа под названием *Iniciativa Urbana* для решения проблем города Малаги. В обновленном центре города нужно было совместить привлекательную туристическую инфраструктуру, торговый бизнес и деловые центры с жильем коренных горожан, обеспечив при этом новую транспортную инфраструктуру. Реновации подверглись городские улицы и исторические здания, площади и общественные места, одновременно проводилась работа с коренными жителями Малаги: были организованы программы профессиональной переподготовки для желающих сменить работу и не имеющих таковой для обеспечения туристического сектора новыми кадрами. Кроме того, власти организовали большое количество консультативных мероприятий для малого бизнеса: как открыть бизнес, какие сферы являются приоритетными для обновленного города и др. Для привлечения малого бизнеса в город власти создали бизнес-инкубаторы, а также предложили на конкурсной основе государственные и муниципальные гранты для стартапов. Открытие магазинов, туристических бюро, предприятий сферы обслуживания, помогло организовать новые рабочие места в непосредственной близости с обновленными жилыми кварталами, организуя пространство типа «mixed use», где бизнес соседствует с жилыми домами, достопримечательностями, инфраструктурой для развлечений, отдыха, культурного досуга, общественными мероприятиями [15, 21, 22, 23]. В браунфилд проектах всегда самым важным моментом является поиск мест для строительства нового жилья для переселения жильцов ветхих домов и запуска принципа

«домино» для реновации всего района. Здесь власти воспользовались несколькими заброшенными домами, снос которых не мог задеть чьи-то интересы; на их месте были построены новые дома и так начался процесс постепенного переселения коренных жителей Малаги в благоустроенное реновированное жилье.

Еще один интересный пример реализации масштабного проекта модернизации территорий предлагает опыт Турции. Здесь эстетические и бизнес интересы переплелись с проблемой сейсмической активности территории республики, что приводило к регулярным повреждениям зданий и сооружений. С принятием специального закона о «Модернизации территорий из-за риска стихийных бедствий» возникла проблема перестройки существующих зданий в соответствии с новыми стандартами. Большинство реализуемых проектов в Турции относятся к категории гринфилд проектов, так как здесь много незастроенных территорий. Решение о начале строительства принимается специальной комиссией, в которую кроме архитекторов и строителей входят специалисты-сейсмологи и ученые. Проект обычно включает в себя комплексное освоение территории, когда «mixed use» становится принципом реализации практически любого проекта.

В соответствии с действующим в Турции инвестиционным законодательством инвестиционные зоны могут быть трех видов: Технопарки, Промышленные зоны и Свободные зоны. Технопарки или зоны технологического развития это территории сетевого взаимодействия научно-исследовательских организаций и высокотехнологических производств [10]. В Турции действует 56 зон технологического развития. Предприятия таких зон освобождены от уплаты налогов до конца 2023 года. Половина расходов на социальное страхование работников предприятий таких зон осуществляется из средств государственного бюджета. Промышленные зоны становятся базой для привлечения инвестиций за счет высококачественной промышленной и социальной инфраструктуры. Таких зон в Турции создано 255. В качестве привлекательных сторон для инвестирования средств в промышленные зоны следует назвать льготы по широкому кругу налогов (на приобретение земли, на недвижимость (на срок до 5 лет после ввода объекта в эксплуатацию) и ряд других. Свободные зоны созданы для стимулирования ориентированных на экспорт инвестиций. На территории Турецкой Республики действует 18 свободных зон. Среди льгот в свободных зонах следует назвать: освобождение от таможенных пошлин, некоторых налогов (НДС, на прибыль, на недвижимость, на заработные платы работников) и ряд других мер.

В 1972 году Лондон утратил звание самого крупного порта Великобритании, а к 1980 году практически все доки в городе закрылись. Суще-

ственное значение при этом сыграл спад промышленного производства, пришедшийся как раз на это время. Постепенная смена специализации города с промышленного центра на финансовый наложила отпечаток и на городскую инфраструктуру. Правительство Маргарет Тэтчер приняло специальное решение о судьбе района Доклендс. Было решено организовать новый деловой район, который мог бы соперничать с Сити. В 1982 году в рамках экономического возрождения района на средства правительства была организована особая экономическая зона «Айл-оф-Догз». Была предусмотрена выдача специальных грантов на развитие территории, снижение налогов для бизнеса и ряд других действий для развития частного предпринимательства. Правительство провело большую работу по привлечению крупных строительных компаний для строительства небоскребов. Там было возведено одно из самых высоких зданий Великобритании – башня One Canada Square. Правительство правильно рассчитало, что активно обновляющийся Доклендс притянет за собой соседние районы города. В результате активизирующийся бизнес начал создавать новые рабочие места, расширять деловую активность, предлагать новые товары и услуги, а позднее тут расположились финансовые и высокотехнологичные компании. Были построены более 15 тыс. новых жилых домов. Кроме жилого фонда были построены несколько крупных торгово-деловых центров, открылись рестораны, бары и другие заведения, а также центр водных видов спорта. Важное значение для успешного преобразования отдельных промышленных районов Лондона сыграло принятие в 1955 году Закона о чистом воздухе. Большинство промышленных предприятий Лондона не отвечало установленным требованиям по выбросам, что побуждало собственников переводить производства в другие районы и одновременно проводить их модернизацию. Те предприятия, собственники которых отказывались вводить очистные сооружения, а также те, которые невозможно было перенести в другие графства, – подлежали закрытию. Экологическая обстановка в Лондоне значительно улучшилась, а высвобожденные предприятиями земли после рекультивации были переданы под строительство жилья и офисов, а также для расширения транспортной инфраструктуры. Основными характеристиками экономического механизма переориентации промышленных зон Лондона следует назвать освобождение корпораций от налогов: на недвижимость при перенесении производств; на затраты на строительство новых промышленных предприятий.

Кроме того, бюджет города покрывал затраты на организацию новых производств и транспортной инфраструктуры.

Район Коп Ван Зюйд в Роттердаме (Нидерланды) также как и Доклендс потерял свое значение

крупного портового центра в 70-е годы прошлого века, так как порт переместился ниже по реке. Зброшенная территория на берегу реки Маас не устраивала местные власти, и они решились на программу обновления. Было принято решение организовать многопрофильное пространство – яркий архитектурный ансамбль на набережной, соединенный с центром Роттердама. С самого начала предполагалось, что центр города в ходе своего развития захватит и территорию Коп Ван Зюйд. Важное место в программе реновации было уделено культурному преобразованию пространства – сразу было решено разместить здесь несколько архитектурных шедевров – будущих символов города. Одним из таких символов на сегодняшний день является Мост Эразма, который характеризуется уникальной конструкцией. В рамках совершенствования транспортной инфраструктуры была открыта новая станция метро, а кроме того расширена сеть трамвайного сообщения, что существенно улучшило транспортное сообщение между частями города. Были организованы регулярные речные такси, которые дополнили комплекс общественного транспорта города. Большое количество парков и пешеходных пространств способствовали превращению этого района в культурно-досуговый центр города.

Интересным нам представляется опыт реновации Парижа. Промышленные предприятия в Париже занимали довольно значительное положение в жизни города. Также как и в других крупных городах Европы процесс деиндустриализации города затронул и Париж. Переход Франции из индустриальной эры в постиндустриальную вынудил столицу преобразовать структуру экономики и отказаться от материального производства в пользу финансового сектора и сектора услуг. Удорожание земли здесь сыграло ключевую роль, так как рентабельность промышленности значительно уступает финансовому сектору, что вынуждает реальный сектор перемещаться за черту города [14]. Такая тенденция решения проблемы реновации деиндустриализированных территорий характерна и для Москвы [5].

Важно отметить, что перевод промышленных объектов из Парижа в другие департаменты преследует цель более равномерного распределения экономической активности по территории страны, что будет способствовать снижению безработицы, повышению регионального экономического роста, более сбалансированному развитию Франции [3, 6, 19]. Впоследствии к указанным экономическим приоритетам вывода промышленности из Парижа добавились экологические требования по улучшению качества окружающей среды в городе (чистота воздуха, воды, уровень озеленения и т. д.). Промышленные территории, освобожденные предприятиями, подвергались рекультивации и экологической очистке, а впоследствии, на них возводились биз-

нес-центры, административные здания, культурные объекты и жилье. Несмотря на сходство применяемых инструментов реорганизации промышленных зон Лондона и Парижа, власти последнего смогли осуществить свой комплекс мероприятий за счет привлеченных средств, в то время как Лондонские власти тратили свои деньги. Важно отметить, что власти Парижа смогли привлечь примерно четверть от всего объема привлеченных инвестиций – средства иностранных компаний, что свидетельствует о высокой привлекательности программы, а также уверенности инвесторов в окупаемости вложений. Если резюмировать составляющие экономического механизма перепрофилирования промышленных зон Парижа, то следует отметить такие инструменты как предоставление налоговых льгот и дешевых займов тем предприятиям, которые решились на добровольный перенос производств, их же работникам предоставлялись пособия, а вновь нанимаемым сотрудникам на новых локациях содействовали обучению. Государство оказывало содействие переносимым производствам в льготном приобретении прав на новые земельные участки. Одновременно с этим были введены ограничения на строительство новых крупных объектов промышленной инфраструктуры и запрет на расширение остающихся производств.

Еще одна европейская столица обладает интересным опытом реорганизации промышленных зон – Берлин. Существенной особенностью Берлина является тот факт, что после объединения ФРГ и ГДР в 1990 году, он потерял статус столицы присоединенного государства (до 1990 года столицей ФРГ был Бонн), но приобрел статус столицы объединенной Германии фактически с 1998 года, когда в новую столицу начали переезжать органы государственной власти из Бонна.

В период с 1990 по 1998 годы Берлин испытал на себе волну перевода производств в другие регионы, причем не столько по экологическим, сколько по экономическим причинам, – спад деловой активности в связи с изменением институциональных условий был катастрофическим, город, фактически, деиндустриализировался полностью (см. подробнее: Паке К.-Х. *Баланс. Экономический анализ проекта «Немецкое единство»*. – М.: Мысль, 2018. – 327 с.). Опасаясь переориентации территорий промышленных зон под офисное строительство с 1992 года в городе действовал запрет на изменение функционального использования таких территорий. Как отмечают исследователи Титов и Бирюков: «В плане развития города эти территории и в будущем «зарезервированы» под промышленность, и Берлин, таким образом, на сегодняшний день располагает наибольшими размерами промышленных площадей в черте города по сравнению с другими крупными городами» [18].

Производственные территории занимают более

4500 га, причем из них 2900 га активно используются промышленными предприятиями, и еще 1700 га поставлено в резерв для привлечения инвестиций. Градостроительный план Берлина предусматривает формирование и перепрофилирование 47 промышленных зон разной специализации [24]. Важно отметить, что зарезервированные под инвестиции земли подлежат использованию только под организацию высокотехнологичных производств, научные лаборатории и центры, а также образовательные проекты; приоритет отдается малому бизнесу, ориентированному на экологичные технологии производства.

Реорганизация промышленных зон в европейских городах характеризуется следующими общими чертами. Побудительными мотивами для принятия решения о перепрофилировании отдельных районов города становились [1]: неблагоприятная экологическая и/или криминогенная обстановка; необходимость выравнивания уровней экономического развития центров и регионов. Экономический механизм стимулирования перенесения производств включал в себя целый комплекс инструментов экономической политики таких как: льготный налоговый режим, предоставление ссуд, а также средств для организации процесса перебазирования производств. Для новых предприятий, как правило, финансового сектора, сервисных предприятий, научно-образовательных центров и инновационных высокотехнологичных производств. Новые территории приобретают режим «mixed use», когда обновленные производства соседствуют с туристической и культурной инфраструктурой и офисами с жильем.

Проблема реструктуризации территорий является не новой и для российских регионов: глобальные социально-экономические и политические изменения привели к развитию одних районов и территорий, и деградации других. Данные процессы особенно ярко проявляются на примере формирования и развития экономической специализации малых городов, оказавшихся вне глобальных финансовых и ресурсных потоков, распределяющихся между промышленными и финансовыми центрами страны. Необходимость решения комплекса государственных задач, связанных с повышением качества жизни и ростом региональных экономик, способствовала актуализации сочетания инструментов кластерного и сетевого взаимодействия в целях включения территорий со сложной социально-экономической ситуацией в сформировавшиеся интеграционные структуры. Однако рассматриваемый процесс связан с рядом трудностей, обусловленных низким инфраструктурным потенциалом малых городов и муниципалитетов, неразвитостью финансовых отношений и проблемой высокой бюджетной зависимости от региональных центров, моноспециализацией функционирующих предприятий.

Рассмотрим направления реструктуризации муниципалитетов и малых городов на примере Пермского края. Всего в регионе 18 малых городов, большинство из которых характеризуются промышленной специализацией, некоторые являются депрессивными в силу убыточности или банкротства градообразующих предприятий. Необходимо отметить высокий культурно-исторический потенциал рассматриваемых территорий, благоприятную экологию и неосвоенные площади, что способствует привлекательности для инвесторов, работающих в туристско-рекреационной, сельскохозяйственной и агропромышленной сферах. Анализ стратегий и программ развития Приволжского федерального округа и Пермского края позволяет сделать вывод

о возможном развитии малых городов и реструктуризации по нескольким направлениям [9]:

- усиление промышленной специализации на базе реконструкции промышленных предприятий, оптимизации площадей, формирования технопарков и инновационных производств;
- развитие потенциальной специализации, включающей туристско-рекреационные комплексы, производство экологически чистых продуктов питания;
- включение в высокоразвитые сети и кластеры в качестве одного из структурных элементов, что позволит участвовать в распределении ресурсов и повысит доходность территории.

Рассмотрим более подробно (таблица 1).

Таблица 1. Распределение малых городов Пермского края по кластерам в соответствии со сложив-

шейся и потенциальной специализацией (составлено по данным [8, 20])

Малые города	ТЛК	Промышленный кластер	Туристско-рекреационный кластер
Чермоз, 3597 чел.	2	Сельское хозяйство, розничная торговля, машиностроение (завод нефтегазового машиностроения «ООО Синергия»)	<i>Северный</i> Познавательный, экологический, агротуризм
Чердынь, 4674 чел.	2	Разработка солевых месторождений, производство за чертой города	<i>Соликамско-Березниковский</i> Религиозный, познавательный, экологический и агротуризм
Усолье, 5979 чел.	1	Сельское хозяйство, розничная торговля, лесная и деревообрабатывающая промышленности	<i>Соликамско-Березниковский</i> Религиозный, познавательный, туризм
Оханск, 7096 чел.	1	Сельское хозяйство, производство пиломатериалов, швейное производство (ОАО Оханская швейная фабрика)	<i>Южный</i> Экологический и агротуризм
Гремячинск, 9430 чел.	1	Лесопереработка (ДОК Гремячинский, ООО «ПЛПК»), газокompрессорная станция (Гремячинское ЛПУ МГ), автомобилестроение (завод ОАО «Автоспецоборудование»), легкая промышленность	<i>Горнозаводской</i> Образование, здравоохранение и экологический туризм
Горнозаводск, 11575 чел.	1	Монопроизводство ОАО «Горнозаводскцемент»	<i>Горнозаводской</i> Познавательный туризм
Александровск, 13353 чел.	1	Развитие промышленного производства (ОАО «Александровский машиностроительный завод», ОАО «Алекстром» (опытный завод по производству стеновых материалов)	<i>Южный</i> Образование, здравоохранение, туризм
Очер, 14091 чел.	3	Литейная, мебельная промышленность, производство пиломатериалов, сельское хозяйство, машиностроение (ОАО «Очёрский машиностроительный завод»)	<i>Южный</i> Туризм и рекреация
Красновишерск, 15733 чел.	3	Лесная, деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия. Крупные предприятия являются банкротами	<i>Северный</i> Образование, здравоохранение и экологический туризм

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Малые города	ТЛК	Промышленный кластер	Туристско-рекреационный кластер
Кизел, 16642 чел.	2	Ликвидация основных градообразующих предприятий, бюджетная сфера	<i>Южный</i> Туризм и рекреация
Нытва, 18878 чел.	1	Градообразующее предприятие – ОАО Нытвенский металлургический завод	<i>Центральный</i> Познавательный, экологический и агротуризм
Губаха, 21160 чел.	1	Химическая промышленность – ПАО «Метафракс», ОАО «Губахинский кокс»	<i>Южный</i> Культура и туризм
Оса, 21201 чел.	1	Машиностроение, деревообработка, пищевая промышленность	<i>Центральный</i> Культурный центр – развитие познавательного туризма
Верещагино, 22328 чел.	1	Машиностроение, сельское хозяйство, текстильная промышленность	<i>Центральный</i> Различные виды туризма
Кудымкар, 30739 чел.	2	Пищевая промышленность (ОАО «Молоко», ОАО «Мясокомбинат»), торговля	<i>Северный</i> Религиозный, познавательный, экологический и агротуризм
Чернушка, 32687 чел.	1	Нефтяная промышленность и строительство (ООО «Лукойл – Пермь»); ремонтное производство (ООО «АРГОС» – ЧУРС); строительство дорог (ООО «ДОРΟΣ»), выпуск кирпича (ООО «Чернушкастройкерамика»)	<i>Южный</i> Туризм, санаторно-курортная деятельность
Добрянка, 33291 чел.	1	Топливо-энергетический и лесопромышленный комплекс (филиал «Пермская ГРЭС» АО «Интер РАО – Электрогенерация»; НГДУ «Полазнанефть» ЗАО «Лукойл-Пермь», ЗАО «Лукойл – Бурение – Пермь», АО «Добрянка-мебель», филиал ЗАО ПО «Уралэнергомонтаж»)	<i>Центральный</i> Туризм, санаторно-курортная деятельность
Чусовой, 45719 чел.	1	Черная металлургия, машиностроение и металлообработка (ОАО «Чусовский металлургический завод», «УралДомнаРемонт», «МеталлургСервис»).	<i>Южный</i> Туризм, санаторно-курортная деятельность
<i>Примечание:</i> ТЛК – транспортно-логистический кластер; 1 – транспортный узел (наличие автомобильных дорог федерального и регионального значения, железнодорожного сообщения); 2 – наличие автомобильных дорог регионального значения, железнодорожного сообщения; 3 – удаленность от железнодорожного сообщения, автомобильных дорог федерального и регионального значения			

Малые города Пермского края могут быть включены в три вида кластеров, особенно предпочтительное сочетание транспортно-логистического и одного из видов экономической деятельности. Необходимо учитывать формирование индустри-

альных парков: «Осенцы» (Пермь), «Красный» (Краснокамск), «Парма» (Пермь), целью которых является оптимизация промышленных площадей и повышение эффективности промышленной деятельности.

Литература

1. Доманьски, Р. Экономическая география: динамический аспект: монография / Р. Доманьски. – Москва: Издательство «Новый Хронограф», 2010. – С. 52.
2. Евсеев, В.О. Промышленная политика России: политэкономические и региональные аспекты: монография / В.О. Евсеев, Т.В. Скрыль, Е.В. Шавина, В.С. Осипов, Н.А. Невская. – Москва, 2016. – 212 с.
3. Зельднер, А.Г. Сущность и истоки деструктивных тенденций в экономической системе России / А.Г. Зельднер // Экономические науки. – 2013. – № 101. – С. 7-13.
4. Зельднер, А.Г. Системные дисфункции государственного управления: институциональный подход / А.Г. Зельднер, В.С. Осипов // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 8-2 (61). – С. 127-131.

5. Зельднер, А.Г. Институты и механизмы функционирования технико-внедренческих зон / А.Г. Зельднер, И.И. Смотрицкая // Экономические науки. – 2010. – № 71. – С. 33-38.
6. Невская, Н.А. Влияние индикативного планирования на формирование и реализацию промышленной политики / Н.А. Невская // Вестник НГИЭИ. – 2016. – № 7 (62). – С. 95-103.
7. Невская, Н.А. Роль промышленной политики в решении проблемы импортозамещения / Н.А. Невская // Вестник НГИЭИ. – 2017. – № 5 (72). – С. 120-127.
8. Оборин, М.С. Оценка возможности использования потенциальных природных лечебных ресурсов в курортно-рекреационной деятельности региона / М.С. Оборин // Вестник ЗабГУ. Науки о Земле. – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 4-14.
9. Оборин, М.С. Устойчивое развитие аграрного туризма на основе использования потенциала сельских территорий / М.С. Оборин // Сервис plus. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 46-55.
10. Осипов, В.С. Институциональное поле взаимодействующих хозяйствующих субъектов / В.С. Осипов // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12-4 (41-4). – С. 405-409.
11. Осипов, В.С. Социальные факторы Дальневосточного федерального округа: анализ и перспективы / В.С. Осипов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 5-2 (44). – С. 112-118.
12. Осипов, В.С. Политэкономическая проблематика формирования территорий опережающего развития / В.О. Евсеев, Т.В. Скрыль, Е.В. Шавина, В.С. Осипов, Н.А. Невская // отчет о НИР № 216 от 18.03.2015 (РЭУ им. Г.В. Плеханова).
13. Осипов, В.С. Интенсивному развитию отечественной экономики: системный подход / В.С. Осипов, Р.А. Халтурин // Экономические науки. – 2013. – № 100. – С. 7-10.
14. Родионова, И.А. Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX века: монография / И.А. Родионова. – Москва: Московский лицей, 2002. – С. 74.
15. Сапожников, А.Д. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил: монография / А.Д. Сапожников. – Москва: Мысль, 1981. – 251 с.
16. Скрыль, Т.В. Механизм территорий опережающего развития как элемент устойчивого экономического развития / Т.В. Скрыль // Экономика образования. – 2016. – № 2 (93). – С. 135-147.
17. Скрыль, Т.В. Стратегия государственного регулирования трансформирующейся экономики / Т.В. Скрыль // ЦИТИСЭ. – 2016. – № 1 (5). – С. 2.
18. Титов, С.А. Европейский опыт реализации программ редевелопмента промышленных территорий мегаполисов / С.А. Титов, А.П. Бирюков // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11-3. – С. 605-610.
19. Шабо, Ж. Франция: развитие экономико-географических районов: монография / Ж. Шабо. – Москва: Прогресс, 1970. – С. 437.
20. Шерешева, М.Ю. Маркетинг малых городов как фактор устойчивого развития региона / М.Ю. Шерешева, М.С. Оборин, С.М. Березка // Маркетинг в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 63-73.
21. Юлдашев, Р.Т. Как формируются связи / Р.Т. Юлдашев // Страховое дело. – 2015. – № 7 (268). – С. 45-50.
22. Юлдашев, Р.Т. Развитие системы собственных связей: монография / Р.Т. Юлдашев. – Москва: АН-КИЛ, 2014. – 224 с.
23. Юлдашев, Р.Т., Тазутдинов, И.Р. Особые экономические зоны: на пути к универсальной терминологии / Р.Т. Юлдашев, И.Р. Тазутдинов // Финансовый бизнес. – 2013. – № 5 (166). – С. 30-34.
24. Einem, E. von., Steffen, H. Flächenbedarf, Standortanforderungen und Mobilität des produzierenden Gewerbes in Berlin / E. von Einem, H. Steffen - IHK, Berlin, 1996. – 340 p.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №16-02-00141.

УДК: 330.4

Лукман Рафгатович Уляев, выпускник аспирантуры кафедры математических методов анализа экономики, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
e-mail: lukman1992@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КОРОТКИХ ПРОДАЖ НА ВОЛАТИЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВОГО РЫНКА НА ОСНОВЕ АГЕНТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения процессов на финансовом рынке, существенно влияющих на волатильность рынка и приводящих к резким и значительным падениям цен на активы. *Цель* статьи заключается в изучении вопроса о положительном или негативном влиянии коротких продаж на ценовые колебания активов. Ведущим *методом* к исследованию данной проблемы является агентно-ориентированное моделирование, позволяющее моделировать совместное влияние коротких продаж и маржинального кредитования на волатильность финансовых активов при участии в торгах «шумовых» трейдеров и инвестиционных фондов. Повторные наблюдения в **результате** многократных контролируемых имитаций позволили выявить существенные изменения в динамике цены актива при включении в рассматриваемую модель инвесторов и новых инструментов для торговли, таких как короткие продажи и кредиты, выдаваемые под залог финансовых активов. Отмечается особенность разработанной модели: способность воспроизводить асимметричные всплески волатильности. Проводится сравнение построенной агентно-ориентированной модели с эконометрическими моделями GARCH(1,1) и GJR-GARCH(1,1). Программная реализация модели осуществлялась на языке Python. Разработанный модельный комплекс может быть использован для дальнейших исследований и проверки гипотез о влиянии других финансовых инструментов и агентов на волатильность финансового рынка.

Ключевые слова: финансовый рынок, волатильность финансового рынка, короткие продажи, маржинальное кредитование, агентно-ориентированная модель.

Введение

Короткие продажи (short selling) или продажи «без покрытия» активно используются участниками торгов на финансовых рынках в случае ожидания снижения цены финансового актива. Они позволяют продавать актив, фактически не являясь его собственником. Для этого необходимо взять этот актив в долг и продать его, а через некоторое время совершить покупку для погашения задолженности. Обычно короткие продажи совершают спекулянты для заработка на падении стоимости актива или участники торгов, хеджирующие длинные позиции в других активах.

Вопрос о положительном или негативном влиянии коротких продаж на ценовые колебания активов является актуальным и достаточно спорным в финансовой науке. Некоторые утверждают, что участники торгов, использующие короткие продажи в своих стратегиях, занимаются недобросовестной деятельностью, подрывая доверие инвесторов к финансовым рынкам и тем самым снижая рыночную ликвидность. Например, такие агенты могут распространять недостоверные слухи о компании, по акциям которой занята короткая позиция, для получения прибыли от снижения цены актива. Сторонники возможности совершения коротких продаж, напротив, доказывают, что они увеличивают эффективность работы финансового рынка и способствуют процессу обнаружения справедливой цены на актив. Инвесторы, уверенные в нестабильном положении какой-либо компании, могут совершать короткие продажи, позволяющие включить

неблагоприятную информацию в текущую цену.

При наступлении кризисных ситуаций на финансовых рынках регулирующие органы могут ввести ограничения или запрет на продажи «без покрытия». Во многих исследованиях было показано, что введение ограничений на возможность совершения участниками торгов коротких продаж влияет на эффективность ценообразования финансовых активов [2, 5, 6, 8]. В самой ранней работе в этой области [8] было обнаружено, что запрет на осуществление коротких продаж может привести к завышению стоимости актива в результате того, что из-за введенных ограничений пессимистичные инвесторы не могут совершать свои торговые сделки и на рынке преобладают оптимистичные инвесторы. Однако, в более поздней модели [5] такая недооценка не была выявлена. Более того, авторы утверждают, что участники торгов на финансовом рынке должны учитывать информацию о запрете на совершение коротких продаж при принятии решений, а также в своих предположениях о поведении других участников торгов. Позднее появилась работа [2], где было показано, что запрет на осуществление коротких продаж может даже снизить цены на активы и сделать их более волатильными. Основным выводом из рассмотренных работ заключается в том, что, независимо от того, оказывают ли вводимые ограничения положительное или отрицательное влияние на ценообразование активов, они уменьшают информационную эффективность цен, то есть цены больше не отражают всю имеющуюся информацию.

Стоит отметить, что большинство исследований в этой области являются эмпирическими. Зачастую в работах используются разные данные и различные методы анализа, поэтому полученные выводы не всегда могут быть совместимыми. Альтернативный подход к рассматриваемой проблеме – это моделирование финансового рынка на основе агентов (agent-based modeling). В таких моделях участники торгов могут быть гетерогенными и иметь ограниченную рациональность, что согласуется с их поведением на реальных финансовых рынках. По сравнению с теоретико-ориентированными моделями они могут хорошо воспроизводить некоторые особенности (stylized facts) финансовых временных рядов: кластеризация волатильности, «толстые хвосты» распределений, долговременная память, мультифрактальность и др.

В последние годы появились такие исследования [1, 10], основанные на агентно-ориентированном моделировании финансового рынка. В первой работе [10] было показано, что искусственный финансовый рынок без введения запрета на совершение коротких продаж более устойчив, чем в случае, когда на рынке короткие продажи не всегда разрешены. В более поздней работе [1] при имитации работы финансового рынка было выявлено, что запрет на использование коротких продаж в торговле может увеличить волатильность рынка в случае повышенной изменчивости текущей цены актива.

В этой статье представлены результаты исследования влияния продаж «без покрытия» на ценовые колебания актива в агентно-ориентированной модели финансового рынка с возможностью для участников торгов заимствования у банков денежных средств под залог финансовых активов. В отличие от большинства существующих исследований в данной работе будет анализироваться совместное влияние коротких продаж и требований банков по погашению задолженностей (margin call) на динамику торгуемого актива.

Описание логики и структуры модели

В качестве базовой модели рассматривается агентно-ориентированная модель финансового рынка [9] с одним торгуемым активом, с различными типами агентов и стандартным механизмом установления рыночного равновесия. В торговле активом участвуют так называемые «шумовые» трейдеры, совершающие сделки случайным образом, и инвестиционные фонды, которые стараются купить дешевле и продать дороже, исходя из их собственной оценки фундаментального значения цены, таким образом, стабилизируя ситуацию на финансовом рынке. Кредитование осуществляют банки, выдавая кредиты под залог торгуемых активов. Также в модели присутствуют инвесторы, которые вкладывают свои денежные средства в наиболее прибыльные инвестиционные фонды.

Цена $p(t)$ на актив определяется на каждом

шаге моделирования после вычисления спроса $D_h(t)$ каждого инвестиционного фонда и спроса $D_n(t)$ «шумовых» трейдеров при фиксированном количестве N предлагаемых активов. Равновесие спроса и предложения устанавливается в соответствии со следующим уравнением

$$D_n(t) + \sum_h D_h(t) = N.$$

Спрос «шумовых» трейдеров вычисляется на основе уравнения $D_n(t) = \frac{d_n(t)}{p(t)}$, где логарифм величины $d_n(t)$ задаётся как процесс Орнштейна – Уленбека

$$\ln d_n(t) = \rho \ln d_n(t-1) + \sigma_n \varepsilon(t) + (1 - \rho) \ln(VN),$$

где $\varepsilon(t)$ – нормально распределённая случайная величина с нулевым средним и единичной дисперсией, а $0 < \rho < 1$. Коэффициент ρ при моделировании выбирается близким к единице с целью приблизить распределение логарифмических доходностей $r(t) = \ln p(t+1) - \ln p(t)$ к нормальному распределению.

Спрос инвестиционных фондов $D_h(t)$ основывается на сигнале ошибочной оценки цены актива $m(t) = V - p(t)$, где V – воспринимаемая участниками торгов фундаментальная стоимость актива, которая является фиксированной для всех типов агентов. Когда ошибочная оценка увеличивается, инвестиционный фонд, в зависимости от присвоенного ему по умолчанию параметра агрессии β_h (показывает, насколько чувствительна его реакция на сигнал), покупает дополнительное количество активов в соответствии со следующим равенством

$$D_h(t) = \begin{cases} 0, & m(t) \leq 0 \\ \beta_h m(t) W_h(t) / p(t), & 0 < m(t) < m_h^{\text{crit}} \\ \lambda_{\text{max}} W_h(t) / p(t), & m(t) \geq m_h^{\text{crit}} \end{cases}$$

где $m_h^{\text{crit}} = \lambda_{\text{max}} / \beta_h$, λ_{max} – максимально допустимый уровень кредитного плеча.

Размер кредитного плеча λ_h для каждого инвестиционного фонда ограничивается величиной λ_{max} , которая устанавливается банком на основе информации о текущей ситуации на финансовом рынке. Если данное условие в какой-то момент времени нарушится

$$\lambda_h(t) = D_h(t-1)p(t) / W_h(t) > \lambda_{\text{max}},$$

то инвестиционный фонд, по требованию банка будет вынужден продать часть своих активов для приведения значения используемого плеча λ_h к максимально допустимому уровню λ_{max} .

Банк также может вводить ограничения на сумму заёмных средств на основе текущей волатильности на финансовом рынке

$$\lambda_{reg}(t) = \max\left\{1, \frac{\lambda_{\max}}{1 + k\sigma_\tau^2}\right\},$$

где k является показателем отношения банка к волатильности σ_τ цены актива на рынке, τ – рассматриваемый промежуток времени.

Кредитное плечо λ_h для каждого инвестиционного фонда h задаётся как отношение стоимости активов $D_h(t)p(t)$ к собственным средствам $W_h(t)$

$$\lambda_h = \frac{D_h(t)p(t)}{W_h(t)} = \frac{D_h(t)p(t)}{D_h(t)p(t) + C_h(t)},$$

где $W_h(t)$ – собственные средства фонда, $C_h(t)$ – наличные средства (сумма кредита) инвестиционного фонда.

Динамика собственных средств $W(t)$ инвестиционного фонда h зависит от успешности торгов на финансовом рынке, а также от интереса инвесторов к результатам его работы. Сначала задаётся первоначальный объём собственных средств $W_0 = W_h(0)$, а его изменение происходит в соответствии со следующим правилом

$$W_h(t) = W_h(t-1) + (p(t) - p(t-1))D_h(t-1) + F_h(t),$$

где $F_h(t)$ – поток капитала, который определяется как

$$F_h(t) = \max(\bar{F}_h(t), -(D_h(t-1)p(t) + C_h(t-1))),$$

$$\bar{F}_h(t) = b(r_h^{\text{perf}}(t) - r^b)(D_h(t-1)p(t) - C_h(t)),$$

где r^b – базовая доходность, которая является некоторым показателем надёжности работы фонда, а параметр b определяет зависимость потока капитала от действий инвесторов.

Если собственные средства $W_h(t)$ инвестиционного фонда опустятся ниже установленного уровня $W_0/10$, то он временно прекращает свою работу. Но через определённый период времени $T_w = 100$ инвестиционный фонд восстанавливается и возобновляет торговлю.

Решение о вложении своих средств в инвестиционный фонд h инвесторы принимают на основе скользящего среднего его недавних результатов торговли на финансовом рынке

$$r_h^{\text{perf}}(t) = (1-a)r_h^{\text{perf}}(t-1) + ar_h(t),$$

$$r_h(t) = \frac{D_h(t-1)(p(t) - p(t-1))}{W_h(t-1)},$$

где $r_h(t)$ – доходность инвестиционного фонда h в момент времени t , а a – параметр скользящего среднего.

Таким образом, в периоды низкой волатильности на рынке инвесторы будут вкладывать свои средства в наиболее доходные инвестиционные фонды, которые используют наибольший объём заёмных средств.

Добавление возможности совершения коротких продаж

После построения базовой модели в модель вводится возможность совершения коротких продаж для инвестиционных фондов. В этом случае используемое кредитное плечо λ_h для каждого инвестиционного фонда будет определяться как отношение денежных средств (сумма кредита) $C_h(t)$ к его собственным средствам $W_h(t)$

$$\lambda_h = \frac{W_h(t) - D_h(t)p(t)}{W_h(t)} = \frac{C_h(t)}{D_h(t)p(t) + C_h(t)}.$$

Спрос инвестиционных фондов $D_h(t)$ будет также основываться на сигнале ошибочной оценки цены актива $m(t) = V - p(t)$. Каждый инвестиционный фонд в зависимости от текущей цены актива $p(t)$ и от присвоенного ему по умолчанию параметра агрессии β_h будет совершать покупку или продажу активов в соответствии со следующим правилом

$$D_h(t) = \begin{cases} (1 - \lambda_{\max})W_h(t) / p(t), & m(t) \leq m_{\text{crit}}^{\text{short}} \\ \lambda_{\max} W_h(t) / p(t), & m(t) > m_{\text{crit}}^{\text{long}} \\ \beta_h m(t) W_h(t) / p(t), & m_{\text{crit}}^{\text{short}} < m(t) \leq m_{\text{crit}}^{\text{long}} \end{cases}$$

где $m_{\text{crit}}^{\text{short}}$, $m_{\text{crit}}^{\text{long}}$ – критические уровни сигнала на продажу и соответственно на покупку финансового актива.

Далее на построенном искусственном финансовом рынке исследуются ценовые колебания торгуемого актива при участии в торгах различных агентов. То есть изучаются изменения в динамике актива при добавлении на рынок возможности совершения коротких продаж, когда в торговле участвуют только «шумовые» трейдеры и инвестиционные фонды, либо в случае, когда в модель также включены инвесторы.

О выборе параметров модели

Каждая имитация работы финансового рынка осуществляется во временном периоде $t = 10000$ (количество торговых дней). Во всех симуляциях участвует десять инвестиционных фондов с параметрами агрессии $\beta_h = 5, \dots, 50$ и используются следующие параметры: $\rho = 0.99$, $\sigma_n = 0.035$, $V = 1$, $N = 1000$, $r^b = 0.005$, $a = 0.1$, $b = 0.15$,

$W_0 = 2$, $W_{crit} = 0.2$, $T_w = 100$, $\tau = 1, \dots, 10$, $r = 0$, $\lambda_{max} = 10$. Выбор ключевых параметров осуществлялся в результате тестирования различных значений и исходя из экономического контекста.

Увеличение параметра агрессии β_h улучшает реакцию инвестиционного фонда на сигнал недооценки $m(t)$, что влияет на его спрос и объём заимствований и соответственно увеличивает вероятность банкротства. Объём начального капитала W_0 , фундаментальная цена V и число торгуемых активов N выбираются таким образом, чтобы доля инвестиционных фондов была небольшой в начале моделирования.

Параметры ρ, σ_n определяют спрос «шумовых» трейдеров и их значения задаются из предположения, что распределение логарифмических доходностей $r(t) = \ln \frac{p(t+1)}{p(t)}$ близко к нормальному распределению при участии в торговле на финансовом рынке только «шумовых» трейдеров.

Базовая доходность r^b играет важную роль в построенной модели, так как определяет относительный размер инвестиционных фондов и «шумовых» трейдеров. Если её установить на достаточно низком уровне, то инвестиционные фонды будут быстро увеличивать свои средства и купят большое количество активов при небольших сигналах недооценки $m(t)$, что приведёт к их полному доминированию над «шумовыми» трейдерами. Если же этот параметр установить на высоком уровне, то инвестиционные фонды не будут увеличивать свои средства и перестанут влиять на формирование цены на актив. Наиболее близкое к реальности поведение наблюдается при промежуточных значениях r^b , когда спрос инвестиционных фондов сравним со спросом «шумовых» трейдеров.

Стоит отметить, что параметры a и b , необходимые для расчёта потока капитала $F_h(t)$ от инвесторов в инвестиционный фонд, определялись эмпирически на основе предыдущих исследований, где были сделаны попытки описания похожих процессов взаимодействия инвесторов и

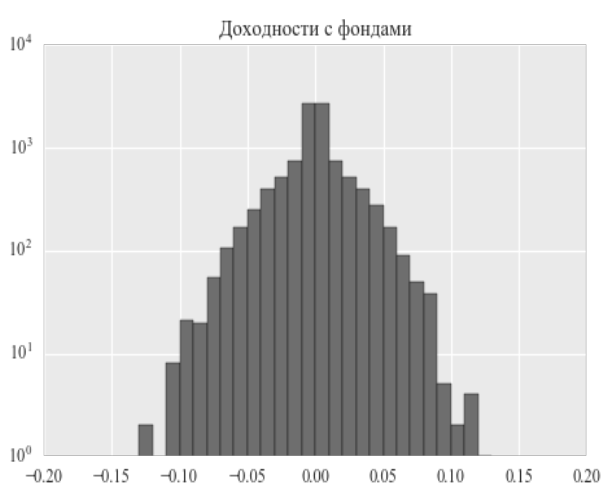
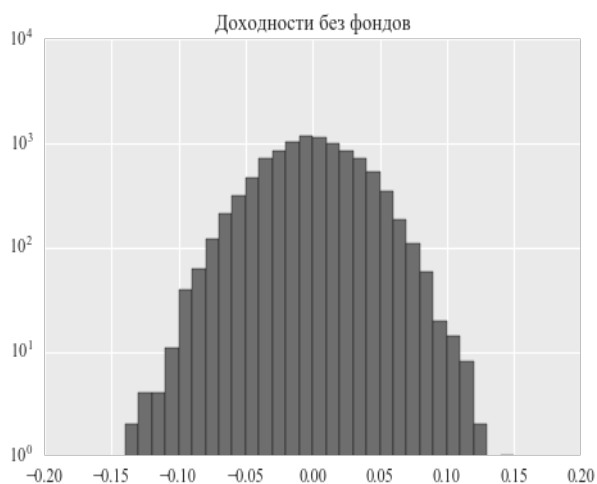
инвестиционных фондов [3, 4].

Использование положительного значения критического уровня капитала W_{crit} для каждого инвестиционного фонда и выбор времени на восстановлении T_w обусловлены разумным регулированием количества инвестиционных фондов на финансовом рынке.

Безрисковая процентная ставка r выбиралась исходя из упрощения вычислений, а изменение периода расчёта τ исторической волатильности в выбранном промежутке не оказывало существенного влияния на полученные результаты.

Результаты моделирования

Динамика цены актива на построенном искусственном финансовом рынке значительно меняется при добавлении новых участников торгов и возможности совершения коротких продаж для инвестиционных фондов (рисунок 1). В случае, когда на рынке присутствуют только «шумовые» трейдеры распределение логарифмических доходностей актива близко к нормальному распределению (рисунок 1-а). При включении в модель инвестиционных фондов волатильность актива немного снижается, а распределение логарифмических доходностей остаётся близким к нормальному распределению (рисунок 1-б). Однако, при добавлении инвесторов, распределение обретает «толстые хвосты» за счёт отрицательных доходностей, так как инвестиционные фонды проявляют активность только в случае недооценки актива (рисунок 1-в). Когда в модель вводится возможность совершения коротких продаж для инвестиционных фондов, распределение логарифмических доходностей становится более сконцентрированным в центре и «толстые хвосты» наблюдаются и за счёт положительных доходностей (рисунок 1-г). Из-за более высокого риска, связанного с продажами «без покрытия», можно заметить, что распределение становится слегка асимметричным. Такой повышенный риск коротких продаж может возникать из-за того, что потенциальные потери от покупки актива ограничены, так как цена не может постоянно снижаться, а в случае продажи ограничения по росту цены не существует.

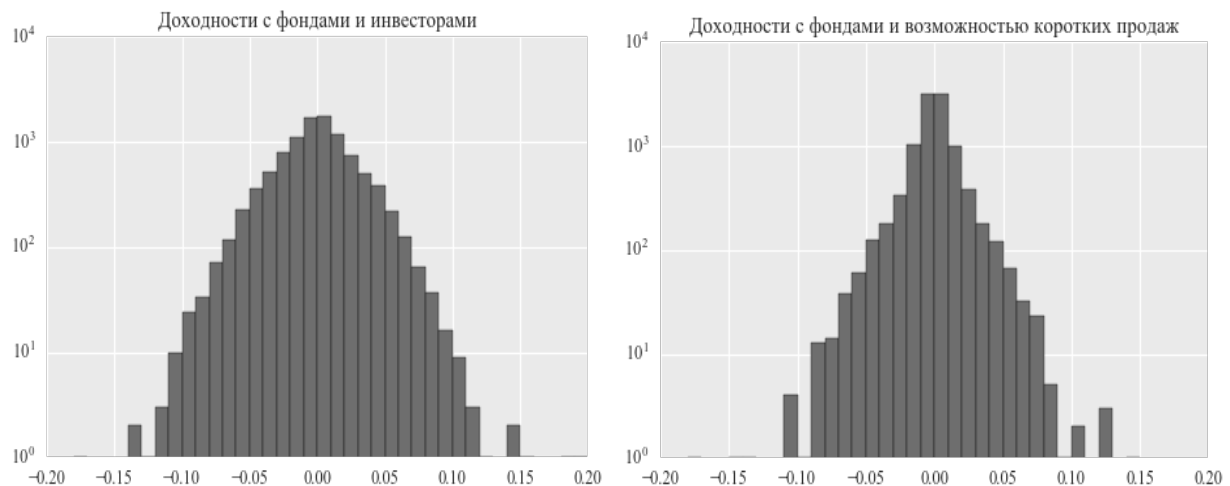
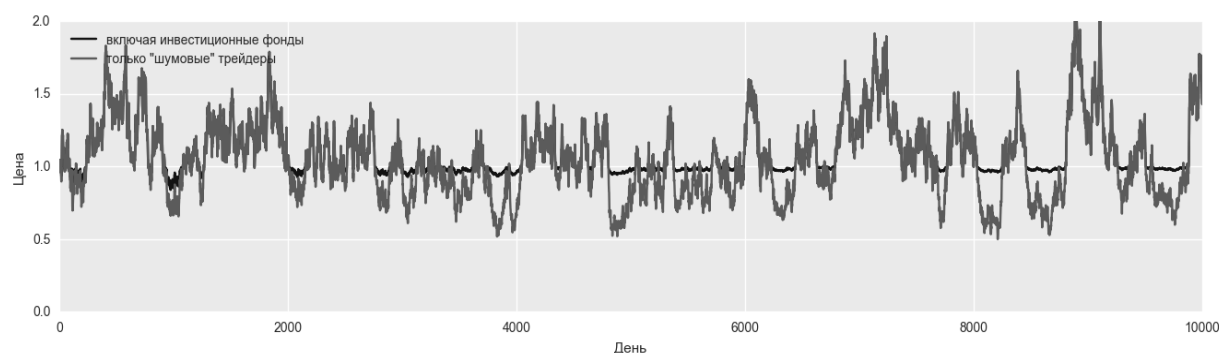
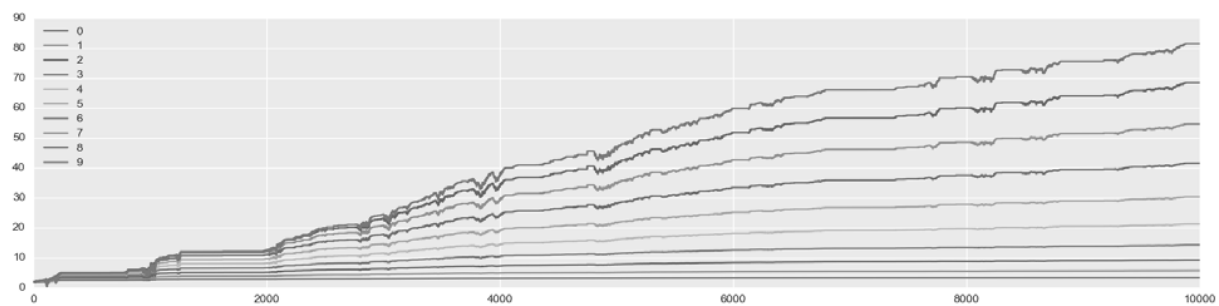

Рисунок 1. Гистограммы доходностей актива при симуляциях (слева направо): а) с «шумовыми» трейдерами; б) с инвестиционными фондами; в) с инвесторами; г) с возможностью коротких продаж для фондов

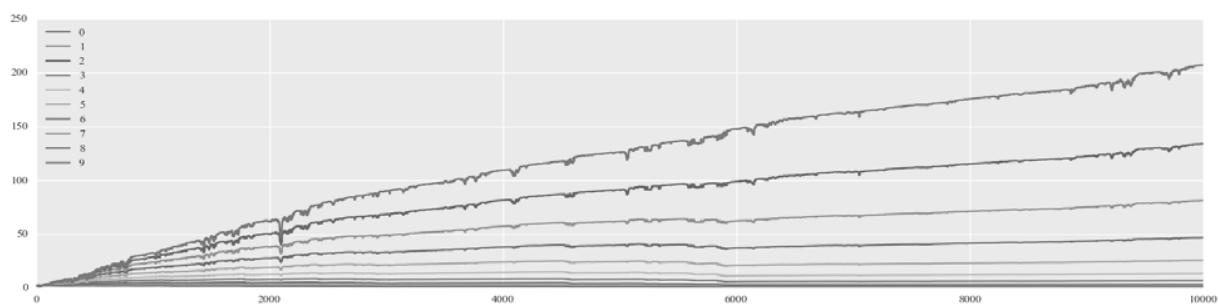
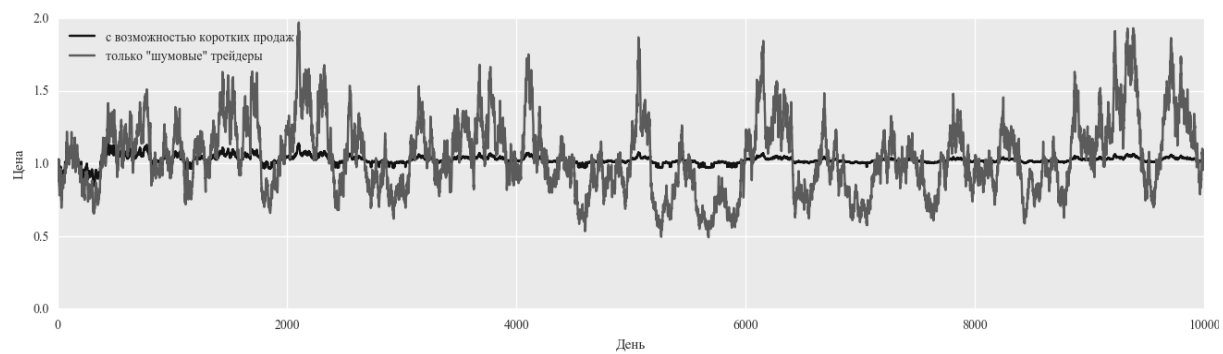
Добавление в модель возможности совершения коротких продаж оказывает различное воздействие на динамику цены актива при участии в торговле только «шумовых» трейдеров и инвестиционных фондов, чем в случае, когда в модель также включены инвесторы (рисунок 2). В первом случае наблюдается уменьшение волатильности актива на протяжении всего имитационного периода времени и быстрый рост собственных средств инвестиционных фондов за счёт увеличения денежных займов у банков для покупки новых активов (рисунок 2-а, рисунок 2-б). Данные изменения обусловлены появлением дополнительных возможностей для заработка и устранением возникающих отклонений текущей цены от фундаментальной стоимости актива. Во втором случае волатильность актива немного увеличивается, наблюдаются более значительные падения цены актива, а динамика средств инвестиционных фондов остаётся нестабильной, но при этом становится разнообразнее (рисунок 2-в, рисунок 2-г). Во многом наблюдаемая нестабильность

связана с тем, что инвесторы постоянно вкладывают и снимают свои средства со счетов инвестиционных фондов, исходя из их текущих результатов работы на финансовом рынке. Значительное влияние на динамику актива оказывают ограничения на сумму заёмных средств, вводимые банками на основе текущей волатильности рынка. Банки увеличивают уровень максимально возможного кредитного плеча в периоды низкой волатильности и снижают его, когда волатильность на рынке возрастает, что может усиливать колебание цены на актив из-за массовых продаж активов инвестиционными фондами для погашения задолженностей по кредитам. Появление возможности совершения коротких продаж способствует увеличению кредитного плеча для получения дополнительной прибыли, однако, в таком случае небольшое изменение цены актива сильнее уменьшает стоимость гарантийного обеспечения и вынуждает инвестиционные фонды продавать свои активы даже в самые неподходящие для этого моменты.

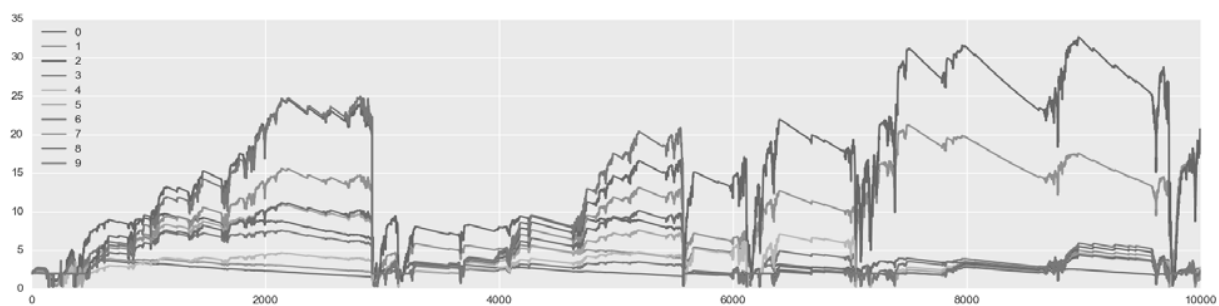
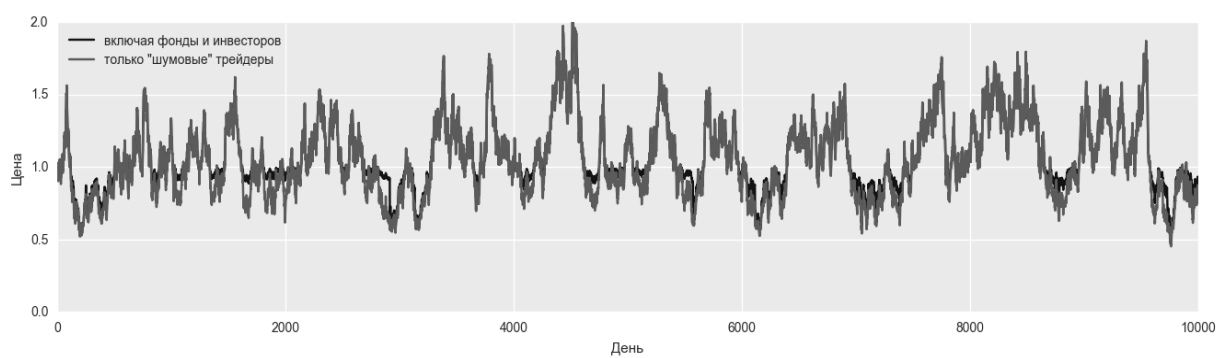

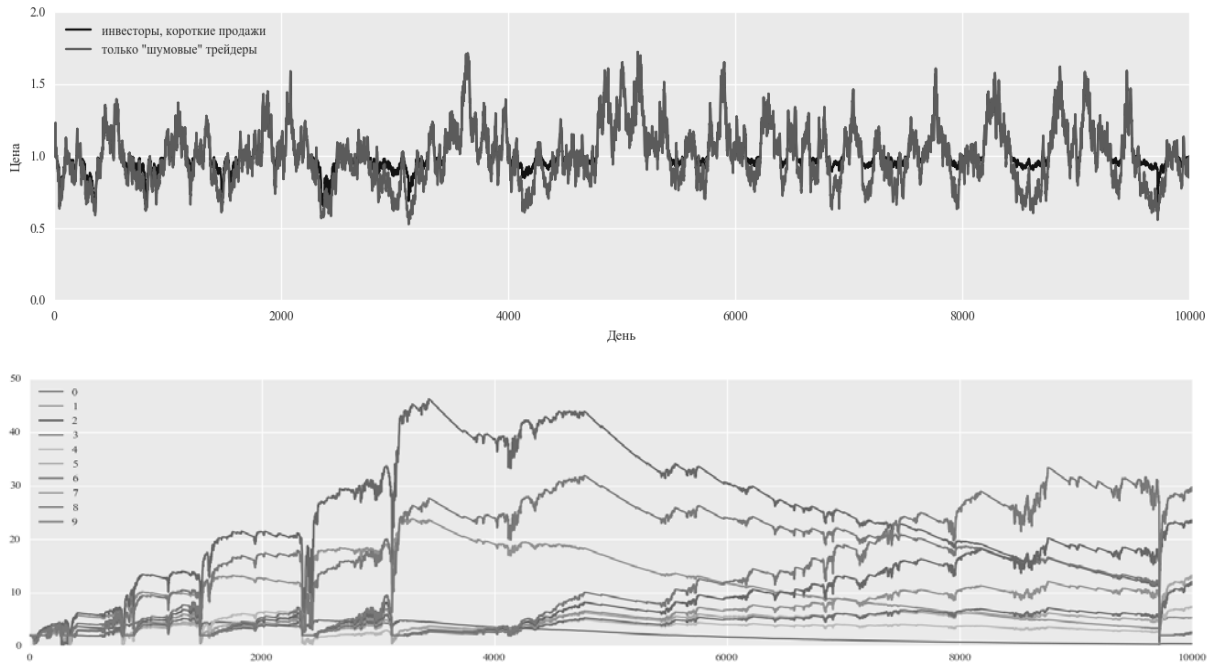
2-а

2-б

2-в

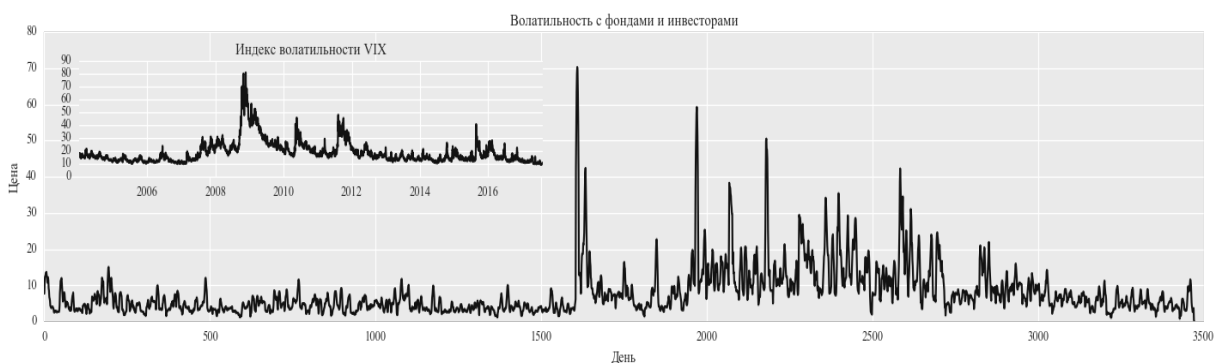
2-г

Рисунок 2. Динамика цены актива и средств инвестиционных фондов (Примечание: 0...9 – номера фондов с присвоенными им параметрами агрессии $\beta_h = 5, \dots, 50$) при симуляциях: а) с «шумовыми» трейдерами и фондами; б) с добавлением коротких продаж; в) с «шумовыми» трейдерами, фондами и инвесторами; г) с добавлением коротких продаж

Особенностью построенной имитационной модели является её способность воспроизводить асимметричные всплески волатильности. На рисунке 3 сравнивается историческая волатильность актива (за 10 дней), торгуемого на построенном искусственном финансовом рынке, с индексом волатильности VIX (индекс рыночной волатильности Чикагской биржи опционов), который является показателем подразумеваемой волатильности индекса S&P500. Данные нормализуются, чтобы пики имели одинаковую высоту, а временная ось смещается для наблюдения пиков примерно в одно время. Как видно из рисунков, во всех приведённых случаях происходят резкие всплески волатильности и постепенное их затухание, таким образом, образуются очень характерные

асимметричные пики. Однако в случае возможности осуществления коротких продаж на искусственном рынке модель точнее воспроизводит пики, наблюдаемые на графике индекса волатильности VIX, чем в случае, когда инвестиционные фонды могут совершать только покупку недооценённого актива.

Стоит отметить, что хотя и форма пиков одинакова для индекса VIX и модельной волатильности (рисунок 3-б), заметна разница в характере всплесков: в модели они достигают максимального значения быстрее. Возможная причина такого различия в том, что индекс VIX демонстрирует подразумеваемую волатильность индекса S&P500, в то время как в модели показывается волатильность только одного актива.

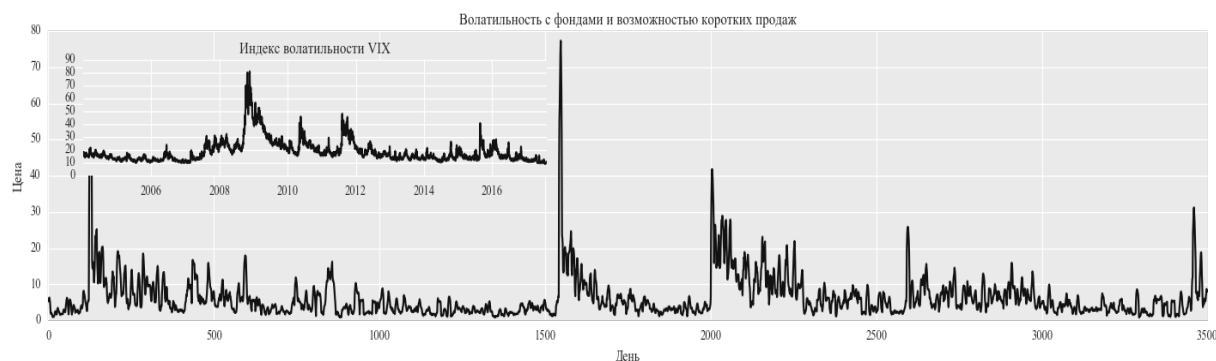

Рисунок 3. Индекс волатильности VIX и волатильность актива при симуляциях: а) с фондами и инвесторами; б) с фондами и короткими продажами

Проведём также сравнение пиков на построенном искусственном рынке и в эконометрических моделях GARCH(1,1) и GJR-GARCH(1,1) [7]. Первая модель (рисунок 4-а) качественно заметно уступает модели искусственного финансового рынка с инвестиционными фондами и возможностью совершения коротких продаж. Вторая модель (рисунок 4-б), которая может учитывать асимметрию в

реакции волатильности на положительные и отрицательные изменения доходности, демонстрирует чуть лучшее приближение индекса волатильности VIX, чем базовая GARCH(1,1) модель, но качественно примерно одинаковое с волатильностью актива на построенном искусственном финансовом рынке с инвестиционными фондами и возможностью коротких продаж.

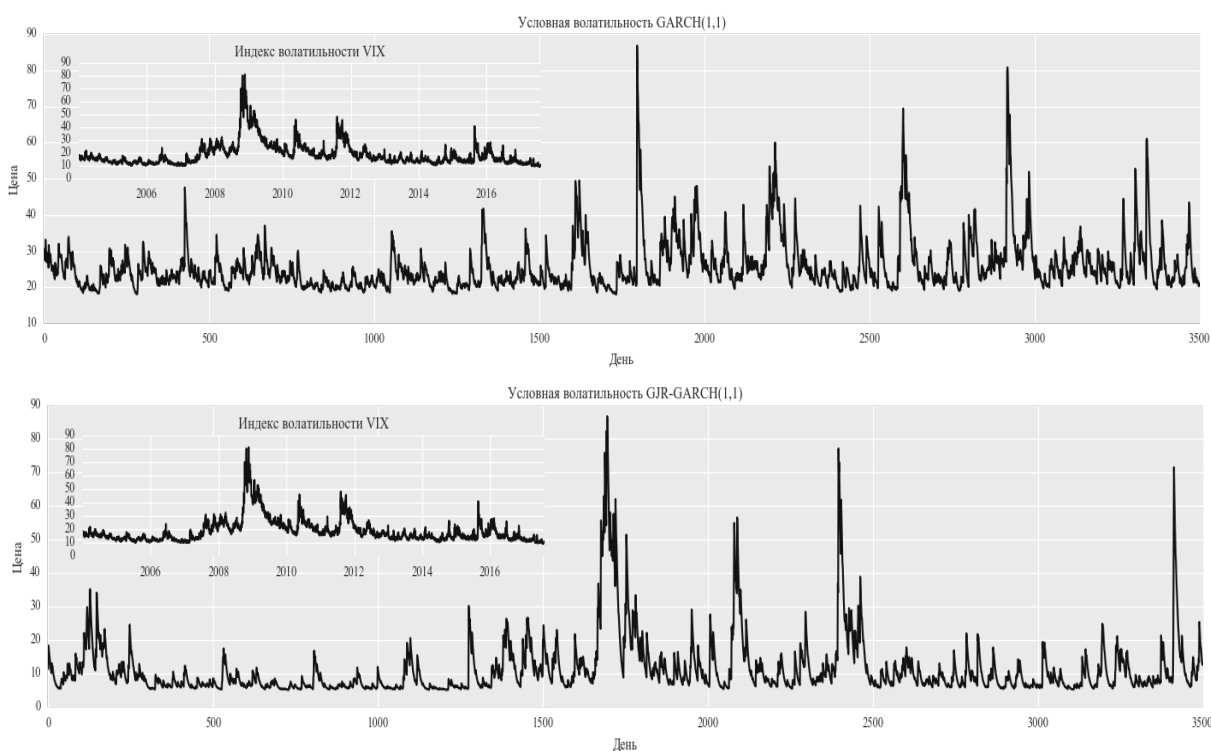

Рисунок 4. Индекс волатильности VIX и условная волатильность: а) в модели GARCH(1,1); б) в модели GJR-GARCH(1,1)

Следует заметить, что индекс волатильности VIX демонстрирует даже в спокойные времена достаточно существенную волатильность, а в построенной модели финансового рынка наблюдаются длительные периоды низкой волатильности. Причина такого явления заключается в том, что в модели в такие периоды на рынке преобладают инвести-

ционные фонды и влияние «шумовых» трейдеров на цену торгуемого актива незначительно. Каждый инвестиционный фонд ориентируется на одинаковую фундаментальную стоимость актива и таким образом они стабилизируют рыночную цену. Однако при установке в модели различных значений фундаментальной стоимости актива для каждого

отдельного инвестиционного фонда их действия будут менее синхронизированными, поэтому даже в спокойные времена волатильность останется на значительном уровне.

Заключение

На основе построенной агентно-ориентированной модели финансового рынка было проанализировано совместное влияние коротких продаж и требований банков по погашению задолженностей на ценовые колебания торгуемого актива при различных комбинациях агентов. Повторные наблюдения в результате многократных контролируемых имитаций с различными ключевыми параметрами позволили сделать следующие выводы. Во-первых, наличие возможности совершения коротких продаж способствует уменьшению волатильности актива в периоды умеренных кредитных рычагов, но оказывает противоположное влияние в случае чрезмерных заимствований со стороны участников торгов. Во-вторых, инвесторы, совершающие вклады в инвестиционные фонды, могут своими действиями поспособствовать увеличению вероятности резкого падения цены на актив. В-третьих, добавление в модель финансового рынка возможности совершения коротких продаж для инвестиционных фондов позволяет точнее воспроизводить асимметричные всплески волатильности. Большинство эмпирических исследований подтверждают полученные выводы о том, что участники торгов, использующие чрезмерные заимствования или короткие продажи, в некоторой степени не способствуют стабильной и эффективной работе финансового рынка. Однако в проведенном исследовании были выявлены различия в поведении цены актива при наличии на финансовом рынке различных агентов и инструментов для торговли, таких как короткие продажи и кредиты, выдаваемые под залог финансовых активов.

Добавление возможности совершения коротких продаж на рынок с «шумовыми» трейдерами и инвестиционными фондами уменьшило волатиль-

ность торгуемого актива и увеличило средства фондов. Но при наличии инвесторов такое изменение привело к противоположным результатам: волатильность актива увеличилась, а динамика средств фондов стала нестабильной. Во многом это связано с тем, что инвестиционные фонды, благодаря возможности совершения коротких продаж, постоянно увеличивают свои кредитные рычаги для получения дополнительной прибыли. Но такие действия уменьшают волатильность актива на рынке и соответственно доходность фондов, что способствует ослаблению регулирования со стороны банков. В такой ситуации небольшое падение цены актива существенно уменьшает стоимость гарантийного обеспечения и заставляет инвестиционные фонды продавать активы даже в самые неподходящие для этого моменты, что может спровоцировать дальнейший обвал в результате массовых продаж фондами своих активов и уменьшения вкладов со стороны инвесторов из-за падения доходностей инвестиционных фондов.

Представляется, что на реальном финансовом рынке при наличии возможности совершения коротких продаж у участников торгов появляются новые возможности для заработка, поэтому они увеличивают объёмы заимствований, чтобы увеличить свою прибыль. Но это приводит к увеличению ликвидности и падению волатильности, что уменьшает возможности дополнительного заработка и может заставлять участников торгов идти на ещё большие заимствования для поддержания определённого уровня доходности. Подобная связь между ликвидностью, волатильностью и риском в обычные дни практически незаметна, так как на рынке она проявляется достаточно редко. На первый взгляд, может показаться, что ситуация на финансовом рынке стабильна, но при этом нам неизвестно, что происходит на уровне связи и взаимодействия отдельных составляющих финансового рынка.

Литература

1. Anufriev, M. The impact of short-selling constraints on financial market stability in a heterogeneous agents model / M. Anufriev, J. Tuinstra // *Journal of Economic Dynamics and Control*. – 2013. – Vol. 37 (8). – pp. 1523-1543.
2. Bai, Y. Asset Prices under Short-Sale Constraints / Y. Bai, E.C. Chang, J. Wang // *Wang Working Paper*. – 2006.
3. Busse, J.A. Look at mutual fund tournaments / J.A. Busse, *The Journal of Financial and Quantitative Analysis*. – 2001. – Vol. 36. – pp. 53-73.
4. Chevalier, J. Risk taking by mutual funds as a response to incentives / J. Chevalier, G. Ellison // *The Journal of Political Economy*. – 1997. – Vol. 105. – pp. 1167-1200.
5. Diamond, D.W. Constraints on short-selling and asset price adjustment to private information / D.W. Diamond, R.E. Verrecchia // *Journal of Financial Economics*. – 1987. – Vol. 18. – pp. 277-311.
6. Duffie, D. Securities lending, shorting, and pricing / D. Duffie, N. Garleanu, L.H. Pedersen // *Journal of Financial Economics*. – 2002. – Vol. 66. – pp. 307-339.
7. Glosten, L.R. On the Relation between the Expected Value and the Volatility of the Nominal Excess Return on Stocks / L.R. Glosten, R. Jagannathan, D.E. Runkle // *Journal of Finance*. – 1993. – Vol. 28 (5). – pp. 1779-1801.

8. Miller, E.M. Risk, Uncertainty, and Divergence of Opinion / E.M. Miller, Journal of Finance. – 1977. – Vol. 32. – pp. 1151-1168.
9. Thurner, S. Leverage causes fat tails and clustered volatility / S. Thurner, D. Farmer, J. Geanakoplos // Quantitative Finance. – 2012. – Vol. 12 (5). – pp. 695-707.
10. Yagi, I. A study on the effectiveness of short-selling regulation using artificial markets / I. Yagi, T. Mizuta, K. Izumi // Evolutionary and Institutional Economics Review. – 2010. – Vol. 7 (1). – pp. 113-132.

УДК 338.22.01

Екатерина Игоревна Шумская, аспирант кафедры политической экономики, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
e-mail: shumskaya_katie@mail.ru

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Актуальность. Технологическая трансформация производства в ходе четвертой промышленной революции имеет огромный потенциал для позитивного воздействия на экономику и общество. Однако ускоренное развитие без надлежащего государственного регулирования может иметь негативные социальные последствия в виде роста неравенства и нарастающих диспропорций в обществе. Для того чтобы Россия смогла полностью раскрыть экономический потенциал новых технологий наряду с лидирующими странами, снижая возможные негативные последствия для общества, необходимо принять ряд экономических, политических и социальных мер.

Цель. Представить приоритетные направления развития в ходе становления четвертой промышленной революции в России. Провести анализ государственных программ по совершенствованию инновационной экономики.

Результаты. В исследовании обоснована авторская структура экономического потенциала четвертой промышленной революции, технологический переход представлен как условие восстановления экономики в целом за счет роста производительности труда, выделены возможные вызовы и угрозы для общества. Представлены приоритетные направления развития в ходе становления четвертой промышленной революции в России: совершенствование цифровой экономики, смягчение социальных последствий в ходе трансформации рынка труда, развитие организации и сотрудничества между правительством, бизнесом и наукой.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, экономический потенциал, цифровая экономика, инновации, государственное управление.

В современном экономическом развитии по происходящим структурным перестройкам можно выявить тенденции четвертой промышленной революции, по своей сути являющейся информационно-технологической [2]. Совершенствуя основы промышленного производства, она влияет на экономический рост в целом. Новый этап индустриализации, основанный на внедрении цифровых технологий, таких как «умные» датчики, большие данные, машинное обучение и искусственный интеллект, приведет к росту производительности труда и повышению эффективности использования ресурсов. Четвертая промышленная революция повлияет на бизнес-процессы, рынки и структуру экономики в целом.

В этом контексте основополагающим фактором становится скорость освоения и распространения новых технологий, непосредственно влияющая на

конкурентоспособность страны на мировом рынке. Технологическая трансформация производства имеет огромный потенциал для позитивного воздействия на экономику и общество. Она даст значительный вклад в обеспечение стабильного роста ВВП, а совокупный эффект окажет влияние на развитие социальной сферы и роста благосостояния граждан (таблица 1). Распространение технологий обеспечит мощнейшую интеллектуализацию производств, переход к непрерывному инновационному процессу и обновление системы образования. Произойдет трансформация «общества потребления» в «интеллектуальное общество». Производственный процесс, благодаря аддитивным и «зеленым» технологиям, станет чище. В структуре потребления главенствующее место будет занято различными услугами [7].

Таблица 1. Экономические вызовы и перспективы четвертой промышленной революции

	Экономический потенциал	Угрозы
На макроуровне	Экономический рост	Увеличение неравенства
	Повышение уровня жизни	Нарастание диспропорций в обществе
	Структурная трансформация экономики, переход к экономике знаний	«Утечка» кадров
	Снижение техногенного воздействия	Удорожание производства
На микроуровне	Изменение характера и производительности труда, переход от ручного к умственному труду	Рост безработицы

	Экономический потенциал	Угрозы
	Сокращение ресурсоемкости производства	Потеря конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках
	Совершенствование системы планирования и управления	
	Повышение качества товаров и персонализация выпуска	

Обладая мощным потенциалом, четвертая промышленная революция также несет в себе вызовы и угрозы для общества. Современные темпы технологического развития являются экспоненциальными, и поэтому прогнозирование имеет повышенную сложность, которая вызвана высокой конвергенцией технологий [4]. Ускоренное развитие без надлежащего государственного регулирования может иметь негативные социальные последствия в виде роста неравенства и нарастающих диспропорций в обществе [10]. Формирование технологических драйверов четвертой промышленной революции требует значительных инвестиций, что ведет к удорожанию производств. В ходе автоматизации и роботизации различных сфер экономики значительные изменения потерпит рынок труда, в том числе из-за роста структурной безработицы.

Россия с запозданием включается в четвертую промышленную революцию. Несмотря на активное выстраивание инновационной политики, наша страна занимает слабые «технологические» позиции на фоне происходящих в странах-лидерах изменений.

Для того чтобы Россия смогла полностью раскрыть экономический потенциал новых технологий наряду с лидирующими странами, снижая возможные негативные последствия для общества, необходимо принять ряд экономических, политических и социальных мер. На сегодняшний день в нашей стране реализуется 18 государственных программ по направлению «Инновационное развитие и модернизация экономики».

В данном контексте обратим внимание на Национальную технологическую инициативу – план создания условий для технологического лидерства России к 2035 году, по которому уже начали происходить изменения, необходимые для адаптации к новым реалиям. Выделим приоритетные направления, которые требуют особого внимания.

1) Совершенствование цифровой экономики.

Цифровая экономика является фундаментальной составляющей четвертой промышленной революции. В 2017 году Правительством Российской Федерации была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика России 2024» по созданию условий институционального и инфраструктурного характера и по устранению имеющихся препятствий и ограничений. Работа по программе ведется по 5 направлениям: кадры

и образование, информационная инфраструктура, информационная безопасность, формирование исследовательских компетенций и цифровых заделов и нормативное регулирование. Однако отметим, что для успешной реализации программы, внутри страны также необходимо создать более развитую венчурную экосистему, укрепить права собственности и повысить заинтересованность компаний к инновациям.

У России уже имеется серьезный задел в сфере цифровых технологий. Мы обладаем самым высоким уровнем проникновения мобильных телефонов, средняя скорость интернет-соединения вдвое превышает средний показатель в мире, и порядка 80 % домохозяйств имеют доступ к фиксированной высокоскоростной широкополосной связи. Существенным этапом развития цифровой экономики является совершенствование программы электронного правительства с целью повышения эффективности государственного управления, взаимодействия общества и бизнеса с органами власти (указ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»).

Важно превратить это преимущество в долгосрочные выгоды. А потому необходимо принимать решения, направленные на повышение уровня цифровой грамотности и осведомленности о преимуществах новых технологий у населения. С дальнейшим распространением цифровизации важнейшими вопросами станут формирование единых государственных стандартов платформенных решений, кибербезопасность, защита данных, обеспечиваемая законами о конфиденциальности и правах собственности.

2) Смягчение социальных последствий в ходе трансформации рынка труда.

Социальный и экономический эффект от использования роботов и искусственного интеллекта будет колоссальным. На сегодняшний день в России порядка 70 % населения прямо или косвенно занято в массовом производстве. Но, по предварительным оценкам, к 2035 году 95 % производственных цепочек не потребуют участия человека, а половина существующих на сегодняшний день рабочих мест будет автоматизирована [9].

Для смягчения переходного периода, прежде всего, необходимо модернизировать систему образования, как социального института, воспроизводящего интеллектуальный потенциал страны.

Правительству придется переосмыслить политику труда и социальной защиты, фискальную политику, чтобы учесть новые бизнес-модели и сохранить таланты внутри страны.

По расходам на НИОКР среди ведущих стран мира Россия сохранила те же позиции, что и в 1995 году, согласно отчету Института статистических исследований и экономики знаний (ВШЭ) «Затраты на науку в России и ведущих странах мира». Тенденция динамики затрат на исследования в течение последних двух десятилетий в России совпадает с трендами, характерными для стран-лидеров, однако для дальнейшего ускоренного развития, нам необходимо значительно увеличить этот показатель с учетом того, что большая часть денежных поступлений должна быть из негосударственных источников.

Бизнес-лидеры также должны принимать активное участие в формировании человеческого капитала. Для обеспечения устойчивого роста предприятиям необходимо поддерживать развитие собственных сотрудников, проводить профессиональную подготовку и планирование будущих кадров. Необходимо тесное взаимодействие бизнеса и науки в процессе коммерциализации исследований и разработок путем патентирования, лицензирования, научных публикаций и прочего [8].

Среди основных факторов, препятствующих внедрению результатов исследований, компании выделяют недостаток финансовых ресурсов и высокие экономические риски, недостаточный уровень готовности научных результатов и технологий к практическому внедрению на производстве. В значительно меньшей степени компании отмечают правовые и административные барьеры на пути использования и внедрения научно-технических результатов и правовые проблемы обеспечения инновационной деятельности [1].

3) Развитие организации и сотрудничества между правительством, бизнесом и наукой.

Для успешного освоения технологий четвертой промышленной революции необходимо выстроить сотрудничество в ведущих отраслях экономики. Национальная технологическая инициатива направлена на создание принципиально новых рынков и создание условий для российского глобального технологического лидерства к 2035 году, в том числе, опираясь на работу университетов и исследовательских центров [3].

Для поддержки инновационных предприятий необходимо, в первую очередь, актуализировать нормы и стандарты, прописанные в Налоговом кодексе РФ и в Федеральном законе о развитии малого и среднего предпринимательства (Федеральный закон от 24.07.07 г. № 209-ФЗ), упростить систему налогообложения, а также облегчить налоговое бремя [6]. Возможным решением может стать снижение ставки НДС при реализации инновационной

продукции, изобретенной с использованием патентов как на территории страны, так и за рубежом. С развитием инновационных технологий также необходимо пересмотреть нормы защиты прав интеллектуальной собственности.

В России продолжается поддержка отечественных разработок. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ), а также другие нормативные акты обязывают компании переходить на отечественное программное обеспечение. Отклонение возможно только при отсутствии приложения с необходимыми функциями.

За период 2013–2016 годов были реализованы меры, направленные на стимулирование науки, в том числе публикационной активности исследователей. Удельный вес работ российских ученых в общем числе публикаций в изданиях, индексируемых в базе Web of Science, увеличился с 2,1 % до 2,41 %. Анализ темпов прироста научных статей за 2014–2016 выявил, что Россия опережает страны G7 и страны БРИКС, включая Китай. Также увеличился показатель средней заработной платы научных сотрудников, оставаясь при этом сравнительно низким [5].

Продолжается реализация государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» в период до 2020 года. Ее целью было создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса и увеличения инновационной активности, а также повышение эффективности государственного управления. В законодательство были внесены изменения по совершенствованию специальных режимов налогообложения и упрощению требований к ведению предпринимательской деятельности. И все же, несмотря на это, Россия действительно улучшила свои показатели относительно положения 2012 года, желаемых результатов программы достичь пока не удалось.

Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» была направлена на опережающее создание инновационной инфраструктуры для развития новых отраслей, снятие барьеров и формирование условий для вывода на рынок инновационной продукции. Согласно сводному годовому докладу о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2016 года в результате их реализации индекс промышленного производства по обрабатывающим отраслям на конец 2016 года составил 100,5 %. Это значение не является конкурентоспособным, и все же производство прекратило свое падение и наметились признаки восстановительной динамики.

При этом более 58 % российских компаний, осуществляющих технологические инновации, все еще предпочитают закупать технологии и оборудо-

вание. Россия также отстает по количеству инновационных промышленных предприятий (11 %) от стран лидеров (60 %), а также по количеству занятых в высокотехнологичных и наукоемких отраслях (4 % и 6 % соответственно).

В конечном счете, способность и скорость адаптации страны к новым условиям, которые продиктованы технологическим развитием, будут определять ее благосостояние. Перед Россией стоит серьезная задача по преодолению технологического отставания от стран-лидеров, что возможно только при раскрытии потенциала четвертой промышленной революции. Необходимо повысить уровень производительности труда, за счет глубокой технологической модернизации традиционных отраслей, таких как ТЭК, АПК, металлургическая и горно-

добывающая, и формированию новых высокотехнологичных, что позволит оставаться конкурентоспособными на мировом рынке. Их совмещение обеспечит ускоренный запуск промышленной революции в ближайшей перспективе.

Переход к новой модели функционирования с целью обеспечения справедливого распределения благ, создаваемых экономическим ростом, является нетривиальной задачей для любой экономики. Раскрытие потенциала, которое возможно при целостном подходе и использовании стимулирующих механизмов в ходе становления четвертой промышленной революции, может стать решением ряда социальных и экологических проблем, что, в конечном счете, является ключевым ответом на вызовы современности.

Литература

1. Взаимодействие науки и бизнеса в процессе коммерциализации исследований и разработок (на основе эмпирического анализа) // Министерство образования и науки Российской Федерации. Информационно-аналитический материал Высшей Школы Экономики. – 2017. – 5 с.
2. Гринин, Л.Е., Гринин, А.Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. – 2015. – № 1. – С. 172-193.
3. Клыпин, А.В. Национальная технологическая инициатива России: вопросы формирования и проблемы реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 37 (322). – С. 22-31.
4. Максютин, Е.В., Головкин, А.В. Неоиндустриализация российской экономики на основе технологий четвертой промышленной революции и развития человеческого капитала // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – № 1. – С. 43-52.
5. Сандрин, К. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Форсайт. – 2017. – № 4. – С. 6-8.
6. Чубукова, С.Г. Стратегии развития информационного общества и направления развития законодательства // Правовая информатика. – 2017. – № 2. – С. 67-72.
7. Andersson, P., Mattsson, G.L. Service Innovations Enabled by the Internet of Things / IMP Journal. – 2015. – Vol. 9 (1). – pp. 85-106.
8. Hagel, J., Schwartz, J., Bersin, J. Navigating the future of work: Can we point business, workers, and social institutions in the same direction? [Electronic resource] / Deloitte Insights. – Access: <http://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/technology-and-the-future-of-work/overview.html> – (reference date: 01.05.2018).
9. Kalinina, A. Are Russia's leaders ready for the Fourth Industrial Revolution? [Electronic resource] / World Economic Forum. – Access: <https://www.weforum.org/agenda/2016/12/are-russia-s-leaders-ready-for-the-fourth-industrial-revolution/> 2016 – (reference date: 12.05.2018).
10. Shingles, M., Briggs, B., O'Dwyer, J. Social impact of exponential technologies: Corporate social responsibility 2.0 [Electronic resource] / Deloitte Insights. – Access: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/social-impact-of-exponential-technologies/DUP3041_TT16SocialImpact_Figure1.jpg – (reference date: 13.05.2018).

УДК 332.87, 338.242

Андрей Степанович Юматов, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента организации, Оренбургский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: nokia26002005@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫМИ УСЛУГАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Процесс развития элементов цифровой экономики в современном мире становится одним из самых насущных, так как его интенсивность и масштабы проникновения в хозяйственную систему определяют уровень развития экономики страны и перспективы ее роста. В статье рассматриваются вопросы развития цифровой экономики в сфере жилищно-коммунального хозяйства России. Цель исследования - выявление и оценка элементов цифровой экономики в управленческой деятельности субъектов жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Исследование проводилось с использованием методов обобщения имеющихся знаний о ключевых терминах, использованных в статье, анализа отношений в жилищно-коммунальной сфере через выделение ключевых субъектов. Использован метод аналогии при описании процессов цифровизации в ЖКХ. К основным результатам исследования в статье следует относить: выделение и структурирование элементов цифровой экономики, используемых в деятельности отдельных субъектов жилищно-коммунального хозяйства России, обобщение ключевых факторов современного развития цифровых технологий отрасли.

Результаты исследования формируют основу для объективной оценки современного этапа развития цифровой экономики в ЖКХ Российской Федерации и дальнейшего исследования перспектив цифровизации отрасли.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, ГИС-ЖКХ, цифровая экономика, цифровые технологии, цифровизация.

На современном этапе все более актуальным становится появление и эффективное использование современных форм организации отношений между субъектами хозяйственной системы страны, обеспечение автоматизации и информатизации процессов, внедрение сетевых технологий. Во многом, данные процессы отражаются таким понятием как «цифровая экономика». Определений «цифровой экономики» сегодня существует достаточно много. На семинаре Всемирного банка, проводимом в России 20 декабря 2016 г., цифровая экономика была определена как «новая парадигма ускоренного экономического развития, основанная на обмене данных в режиме реального времени, посредством цифровых технологий, институтов регулирования и навыков» [7]. Профессор Б.Н. Паньшин под цифровой экономикой понимает «экономку, основанную на сетевых сервисах» [6]. В работе профессора Е.А. Нестеренко и А.С. Козловой цифровая экономика определяется как «система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» [4].

В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравне-

нию с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

Обзор определений позволяет заключить, что базовыми элементами цифровой экономики являются цифровые данные, связанные с созданием товаров и услуг, и технологии работы с данными.

Развитие институтов цифровой экономики обеспечивается как объективным ростом и усложнением экономических отношений, требующих более эффективных форм производства товаров и услуг, так и сознательной политикой органов власти по изменению сложившейся институциональной среды. Развитие сферы производства в мире достигло той фазы, когда работа с массивами данных определяет настоящее и будущее экономических субъектов. Рыночные факторы побуждают использовать информационные технологии в деятельности субъектов рынка (потребителей, производителей, организаций рыночной инфраструктуры). Эти процессы могут стимулироваться или сдерживаться действующими экономическими институтами (нормативно-правовое регулирование отраслей и видов деятельности, институт собственности, система поддержки малого и среднего бизнеса, общественный контроль за деятельностью организаций и др.). Органы власти, прямо или косвенно воздействуя на институты, управляют процессом формирования

элементов цифровой экономики в действующей хозяйственной системе [8].

В Российской Федерации в 2016 году Указом Президента РФ принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», где определены основные принципы и направления развития информационного общества в России, выделены основные составляющие современного информационного общества. Распоряжением Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р. утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Программа сориентирована на следующие базовые направления:

– ключевые институты развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и об-

разование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов);

– основные инфраструктурные элементы цифровой экономики (информационная инфраструктура, информационная безопасность).

Цель настоящего исследования – выявление и оценка элементов цифровой экономики в управленческой деятельности субъектов ЖКХ Российской Федерации.

Сфера жилищно-коммунального хозяйства отличается сложным сочетанием рыночных и административных институтов. Для более детального и последовательного решения задачи, исследуем развитие элементов цифровой экономики через деятельность основных субъектов ЖКХ, представленных на рисунке 1.

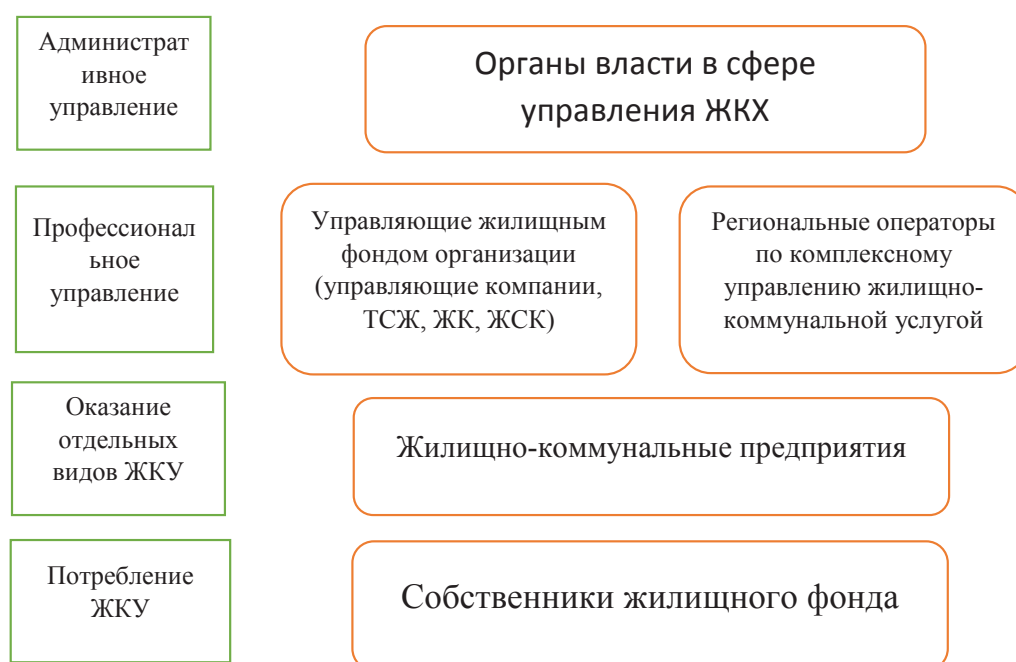

Рисунок 1. Субъекты жилищно-коммунального хозяйства (Примечание: составлено автором [3])

Собственники жилищного фонда являются потребителями жилищно-коммунальных услуг, выступая платежеспособными заказчиками требуемого для эксплуатации жилого дома перечня услуг [9]. Услуги оказываются в российской экономической системе на рыночных условиях. При этом вмешательство органов власти в рыночные отношения субъектов ЖКХ возможно при осуществлении функции социальной защиты граждан, регулировании деятельности организаций с признаками монопольного положения, осуществлении структурных реформ отрасли. Собственники воздействуют на процесс оказания ЖКУ через формирование и актуализацию перечня оказываемых услуг, изучение и обсуждение плановых и отчетных документов по управлению многоквартирным домом, выдвижению инициатив по

использованию общего имущества, замечаний по качеству оказываемых услуг и др.

В последние годы элементы цифровой экономики для данного субъекта в поселениях России представлены:

– возможностью осуществлять платежи за жилищно-коммунальные услуги через централизованные платежные системы, в том числе реализующие функцию оплаты через интернет;

– внедрением «Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства» (ГИС-ЖКХ) – единого информационного ресурса, позволяющего получить доступ к информации в соответствии с действующими стандартами о деятельности организаций коммунального комплекса, в том числе к информации о стоимости услуг, кредиторской задолженности, об уровне тарифов

на очередной период регулирования, а также организаций, осуществляющих деятельность в сфере управления многоквартирными жилыми домами.

Централизованные платежные системы во многих муниципальных образованиях РФ работают с начала 2000-х годов. Кардинальных изменений за последние годы в этой области не происходило, если не учитывать появление возможности оплаты за услуги с использованием интернета. Наиболее вероятное развитие этих платежных систем – это интеграция в ГИС-ЖКХ, которая сегодня по-прежнему находится в процессе внедрения (на этапе принятия федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ планировалось к настоящему моменту запустить Систему полностью). Подключение всего планируемого спектра услуг позволит собственникам жилья:

- направлять обращения по вопросам управления домом и получать ответ от контролирующих органов;
- получать информацию о деятельности управляющих компаний, коммунальных предприятий, состоянии МКД, текущих и планируемых программах из единых справочников, реестров и классификаторов в Системе;
- оплачивать жилищно-коммунальные услуги;
- проводить голосования собственников помещений в многоквартирном доме по вопросам, связанным с управлением в рамках товарищества, кооператива или совета многоквартирного дома.

Жилищно-коммунальные предприятия представлены организациями, оказывающими жилищные, коммунальные услуги и осуществляющие внешнее благоустройство территории. Наличие элементов цифровой экономики в деятельности данного субъекта жилищно-коммунальных отношений в большей степени определяется общим уровнем развития цифровой экономики в стране. Российские предприятия в разной степени используют информационные системы учета и расчета налогов, управления проектами, управления ресурсами и процессами, используют информационную платформу государственных услуг для получения информации, участия в электронных торгах, уплаты налогов, внесения предложений по корректировке хозяйственной политики и др., используют платежные системы кредитных организаций. Реализация функций участника информационного пространства для каждого российского предприятия сегодня предполагает наличие доступа в сеть Internet, технические средства для работы с информацией, более крупные организации имеют корпоративные сети с широким набором функций.

Спецификой использования цифровых технологий предприятиями при оказании жилищно-коммунальных услуг в России является:

- невысокий уровень цифровизации жилищно-коммунальных услуг в сравнении со странами

Европы, США, Японией, который определяется техническими характеристиками обслуживаемого жилья, ресурсными возможностями жилищно-коммунальных предприятий и платежеспособностью основной массы потребителей;

- обязанность для предприятий коммунального сектора предоставлять и актуализировать информацию для ГИС-ЖКХ о самой организации; об объектах теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, газоснабжения, электроснабжения, используемых для предоставления коммунальных услуг; производственные и инвестиционные программы предприятий, необходимые для предоставления коммунальных услуг, в многоквартирные дома, жилые дома, а также результаты их исполнения; о перечне, об объеме, о качестве и стоимости ресурсов, поставленных для предоставления коммунальных услуг в многоквартирные дома, жилые дома, с указанием использованного порядка расчета их стоимости, а также расчет такой стоимости и соответствующие договоры на поставки таких ресурсов и оказание таких услуг и др. (статья 6 федерального закона № 209-ФЗ);

- наличие серьезных ценовых барьеров для расширения спектра услуг и внедрения современных технологий, обусловленных наличием систем регулирования тарифов в связи с социальной значимостью услуг, угрозами безопасности граждан.

В целом необходимо отметить, что перечень предоставляемых предприятиями жилищно-коммунальных услуг в российских поселениях достаточно консервативен, при этом проводится цифровизация таких сфер, как оплата за услугу и раскрытие информации о параметрах ее оказания.

Следующий субъект ЖКХ – управляющие жилищным фондом организации. Это организации предоставляющие «комплексную услугу управления жилищным фондом». В своей деятельности данные организации также используют информацию и цифровые технологии на уровне, который позволяет инфраструктура страны. Особенности развития цифровых технологий для данной группы субъектов являются:

- высокая интеграция хозяйственной деятельности с ГИС-ЖКХ;
- низкие финансовые возможности использования современных цифровых технологий для некоммерческих форм управления жильем (ТСЖ, ЖК, ЖСК);
- консервативность видов и содержания жилищно-коммунальных услуг, которыми управляют организации.

Управляющие организации, должны предоставлять в ГИС-ЖКХ:

- юридическую информацию об организации;
- информацию об объектах жилищного фонда;
- информацию о перечне оказываемых услуг по управлению общим имуществом в многоквартир-

тирном доме, выполняемых работ по содержанию общего имущества в многоквартирном доме, текущему и капитальному ремонту, коммунальных услуг;

информацию о соблюдении уровня качества оказанных жилищно-коммунальных услуг;

информацию о себестоимости и ценах (тарифах) на услуги по управлению в многоквартирном доме, по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах и жилых помещений в них;

условия договора управления многоквартирным домом, а также отчет о выполнении такого договора;

информацию о состоянии расчетов между субъектами в процессе оказания ЖКУ (статья 6 федерального закона № 209-ФЗ).

Перечень информации, вносимой управляющими организациями в Систему, не является исчерпывающим, а непредоставление указанной информации влечет за собой штрафы или даже прекращение деятельности. С другой стороны, управляющие жилищным фондом организации могут использовать ресурсы ГИС-ЖКХ для получения информации о ценах, поставщиках различных ресурсов и услуг, программах и изменениях в нормативном регулировании отрасли.

Если для потребителя ГИС-ЖКХ является ресурсом, дающим дополнительные возможности в получении качественных ЖКУ, то для коммунальных предприятий и управляющих организаций работа с информационной системой в большей степени ведет к дополнительным издержкам по обработке и загрузке информации и рискам получения убытков.

Самыми «молодыми» из рассматриваемых нами субъектов ЖКХ в Российской Федерации являются региональные операторы в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг. Сегодня функционирует один вид данных субъектов – региональный оператор в сфере капитального ремонта многоквартирных домов. В настоящий момент обсуждаются формы и механизмы организации региональных операторов в сфере эксплуатации приборов учета и в сфере сбора и транспортировки бытовых отходов. Региональный оператор учреждается органами власти субъекта Российской Федерации в форме фонда. В функции регионального оператора в сфере капитального ремонта входит аккумулирование взносов на капитальный ремонт многоквартирных домов, открытие и ведение специальных счетов и совершение операций по этим счетам в случае, осуществление функций технического заказчика работ и финансирование работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах.

Особенности использования цифровых технологий региональным оператором в сфере капитального ремонта многоквартирных жилых домов:

– использование в деятельности финансово-информационной системы, реализующей персональный учет собственников жилых домов, сбор и накопление финансовых средств, обработку информации о движении денежных средств в разрезе различных групп пользователей, осуществление выплат подрядным организациям и др.

– предоставление информации в ГИС-ЖКХ, связанной с капитальным ремонтом объектов жилищного фонда;

– проведение закупок с использованием информационно-системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Региональный оператор в сфере капитального ремонта ЖФ является крупной организацией, обслуживающей несколько тысяч многоквартирных жилых домов. Ведение деятельности оператора в современных условиях невозможно без использования программных средств. Здесь мы сталкиваемся с явлением, когда определенный уровень развития информационных технологий позволил создавать подобные организации, работающие с большим массивом информации. Сейчас происходит поиск оптимальных механизмов использования данных технологий, в частности, вопросы проведения электронных процедур, связанных с выбором поставщиков и подрядных организаций региональными операторами описаны в статье Обалаевой Ю.И. [5]. Уровень цифровизации деятельности региональных операторов в сфере капитального ремонта является высоким с выраженной тенденцией дальнейшего роста. Без расширения использования цифровых технологий операторы не смогут выполнять свои функции.

Органы власти в сфере управления ЖКХ представлены тремя уровнями: федеральный, региональный и местный. Современное управление крупными комплексами, к которым относятся и жилищно-коммунальный комплекс, невозможно без цифровых технологий. Учитывая этот факт, на федеральном уровне был инициирован глобальный проект, который уже привел к внедрению ряда цифровых нововведений. Этот проект – электронное правительство. Начало этого проекта формально можно отсчитывать с момента принятия государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)» (Распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р). В рамках этого проекта появились такие общезначимые для государственного и муниципального управления сервисы как «Единый портал государственных и муниципальных услуг», «Портал открытых данных Российской Федерации». Активно вводится электронный документооборот на всех уровнях власти как внутриорганизационный, так и с потребителями государственных и муниципальных услуг. При органах власти создаются электронные

площадки для обеспечения общественного обслуживания и контроля за деятельностью органов государственной власти. Создаются государственные информационные системы (ГИС), обслуживающие отдельные области управления, и развивается цифровая инфраструктура.

В сфере ЖКХ, как мы уже отмечали ранее, действует своя специализированная ГИС-ЖКХ. Очевидно, что Система должна действовать на основании информации, поступающей от всех субъектов на территории страны. В декабре 2014 года Правительством РФ утверждена «Концепция региональной информатизации», согласно которой «на региональном уровне рекомендуется обеспечить интеграцию региональных и муниципальных информационных систем в сфере жилищно-коммунального хозяйства с государственной информационной системой жилищно-коммунального хозяйства и размещение в указанной информационной системе сведений о жилищно-коммунальном хозяйстве субъекта Российской Федерации». Все три уровня власти в Российской Федерации в жилищно-коммунальной сфере свою деятельность выстраивают с использованием платформы ГИС-ЖКХ, обеспечивая интеграцию в данную Систему своих внутренних информационных ресурсов [10].

Акцентируем внимание на возможностях, которые дает ГИС-ЖКХ органам власти всех уровней:

- наличие актуальной базы данных о собственниках жилых домов, о текущем состоянии и динамике оказания жилищно-коммунальных услуг на территории страны;
- формирование реестра управляющих организаций, кредитно-финансовых организаций (в том числе фондов), реестра результатов проверок субъектов ЖКХ и других аналитических материалов для проведения оценки уровня функционирования системы ЖКХ, проведения сравнений и ранжирований по различным критериям для принятия управленческих решений;
- формирование реестра программ по уровням власти в сфере ЖКХ, позволяющего реализовывать скоординированную и эффективную политику развития комплекса;
- возможность получать отзывы от отдельных граждан и организаций, организовывать общественное обсуждение инициатив по широкому спектру вопросов в сфере ЖКХ.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- цифровые технологии имеют различную степень значимости для субъектов ЖКХ: при повышении уровня управления зависимость от цифровизации возрастает;

- основным элементом цифровой экономики в сфере ЖКХ в России выступает ГИС-ЖКХ, активное внедрение которой осуществляется органами власти;

- собственники жилых домов имеют возможность осуществлять оплату за ЖКУ по единым счетам через современные платежные системы, пользоваться ресурсами ГИС-ЖКХ для получения информации по оказываемым услугам и коммуникации с другими субъектами ЖКХ;

- жилищно-коммунальные предприятия и управляющие жилищным фондом организации, осуществляют наполнение ГИС-ЖКХ актуальной информацией, что на современном этапе пока приводит к дополнительным расходам и рискам, эффективность деятельности данные субъекты повышают за счет использования общераспространенных элементов цифровой экономики (ресурсов сети Internet, программных продуктов в сфере учета, планирования, современных способов расчетов, внутренних корпоративных сетей и др.);

- региональные операторы в сфере капитального ремонта и органы власти всех уровней являются наиболее заинтересованными в деятельности ГИС-ЖКХ субъектами, Система позволяет им более эффективно работать с масштабным и сложным объектом управления.

Цифровая экономика постепенно охватывает все новые сферы жилищно-коммунальных отношений в России. На микроуровне это выражается в использовании современной техники и цифровых технологий, позволяющих работать с массивами информации, требуемой для создания продукта, услуги. На уровне органов власти и учреждаемых ими крупных компаний, помимо базовых цифровых систем, обслуживающих документооборот, платежные операции, процессы учета, контроля и планирования, формируется специализированная информационная система, интегрирующая информацию о деятельности всех субъектов ЖКХ и обеспечивающая площадку для проведения согласованной политики в данной сфере. Однако возможность ресурса и его реальное использование – это разные вещи. На создание и развитие ГИС-ЖКХ затрачено много ресурсов, причем эти затраты постепенно становятся составляющей тарифа на жилищно-коммунальные услуги. Оценить эффективность принимаемых органами власти решений и степень использования при этом возможностей ГИС-ЖКХ пока сложно. Если подходить к оценке с точки зрения результата (роста доступности и качества жилищно-коммунальных услуг), то изменения происходят пока медленно, и остается рассчитывать на «цифровые дивиденды».

Литература

1. Деменко, О.Г. Цифровая трансформация жилищно-коммунального хозяйства России / О.Г. Деменко, А.О. Тихомиров // Вестник университета. – 2018. – № 5. – С. 59-63.

2. Ерохина, О.В. «Умная Москва»: новая концепция развития столицы / О.В. Ерохина // Вестник финансового университета. – 2018. – № 3. – С. 6-10.
3. Комаров, Н.А. Модель оценки основных направлений развития жилищно-коммунального хозяйства муниципального образования на современном этапе / Н.А. Комаров, А.С. Юматов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2014. – № 1. – С. 115-121.
4. Нестеренко, Е.А. Направления развития цифровой экономики и цифровых технологий в России / Е.А. Нестеренко, А.С. Козлова // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 2. – С. 9-14.
5. Обаляева, Ю.И. Совершенствование регламентации электронных процедур на современном этапе / Ю.И. Обаляева // Вопросы регулирования экономики. – 2017. – № 1. – С. 131-141.
6. Паньшин, Б.Н. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития / Б.Н. Паньшин // Наука и Инновации. – 2016. – № 3. – С. 17-20.
7. Развитие цифровой экономики в России. Материалы семинара [Электронный ресурс] / Всемирный банк. – Режим доступа: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1#2> – (дата обращения: 05.06.2018).
8. Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] / McKinsey & Company. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights> – (дата обращения: 10.06.2018).
9. Юматов, А.С. Проблема выбора собственниками формы управления многоквартирным домом / А.С. Юматов // Муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 23-28.
10. Bulancha, S. Smart Cities as the «capitals» of the Digital Economy / S. Bulancha, V. Kupriyanovsky, V. Kononov // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Vol. 4. – pp. 41-52.

УДК 177+316.6

Владимир Александрович Кузьменков, кандидат философских наук, преподаватель кафедры социально-философских дисциплин, ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»

E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ АНОМИИ

***Объектом** изучения в данной статье является anomia, **предметом** – личностные факторы anomii. **Цель** статьи – определение и описание личностных факторов anomii. Как представляется, в отечественной науке уделяется недостаточное внимание изучению причин anomii. В статье используются **методы** сравнения, обобщения и анализа научных концепций, в первую очередь, психологических и социологических исследований Д. Рисмена, Л. Сроула, Р. Агню и других учёных. В ходе исследования удалось установить семь основных личностных факторов anomii: неприспособленность человека к жизни в обществе; отчуждение; конфликт культур; определённое сочетание личностных особенностей; отрицательная оценка индивида референтной группой; одиночество; а также социально-демографические признаки. Дано описание каждого фактора. Проведённое исследование позволило установить сущность выделенных факторов, что может быть положено в основу будущих разработок в сфере anomii.*

***Ключевые слова:** anomia, конфликт, одиночество, отчуждение, психология, факторы.*

Аномия как состояние безнормия, отсутствия ценностно-нормативной регуляции поведения человека, представляет собой комплекс социальных патологий. Хотя она уже достаточно давно изучается в общественных науках, факторы её возникновения остаются недостаточно хорошо отрефлексированными. На наш взгляд, можно выделить социальные (внешние) и личностные (внутренние) факторы anomii. В данной статье пойдёт речь о второй группе факторов.

Впервые личностные факторы были выделены в психологических и социологических исследованиях anomii, начиная со второй половины XX в. Их авторами были американские психологи и социологи Д. Рисмен, Р. Макайвер и Л. Сроул, которые рассматривают сознание человека в типах социального поведения, описанных Р. Мертоном. Сущность их подхода состоит в следующем. Когда моральные стандарты и правовые нормы теряют свою эффективность в управлении социальным поведением, система социальных ограничений разрушается. Индивиды начинают чувствовать себя отчуждёнными от системы, испытывают всепроникающее чувство уныния и межличностного отчуждения. Когда люди чувствуют себя всё более оторванными от общества, они теряют мотивацию вести себя сообразно его моральным требованиям. Этот психологический опыт и есть «аномия». В целом, в их исследованиях были выделены следующие факторы anomii.

1. *Неприспособленность человека к жизни в обществе.* Причиной этому является несоответствие характера индивида типичному характеру той эпохи, в которой он живет. Согласно типологии американского социолога и психолога Д. Рисмена, в любом обществе встречаются «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные» индивиды. В результате определённая часть людей, «которые не соответ-

ствуют типу характера, преобладающему в данном обществе, могут быть либо аномичными, либо автономными» [17, с. 287]. Первые способны самостоятельно приспосабливаться к господствующим в обществе поведенческим нормам. Если же людям не удаётся адаптироваться к общественным нормам, они становятся аномичными. Слабым местом теории является не учёт Д. Рисменом деятельности институтов социализации личности, принудительно прививающих определённые нормы и ценности жизни в обществе. Тем не менее, его тезис может быть интерпретирован в русле классической традиции изучения anomii: высокие темпы социальных и технико-технологических изменений способствуют дезадаптации индивида и образованию anomii.

2. *Отчуждение.* Понятие отчуждения очень многомерно и семантически насыщено, в философии оно стало распространяться благодаря трудам Л. Фейербаха и, главным образом, К. Маркса. Применительно к исследуемой нами проблеме оно имеет особый смысл. Его операционализировал Л. Сроул, изучавший влияние отчуждения человека от институтов социальной интеграции на формирование anomii. Невозможность реализовать себя в обществе, чувствовать себя частью чего-то большого и важного порождает ощущение бессмысленности жизни и ненужности соблюдения социальных норм.

Л. Сроул различал две формы anomii. «Anomia» характеризует аномию на индивидуально-психологическом уровне, это интеграция индивида с социальной системой. «Anomie» описывает потерю индивидом ценностей в сочетании с быстрыми социальными изменениями, которые приводят к отсутствию интеграции в общественной жизни. Также психолог использует термин «eunomia» (от древнегр. «eu» – наличие, «nomos» – закон) как состояние «обратной» anomii, упорядоченность

и законность как состояние ума, а не социально-структурные условия. Л. Сроул описывает социально-психологический континуум, на одной стороне которого находится *eupotia* – это всепроникающее чувство индивида «сопричастности Я-к-другим», на другой стороне – *anotia* – «отчуждение Я-от-других». Также он составил шкалу аномии, состоящую из девяти индикаторов, она стала одним из наиболее широко используемых показателей аномии в социальных науках и базой для последующих исследований [19, с. 712-713].

Таким образом, психологическое чувство отчуждения может быть рассмотрено как фактор аномии, однако недостатком подхода Л. Сроула является отождествление аномии и отчуждения. В этом смысле нельзя с уверенностью говорить, что именно измеряет его шкала.

3. *Факторами формирования аномии также можно выделить конфликт культур, капиталистическую конкуренцию и быстрый темп социальных перемен в современном демократическом обществе.* Соответственно этим трём отличительным характеристикам современного общества американский социолог и психолог Р. Макайвер выделяет три типа личностной аномии:

1. Жизнь индивидов становится бесцельной по причине отсутствия значимых ценностей.

2. Индивиды используют свою энергию и возможности только для себя.

3. Индивиды лишены значимых межличностных взаимоотношений.

Во-первых, культурный конфликт происходит, когда человек теряет жизненные ориентиры и утрачивает ценности, что стимулирует его жить только настоящим; во-вторых, опыт безнормия происходит от быстрых социальных изменений, разрушающих чувство жизненной опоры, пришедшее из ранее усвоенных ценностей и верований.

Широко известна цитата Р. Макайвера, в которой отражается его понимание аномии: «Аномия... означает состояние ума человека, у которого подорваны корни его морали, у которого нет больше каких-либо норм, но только несвязные побуждения, у которого нет больше каких-либо представлений о целостности, о народе, о долге. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой, не отвечающим ни перед кем. Он издевается над ценностями других людей. Его единственная вера – философия отрицания. Он живет тонкой линией чувств, пролегающей вне будущего и вне прошлого... Аномия является состоянием ума, в котором человеческое восприятие социальной сплочённости – движущая пружина его морального состояния – разрушено или фатально ослаблено» [2, с. 283].

Культурный конфликт может быть вызван агрессивными процессами модернизации и вестернизации, состоящими в трансляции ценностей запад-

ной культуры, которые вступают в противоречие с традиционной культурой общества. Культурный конфликт способен вызвать рост аномии за счёт «размывания» культурной идентичности. Так, канадский психолог В. Джилек установил наличие прямой связи между аномией и распространённостью психических болезней у индейцев Британской Колумбии (Канада) и штата Вашингтон (США). По итогам исследования он предложил термин «аномическая депрессия», который обозначает последствия аномии на уровне личности, а именно чувства уныния, отчаяния, апатии, дезориентации, фрустрации, ощущение утраты жизненных целей, повышенную агрессивность и склонность к алкоголизму и суициду [12].

Отличие от дюркгеймовской трактовки аномии как следствия эволюции общества состоит в следующем: модернизация сама по себе совершенно не обязательна для формирования аномии, важно воздействие чужой культуры, разлагающее традиционный образ жизни и дезориентирующий человека. Это различие представляется чрезвычайно важным. Можно говорить об «экспорте» аномии в отдельные культуры и общества посредством преднамеренно незавершённой модернизации. Схожую мысль высказал, например, американский криминолог Н. Пассас [16].

4. *Аномия может вызываться определённым сочетанием личностных особенностей.* Индивидуальные особенности личности могут вызывать состояние аномии независимо от социальных факторов. Внутрличностные и социальные факторы могут как дополнять друг друга при формировании аномии, так и действовать разнонаправленно. Ряд особенностей личности способствуют возникновению аномии:

1) Когнитивные факторы, которые влияют на обучение и понимание;

2) Эмоциональные факторы, искажающие понимание окружающего мира;

3) Независимые от группы мнения и верования, что ослабляет контролирующее влияние социума;

4) Отсутствие гибкости мышления;

5) Склонность к беспокойству и тревожности;

6) Слабая сила эго, слабоволие;

7) Высокий уровень агрессии [14].

При этом нужно учитывать, что одна характерная черта сама по себе не приводит к аномичности, необходимо сочетание нескольких признаков.

5. *Отрицательная оценка индивида референтной группой.* Этот фактор по своему смыслу близок к фактору отчуждения, т. к. затрагивает чувство сопричастности некой внешней от индивида силе. Одновременно он связан с ощущениями индивидуальных неудач и бессмысленности жизни. Некоторые исследования показывают, что аномия положительно коррелирует с социальной изоляцией [8, 15]. Для молодых людей основным фактором возникно-

вения аномии могут стать (по отдельности или совместно) неудачи в спорте, непризнание со стороны представителей противоположного пола, плохая успеваемость в учёбе, отсутствие друзей [6]. Можно выделить три наиболее распространённых способа, при помощи которых окружающие способны вызвать аномию у отдельного человека:

1) Препятствие в достижении поставленных целей. Этот способ может реализовываться тремя основными формами: несоответствие между стремлениями индивида и реалистичными ожиданиями, что особенно характерно для представителей низшего класса; несоответствие между реалистичными ожиданиями индивида и фактическими результатами его деятельности, что обычно вызывает рост агрессии или депрессию; несоответствие между реальными результатами деятельности индивида и представлениями индивида о том, какими должны быть эти результаты по принципу справедливости – индивид считает, что богатые добились успеха незаконным образом, поэтому ему тоже можно совершить преступление;

2) Лишение индивида позитивно оцениваемых стимулов. Это происходит, когда индивид теряет нечто очень ценное (потеря члена семьи или друга, потеря работы, лишение материальных ценностей);

3) Предоставление индивиду негативно оцениваемых им стимулов. К ним относятся: физическая боль, стрессовые ситуации, агрессия, низкие оценки за обучение, критика и прочее [7].

Аномия может возникнуть и другим способом. Непризнание со стороны референтной группы может вызвать разочарование в ценностях, что будет негативно воспринято более близким окружением и усилит аномичное состояние. Как утверждает современный немецкий философ В. Хёсле: «сомнения относительно ценностей, которым я следовал доныне, могут вызвать мое отчуждение от близких и родных людей, что углубит кризис идентичности» [5, с. 117].

6. *Одиночество.* Одиночество как фактор аномии впервые выявили американские психологи У. Садлер и Т.Б. Джонсон. Они пришли к выводу, что возникновению аномии способствует переживание одиночества сразу в нескольких выделенных ими сферах. Человек, испытывающий одиночество в одной сфере, аномичным не становится [4].

Одиночество связано с такими феноменами, как низкая самооценка, депрессия, алкогольная и наркотическая зависимости, маргинальность, самоубийство и другие виды патологического поведения. Одинокие люди – это неудовлетворенные люди во многих отношениях: они испытывают проблемы в своей жизненной ситуации, с количеством друзей и глубиной дружеских связей, со своими любовно-брачными отношениями [3, с. 332]. Одинокому человеку зачастую присущи отчаяние от разрыва социальных связей, самоуничтожение как следствие

неудач в общении и депрессия. Он испытывает кризис надежд на будущее, утрату социальных ограничений и укоренение вседозволенности. Образуется ценностно-нормативный вакуум, который и является признаком аномии. Не находя устойчивых ориентиров жизнедеятельности, человек впадает в состояние, которое можно назвать экзистенциальным кризисом, усталостью от жизни. Рациональные попытки преодоления аномии редко приводят к желаемому результату. Происходит аномичное саморазрушение личности.

Каждому человеку необходимо, как ни странно, подтверждение собственного существования. Несмотря на несомненность физического существования, человек нуждается в психологическом обосновании своего бытия, т.е. доказательстве своей значимости для общества. При отсутствии позитивного удовлетворения, индивид будет прибегать к деструктивным формам признания, чаще всего, девиантному поведению. Ведь даже порицание как-то определяет человека, подтверждает его существование, тогда как незаметность человека для окружающих оказывает совершенно деструктивное воздействие на личность. Точно этот факт был подмечен Ф.М. Достоевским («хоть одно свойство было бы во мне как будто и положительное, в котором я бы и сам был уверен... Значит, положительно определен, значит, есть что сказать обо мне» [1, с. 60]).

7. *Социально-демографические признаки.* Вопрос о том, как влияют на уровень аномии социальные характеристики индивида весьма сложен и разные исследования иногда дают противоречивые результаты.

Чем выше уровень образования, дохода, ин- группы и престижа профессии человека, тем ниже уровень аномии, как личностной, так и групповой. Мужчины подвержены аномии больше, чем женщины, равно как и люди с меньшим количеством детей [8, 13, 15]. Молодёжь имеет тенденцию быть более аномичной, чем пожилые люди [4]. Чем старше индивид, тем менее аномичным он становится; мужчины, несемейные и безработные имеют более сильное чувство аномии, чем женщины, семейные и работающие. Аномичным личностям также свойственны низкий уровень образования, недоверие полиции и неполная занятость [11].

По данным одних исследований, существует отрицательная зависимость между аномией и удовлетворённостью браком, т.е. счастливые супруги менее аномичны [13]; по данным других, нет никакой связи между семейным положением, счастьем и аномией [18]. Поддержка семьи положительно сказывается на преодолении аномии [9], равно как и удовлетворённость жизнью сокращает аномию [10, 18].

В целом, на индивидуальном уровне аномия обратно связана с социально-экономическим по-

ложением человека в обществе. Более взрослые (старше 30 лет), семейные, трудоустроенные, хорошо образованные, принадлежащие к среднему или высшему классу, имеющие финансовые сбережения и доверяющие государственной власти имеют более низкий уровень аномии, чем те, кто моложе 30 лет, одинокие, безработные, недостаточно хорошо образованные, принадлежащие к низшим слоям, не имеющие денежных сбережений и не доверяющие власти. Женщины имеют более низкий уровень аномии, чем мужчины.

Таким образом, личностные факторы оказывают значительное влияние на формирование

аномии, не менее существенное, чем трансформации общественной среды или экономические потрясения, относящиеся к социальным факторам аномии. Безусловно, личностные и общественные факторы тесно взаимосвязаны и полностью разделить их нельзя. Наличие «белых пятен» в объяснении причин аномии говорит о её сложности, многомерности и многообразии форм проявления. Богатство мнений и подходов относительно данного феномена свидетельствует о том, что сегодня не существует единого, «внеисторического» значения аномии. Это стимулирует новые исследования в данной отрасли.

Литература

1. Достоевский, Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Азбука-Классика», 2008. – 256 с.
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
3. Рубинштейн, К. Одиночество в двух городах Северо-Востока / К. Рубинштейн, Ф. Шейвер // Лабиринты одиночества: Составитель, общая редакция и предисловие Н.Е. Покровского. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 320-343.
4. Садлер, У. От одиночества к аномии / У. Садлер, Т.Б. Джонсон // Лабиринты одиночества: Составитель, общая редакция и предисловие Н.Е. Покровского. – Москва: Прогресс, 1989. – 624 с.
5. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112-123.
6. Agnew, R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency / R. Agnew // Criminology. – 1992. – Vol. 30. – pp. 47-87.
7. Agnew, R. Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory / R. Agnew. – Los Angeles. Roxbury Pub, 2006. – 238 p.
8. Bell, W. Anomie, Social Isolation, and Class Structure / W. Bell // Sociometry. – 1957. – Vol. 20. – pp. 105-116.
9. Bjarnason, Th. Parents, Religion and Perceived Social Coherence: A Durkheimian Framework of Adolescent Anomie / Th. Bjarnason // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1998. – Vol. 37. – pp. 742-754.
10. Cao, L. Returning to Normality: Anomie and Crime in China / L. Cao // International Journal of Comparative Criminology. – 2007. – Vol. 51. – pp. 40-51.
11. Cao, L. Social Support and Anomie A Multilevel Analysis of Anomie in Europe and North America / L. Cao, R. Zhao, L. Ren, J. Zhao // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2010. – Vol. 54. – pp. 625-639.
12. Jilek, W.G. Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial / W.G. Jilek. – Toronto: Holt, Rinehart & Winston, 1974. – 131 p.
13. Lee, G.R. Marriage and Anomie: A Causal Argument / G.R. Lee // Journal of Marriage and the Family. – 1974. – Vol. 35. – pp. 523-532.
14. McCloskey, H. Psychological Dimensions of Anomy / H. McCloskey, J.H. Schaar // American Sociological Review. – 1965. – Vol. 30. – pp. 14-40.
15. Mizruchi, Ep.H. Social Structure and Anomia in a Small City / Ep.H. Mizruchi // American Sociological Review. – 1960. – Vol. 25. – pp. 645-654.
16. Passas, N. Global Anomie, Dysnomie, and Economic Crime: Hidden Consequences of Neoliberalism and Globalization in Russia and Around the World / N. Passas // Social Justice. – 2000. – Vol. 27. – pp. 16-44.
17. Riesman, D., Reuel, D., Glazer, N. The lonely crowd / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven: Yale University Press, 1950. – 386 p.
18. Ryan, J. Marital Status, Happiness, and Anomia / J. Ryan // Journal of Marriage and the Family. – 1981. – Vol. 43. – pp. 643-649.
19. Srole, L. Social integration and certain corollaries: an exploratory study / L. Srole // American Sociological Review. – 1956. – Vol. 21. – pp. 709-716.

УДК 165.15+001.1

Елена Валерьевна Максимова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры профсоюзного движения, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Оренбургский филиал Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Валерия Александровна Гончарова, кандидат философских наук
e-mail: maksimov55@mail.ru

РОЛЬ НОРМАТИВНОСТИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В статье посредством анализа закономерностей развития науки исследуется роль нормативности в научном познании. Опираясь на воззрения ряда философов и методологов науки, авторы подробно разбирают основные признаки науки, выявляя в них черты норм. Характеризуя научную нормативность, они отмечают, что научному знанию свойственно наличие цели, объекта и предмета исследования, методологического инструментария, ценностных ориентаций, технического оснащения. Не менее важны требования к изложению материала, обоснованности знания, его системной организации и др. Авторы полагают, что именно эти основные правила научного знания позволяют формировать соответствующие образцы. В статье проводится мысль, что нормативность научного познания является главной чертой, отличающей эту область знания от других, что научная норма является системообразующим началом не только организующим и регламентирующим процесс познания, но и определяющим его границы. Исследование сущностных характеристик норм дает возможность утверждать, что, несмотря на присутствие в их структуре жестких парадигмальных установок, они являются залогом развития науки, расширением ее границ.

Ключевые слова: норма, границы, признаки науки, основания науки, развитие, научное познание.

Ведущей деятельностью ученого является исследовательский поиск, которому необходим инструментарий, способы, методы познания, комплекс норм и образцов научно-познавательной деятельности.

Рассмотрение проблемы научной нормативности способствует раскрытию масштабов использования норм в научно-познавательной деятельности: от исследования социальных явлений до природных, от случайных до системных.

Анализ справочной литературы показал, что само понятие «норма» достаточно обширно и объемно. Норма рассматривается как «... 1) средняя величина, характеризующая ... совокупность случайных событий; 2) понятие, обозначающее границы, в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность ... сохраняют свои качества и функции» [2, с. 453], как «... образец поведения или действия, ... мера оценки» [14, с. 306], как «... установленный эталон, стандарт» [9, с. 108]. В связи с этим полагаем, что научные нормы выступают как «... системообразующие начала, с помощью которых на основе определенных принципов и ценностей организуется, регламентируется познавательный процесс, отделяется научное знание от ненаучного» [1, с. 8].

Постижение окружающей действительности с помощью жесткой системы принципов организации, упорядочивания и структуризации знания позволяет ученому творить, укреплять и расширять границы научного познания с учетом его специфики и особенностей.

Подтверждение этим мыслям мы находим в работах Д.И. Менделеева. Проявляя интерес к выделению механизмов научного познания, ученый стремился уточнить границы нормативности знания. Для него значимым являлось не только высокое качественное описание объекта, но и отношение самого исследователя, его личный опыт, особенности среды, место объекта в изучаемой реальности. Ученый должен уметь правильно формулировать гипотезы, искать пути проверки логических следствий на основе эмпирических сведений и выстраивать теории. В труде «Границ познанию предвидеть невозможно» он так описал этот процесс: «Наблюдая, изображая и описывая видимое и подлежащее прямому наблюдению — при помощи органов чувств, мы можем, при изучении, надеяться, что сперва явятся гипотезы, а потом и теории того, что ныне приходится положить в основу изучаемого» [6, с. 448]. Анализируя содержание процесса постижения реальности сквозь призму научного познания, Менделеев полагал, что ученый должен строить его с учетом основных этапов формирования научного знания и строгом соблюдении их последовательности.

Проблема определения специфических признаков науки, отличающих ее от других областей знания, интересовала и многих других представителей философской и научной мысли. Так, В.С. Степин, занимаясь вопросами научной нормативности, приходит к выводу о том, что основу ее составляет целая группа характерных свойств и существенных показателей, таких как целенаправленность научно-

познавательной деятельности, наличие объективного взгляда в исследовании предмета, ценностные ориентации ученого, техническое оснащение (инструменты, приборы для проведения опытов и др.), методы проведения научного познания, точность и убедительность языка в изложении полученного материала, способы доказательства истинности, структурное построение знания [11]. Обращает внимание на это и В.А. Лекторский. Занимаясь проблемой поиска критерия демаркации, он делает акцент на важности выработки показателей научного знания, наличия логичности мышления [5].

Рассмотрение сущностных характеристик научных норм, их назначений позволяет говорить о нормах как о системообразующих началах науки, которые регламентируют и выстраивают процесс познания, определяют его границы.

Научному познанию свойственны четкая ориентация на исследовательский поиск, владение определенным методологическим инструментарием, необходимая дифференциация объекта и предмета исследования, жесткая система проверки знания относительно вопроса его обоснованности, строгая система организации материала, научный стиль изложения, а также научный прогноз. Научные нормы, как основополагающие правила организации знания, дают ученым возможность вывести образцы формирования теоретических конструкций, выработать критерий демаркации, определить нормативный порядок интерпретации. Всё это вкупе позволяет сформировать такую систему знания, которая может достойно вписаться в существующую научную картину мира. Тем не менее, несмотря на присущую нормам парадигмальность, жесткость и некоторую «статичность», им требуется процедура постоянного обновления.

В исторической ретроспективе научная мысль активно развивалась: очевиден тот факт, что с течением времени основания науки обогащались новыми знаниями. Вполне естественно, что в условиях таких изменений, некая трансформация научной нормативности оказала благоприятное воздействие на науку и способствовала развитию последней. В качестве примера можно привести мысль А. Пуанкаре, полагавшего, что основанием науки может служить конвенция, которая являет собой познавательное действие, вводящее в научный оборот целую систему норм и образцов познания, закрепленных на условиях соглашения между учеными. Научные нормы, как он полагает, не продиктованы кем-то, они обусловлены принципом удобства. Пуанкаре пишет: «Одновременность двух событий или порядок их следования, равенство двух длительностей должны определяться так, чтобы формулировка естественных законов была по возможности наиболее простой. Другими словами, все эти правила, все эти определения – только плод неосознанного стремления

к удобству» [10, с. 232]. Поскольку человеку ближе все естественное, то посредством договоренности принцип «удобства» органично вписывается в познавательную деятельность.

Однако, как показала история науки, под ее основанием не всегда предполагалось соглашение. Ст. Тулмин, как сторонник эволюционной эпистемологии, считает, что «абсолютные и относительные предпосылки» в полной мере относятся к основаниям науки. Под ними философ подразумевает верования, ведущие тенденции в культуре, а также основные течения и установки эпохи. Тулмин отмечает временный характер оснований науки [12].

В качестве оснований науки рассматривались и парадигмы. Автором данной концепции являлся Т. Кун. По его мысли, «нормальная наука» формируется с помощью парадигм, которые закладываются в основу научных теорий. Со временем происходит их естественная смена, поскольку они чутко реагируют на появляющиеся изменения. Но при этом Кун отмечал важность существования преемственности в науке: «старые» установки не исчезают бесследно, поскольку «новая» парадигма органично включает в себя определенные элементы предыдущей. На это ученый обращал особое внимание: именно такой механизм смены парадигмы способствует развитию научного знания [3]. При анализе концепции науки Куна, нам становится очевиден тот факт, что, несмотря на жесткость парадигмальных положений, требующих соблюдения норм и установок формирующего знания, наука продолжает развиваться, расширять свои границы.

Интересна трактовка нормативности научного познания, предложенная И. Лакатосом. Он ввел в научный оборот понятие «научно-исследовательская программа», видя в ней основу для формирования механизмов анализа научного знания. Лакатос пишет: «... программа складывается из методологических правил: часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [4, с. 322]. Научно-исследовательская программа представляет собой некую совокупность теорий, объединенных общими методологическими установками, которые время от времени сменяют друг друга. Внутри программы теории получают развитие, а именно: сталкиваются и конкурируют их «концептуальные системы», отраженные в фундаментальных принципах и положениях. Их смена и есть научная революция, которая трактуется как переход от одной системы нормативности к другой.

Западный специалист по истории и методологии науки Дж. Холтон выдвигает свою оригинальную трактовку научных норм. Он полагает, что разрабатываемая тема выражается в науке в виде верти-

кальной оси. Большинство тем, по мнению ученого, своими истоками уходит в глубокую «древность», заимствуя некоторые черты из мифологии. Таким способом философ демонстрирует устойчивость некоторых норм перед лицом научных революций.

По мнению Холтона, наука аккумулирует в себе определенное количество тем, подчеркивая тем самым их уникальность, самобытность, а также устанавливает некую общность между различными дисциплинами. «Междисциплинарная общность тем, используемых в различных областях исследований, бросает свет как на смысл всей научной деятельности, так и на единую основу действующих здесь механизмов воображения» [15, с. 28]. Из этого следует, что с помощью анализа Холтону удалось объединить нормы научного познания в рамках темы на определенном историческом этапе.

В исследовании данной проблематики интересны идеи П. Фейерабенда. Философ выступил с критикой системы организации современного научного знания. По его мнению, наука чрезмерно перегружена теоретическими составляющими, доминирование одной теории над другой совсем не доказательство ее превосходства, а мастерство изложения – мнимый успех. Фейерабэнд выявляет серьезный недостаток современных ему научных теорий: теоретическое знание слишком обширно и многопланово по содержанию. По этой причине вполне понятно стремление ученого к стиранию границ между областями знания. Только не совсем ясно, где же проходит граница научного знания и насколько обязательным должно быть соблюдение научной нормативности.

Фейерабэнд не отвергал следование нормам в научно-познавательной деятельности, предполагая руководствоваться принципом «пролиферации», как всеобщей научной нормой. Этот принцип провозглашал свободу и удобство для исследователя в выборе методов, установок, подходов и т. д. Фейерабэнд подчеркивал, что у него нет стремления менять одни правила на другие, ему необходимо обратить внимание исследователя, на то, что «... всякая методология – даже наиболее очевидная – имеет свои пределы. Лучший способ показать это состоит в демонстрации границ и даже иррациональности некоторых правил, которые тот или иной автор считает фундаментальными» [13, с. 164].

Проблема содержания научных норм нашла свое отражение в исследовательских изысканиях Р. Мертона. Нормы в научном познании объединены в систему, именуемую ученым «этос науки». Он пишет: «Этос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм» [7, с. 770]. Эти институциональные императивы органично вытекают из основной задачи науки и направлены на ее достижение: наращивание достоверного знания. Следованию нормам научно-познавательной деятельности присущ императивный характер.

Система научных норм, представленная Мертоном, позволяет увидеть насколько значима роль нормативности в науке. Она не только позволяет очертить границы научного познания и организовать сам процесс, но и достичь объективности, достоверности и надежности полученного знания.

В рамках исследования научной нормативности представляет интерес статья Е.З. Мирской «Р.К. Мертон и этос классической науки», в которой, на наш взгляд, дана объективная оценка учению Мертона. Автор не умаляет значимости вклада американского ученого в развитие представлений о назначении нормативности и ее роли в науке. Однако, критически оценивая, говорит о том, что правила и образцы научной деятельности у Мертона в процессе развития науки заведомо остаются неизменными. Ученый рассматривал лишь влияние правил на людей, их творчество, но обратную связь влияния исключал [8].

Таким образом, обращение к проблеме нормативности границ научного познания, рассмотрение качеств самой нормы показало абсолютную естественность и необходимость присутствия нормы в научной деятельности, дало возможность представить ее как мощное системообразующее начало науки. Весь комплекс норм, регулируя процесс познания, отделяет научное знание от ненаучного. Вне зависимости от того, что сами нормы скреплены парадигмальными установками, четко регулируемыми процесс познания, они наделены способностью к обновлению, рациональной структуризации и даже смене, что, несомненно, обогащает нормативность и постепенно расширяет границы научного познания.

Литература

1. Гончарова, В.А. Норма и девиация в научном познании: опыт гносеологического анализа: автореф. ... дис. кандидата филос. наук: 09.00.01 / Гончарова Валерия Александровна. – Магнитогорск, 2012. – 16 с.
2. Краткий словарь по философии. – Минск: Изд-во «Харвест», 2008. – 832 с.
3. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 9-268.
4. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос // Кун Т. Структура научных революций. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 269-453.
5. Лекторский, В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница / В.А. Лекторский // Наука: возможности и границы. – Москва: Изд-во «Наука», 2003. – С. 20-35.

-
6. Менделеев, Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно / Д.И. Менделеев. – Москва: Изд-во «Сов. Россия», 1991. – 592 с.
 7. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2006. – 873 с.
 8. Мирская, Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки / Е.З. Мирская // *Философия науки*. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – Москва: ИФ РАН, 2005. – С. 11-27.
 9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Москва: Изд-во «Мысль», 2001. – Т. 3. – 692 с.
 10. Пуанкаре, А. Ценность науки / А. Пуанкаре // *О науке*. – Москва: Изд-во «Наука», 1990. – С. 197-365.
 11. Степин, В.С. Специфика научного познания / В.С. Степин // *Наука: возможности и границы*. – Москва: Изд-во «Наука», 2003. – С. 7-20.
 12. Тулмин, Ст. Концептуальные революции в науке / Ст. Тулмин // *Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки*. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1978. – С. 170-189.
 13. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения / П. Фейерабенд // *Избранные труды по методологии науки*. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1986. – С. 125-466.
 14. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Изд-во «ИНФРА-М», 1998. – 576 с.
 15. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1981. – 383 с.

УДК 130.3 + 141.4

Ольга Михайловна Фархитдинова, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
e-mail: ofarhetdin@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МНОГООБРАЗИЯ ФОРМ ДУХОВНОСТИ В УРБАНИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Духовное измерение человеческой жизни стало неотъемлемой частью судьбы современного человека. В начале XXI века произошла трансформация онтологического статуса духовности и как понятия, и как «вызывающего» явления современности. Парадигмальный сдвиг в научном мировоззрении последних десятилетий способствовал тому, что кардинально изменился «словарь» академической науки. Вне зависимости от того гуманитарная это сфера или техническая, в ней все больше отводится места не столько просто духовности, сколько многообразию ее форм.

В этих условиях современные философы избегают исследования чистых понятий под мощным интеллектуальным влиянием позитивизма. Такие попытки нивелируются в современной традиции под интеллектуальным влиянием постмодернизма, с его деконструкцией и методологическим анархизмом. Априори многие современные философы признали, что объективную реальность, идеальное сложно верифицировать. Результатом стал некий возврат к номиналистической традиции.

Предметом исследовательского интереса стало то, как трансформировались богословские версии прочтения этой дискуссии в контексте социальной практики человека. Как организованы связи между духовностью мирян и религиозностью. Не является ли появление и обоснование, например, термина «интегральная духовность» следствием социального конфликта на уровне действующих предписаний и попыток самоопределения человека, то есть желания выйти из-под опеки организованной религии.

Ключевые слова: «словарь» академической науки, духовность мирян, холистическое мировоззрение, интегральный подход.

При объяснении причин многообразия форм духовности, в современной гуманитарной мысли, нередко в основу аргументации положено утверждение о значительных мировоззренческих изменениях в конце XX века. Эти изменения связываются с так называемым «онтологическим поворотом XX века», который был сопряжен с пониманием бытия без субстанции, антипсихологизмом и антисубъективизмом; а также с утратой актуальности для нашего времени проблемы «метафизики бесконечного», место которой сегодня занял анализ человеческого существования» [6, с. 39].

Действительно, так глобально термин духовность ранее не применялся. Сумма приписываемых ему значений включает все, что сопряжено с религией, религиозностью, спиритуальностью, самосовершенствованием и развитием. Как видно из ряда названных понятий вектор от религиозного к светскому очень четко обозначен. Принимая во внимание значительное число публикаций [4, 8] экстраполирующих историю этого термина на несколько столетий назад, что позволяет убедительно раскрывать философские основания потребности в понятии «духовность»; демонстрировать как развивались представления о демаркации двух определяющих субстанций духа и материи; чем определялись действия человека, направленные отнюдь не на удовлетворение биологических потребностей, ограничимся его изменениями, наблюдаемыми

в мировоззренческих установках конца XX–XXI вв.

В обозначенный период духовное измерение личности оказывается недостаточным для описания таких процессов и понимания таких явлений, которые рассматриваются в холистической перспективе.

Согласно данной перспективе целое всегда наделено некими собственными, лишь ему присущими качествами, которые в иных измерениях обнаружить невозможно. При этом, особый статус глобальной духовности или особый статус духовности мирян становятся предметом пристального внимания. Из среды значимого в религиозном и богословском отношении опыта личности, эти формы духовности приобретает значение в повседневной практике глобальных урбанизированных сообществ («Global Spirituality») и активно присутствует в массовых движениях (эмерджентные церкви) рубежа столетий. Напомню, что когнитивные перспективы обращения к термину «духовность» в предыдущие столетия имели своим прямым следствием его устойчивую категориальную определенность чаще всего представленную посредством соотношения понятий духовной и материальной культуры, что исключено в наше время. Сегодня терминология междисциплинарного знания не лишена особенностей антиномизма, в основе которого «равновозможность и допустимость рационализма и сенсуализма, конкретизма и систем-анализа»

[7, с. 119], что и выражается в таком многообразии сопряженных терминов. Это опять же не противоречит принципам холистической перспективы. Согласно антиномизму, как методу философского познания признается целостность, конкретность и металогичность мира [7].

Второй важный момент. До XX века духовность не декларировалась как установленная норма закона, или этическое основание человеческого бытия. И в этом также находит свое выражение изменение именно онтологического статуса духовности: понятие активно осваивается в сферах практического применения не знаний, а навыков и умений. В частности, умений связанных с пониманием законов функционирования общества, навыка видеть границы применения норм морали и нравственности в современном мире. В XXI веке на уровне, например, федерального законодательства о духовно-нравственном воспитании вводится понятие духовный ресурс, что соответственно позволяет в дальнейшем говорить о его измеримости, наполняемости или растрате как ресурса, пусть и духовного. Такой подход не исключает концепта вредоносной духовности, так как для целостной картины требуется радикальная, но линейная оппозиция качественных состояний. В рамках названного, по сути интегрального подхода создается целая архитектура духовности в современном мире. Стилистические особенности, которой таковы, что нет четких границ между духовной работой (практикой) и религиозным отношением к объекту восхваления и благоговения. В качестве примера назову имя основателя этого подхода Кена Уилбера, в работах которого провозглашается такая форма как интегральная духовность, мыслимая в метафорах техногенного общества, но в контексте глобальной религиозности.

С целью необходимого пояснения обратимся к определенности того, что есть религиозность. В качестве исходного тезиса скажем, что этим термином обозначается отношение к себе и ситуации, выраженное посредством особой схемы: духовность в такой системе координат рассматривается как особая работа по производству смыслополагающих ориентиров в жизни человека.

Для дальнейшего исследования нам потребовалось различить три сопряженных контекстом понятия: «религиозность» (в значении качественного состояния массового сознания), «духовность» (осмысленная в терминах повседневности), «спиритуальность» (активно осваиваемый в урбанизированном пространстве, применительно к современному обществу, он имеет принципиальное значение). В современной гуманитарной мысли, при объяснении причин такого сопряжения, наибольшую поддержку получило утверждение о принципиальном разграничении личного опыта, инициированного переживанием, и публичного, инициированного

формой организации. Так, по мнению А. Баркер, которая привнесла значительный вклад в осмысление различения семантического потенциала духовности и религиозности, двух понятий, вектор которых прямо противоположен друг другу, источником духовности является внутренний опыт человека, в то время как религиозность инициируется извне [1].

Отличительная особенность современного секулярного общества состоит в том, что тематические словари массового сознания не содержат исходное значение самих слов. Отсылка к исходному значению возможна в понятийном словаре индивидуального сознания. Так как это сопряжено с рефлексивной и эвристической работой, в то время как восприятие слов в массовом сознании строится на таком их свойстве как отсылать к шаблону поведения, к действию: репрезентативная функция слов для массового сознания – стимул к цепочке последовательных не мной определенных реакций, стереотипных и предсказуемых по своей природе.

Итак, в XXI веке духовность активно осваивается в транскрипциях причастности, а не самодостаточности. Примером этого будут: «академическая духовность» (С. Шнайдерс), «духовность экологическая» (П. Корнинг), «духовность христианская» (К. Ваайман), феминистская духовность, «глобальная духовность» (Х. Деклин), «духовность мирян» (К. Зельнер). Особая ситуация с последним вариантом. Менее всего подвержена изучению именно «духовность мирян», ее как-то странно обходят стороной, или определяют посредством проекции в сторону этической составляющей, совести, как уже было сказано выше.

В последнее время пересмотр вопроса ориентиров академической духовности сопряжен с негласным требованием, выдвигаемым к этой сфере человеческой деятельности. Из двух вопросов в рамках философии в целом и философии религии, в частности, которые следовало бы актуализировать при осмыслении духовности, приоритетны следующие: проблема возникновения такого понимания «духовности» в наше время и проблема соотношения контекстов, которые формируют смысловой ландшафт. И тот, и другой являются следствием возвращения к установкам номинализма, в его современной версии с акцентом на семиотической доктрине, согласно которой значения общих понятий не являются контекстно свободными.

Из контекста категориальной определенности философского инструментария понятие «духовность» перекочевало в контекст практического освоения. Отсюда ожидаемы два вполне естественных следствия, которые отвечают известным принципам социологического подхода франкфуртской школы: критика и изменение современного общества (так практически все способы определения и понимания духовности нацелены на критику и изменение); во-вторых, утверждение необходимо-

сти интегративности и междисциплинарности как способа изменения общества. В частности, активно проблематизируются не онтологические основания понятия «духовность», а ее практическое применение, то есть для чего и чему она может способствовать как практика, именуемая в таком случае как духовная. Как следствие, появился и широко функционирует термин «духовные практики».

Для примера, приведу еще один важный сюжет из экскурса в прошлое также неоднородной в своих направлениях франкфуртской школы. Одна из развитых в ней тенденций была связана с идеей смешения понятий. В история ее развития философская терминология активно смешивалась с социологической и политэкономической, таким образом, самостоятельное значение философских терминов нивелировалось и становилось обедненным по содержанию, но более практичным в применении. Например, приоритет отдавался социологическому значению в противовес спекулятивно философским версиям. Сегодня, термин «духовные практики» будучи воспринят из функционального словаря М. Фуко в значении «практики себя» (у Фуко *les pratiques de soi*) в значении изменения себя, ауто-трансформация имеющая целью преобразование себя и достижения выхода на транс-уровень, был воспринят обыденным и профессиональным (в нашем случае академическим) сознанием. В отечественной науке С. Хоружий, казалось бы, вслед за М. Фуко определяет значение этого понятия. Однако акцент сделан на терминологии интегрального подхода, а именно: духовная практика это холистическая практика себя направленная к метаантропологическому телосу [11]. Вопрос: для чего практика, поставлен в идеологических условиях констатации изменений, следовательно, поиска дальнейших путей по адаптации, регламентации или, в крайнем случае, противостоянии этим изменениям.

Итак, то, что происходит сегодня с понятием «духовность» хорошо укладывается в объяснительную схему социологии знания М. Фуко, в которой нам важен постулат о нормативности дисциплинарного дискурса. В данном случае речь идет о тематическом словаре любой дисциплины, безразлично медицина или география. В концепции М. Фуко «дисциплина — это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил» [10, с. 69]. Напомню, что академическая дисциплина и учебные программы по изучению духовности (в транскрипции «христианская духовность») получили распространение на протяжении последних 30 лет. Для примера можно назвать программы в таких университетах как Григорианский университет в Риме, Католический университет в Неймегене, университет Фордхэма в Нью-Йорке, Институт духовности в Мюнстере, Католический институт

в Париже и др. Для России это вопрос очень многоплановый и открытый.

Сами программы демонстрируют востребованность специалистов такого профиля, а нормативный характер дисциплины способствовал созданию классификации методов, подходов и перспектив изучения духовности. Так, избранные К. Ваайманом для анализа состояния мирской духовности три перспективы: диахроническая, синхроническая и систематическая, интересны в том плане, что в отношении каждой из перспектив устанавливается набор факторов, способствующих пробуждению сознания мирян, утверждению ценности мирского самоощущения [2].

Подведем некоторые итоги. Получивший распространение в современных социально-философских концепциях переход из пространства терминов в пространство найденных тематик позволяет лишь решать проблему синонимии и полисемии терминов. В этом частично может оказать помощь тематическое моделирование избранных текстов, воспринятое как способ построения графической модели. Но сам этот способ (инструментально) не отвечает на вопрос о мировоззренческом потенциале произошедших изменений самого понятия. В этом смысле методологи *topic modeling* не нацелены на обнаружение дополнительных слоев и системы отношений, которые определяют не только применение термина, но и его эвристическое значение для самоопределения общества. Эту задачу ставят перед собой теоретики таких подходов, которые не только объясняют причины и природу происходящих изменений мышления, но и выявляют всеобщий характер этих изменений на уровне самоопределения эпохи, связывая это с изменением научной парадигмы, трансформациями техногенного и социального уровней, то есть по сути философских.

Одним из таких подходов является интегральный, научный статус, которого также не очевиден и требует своего пояснения. Он активно представлен в повседневном дискурсе, обращение к нему происходит на самых передовых рубежах технических наук, так как благодаря этому подходу обозримой становится именно технологически обусловленная глобальная перспектива изменения духовного состояния современного общества.

Что касается синонимии термина «духовность», то ее имеет смысл транслировать в трех проекциях: этимологически она означает «бесплотность, нематериальность», онтологически — наполненность духом творчества, тем самым заявляется эвристический потенциал самого понятия, гносеологически — процесс гармоничного развития духовных способностей человека [5, с. 266-267]. Ограничиваясь этим набором, можно утверждать, что решается проблема ревизии спекулятивных версий применения термина.

Таким образом, вопрос о духовности сегодня все чаще интегрируется в дискурсивные практики наиболее активной деятельности человека, его постоянного присутствия. К таковым, например, относятся работа и досуг, отдых. Духовность мыслится как аккумулирующий центр возможностей собирательного образа человека, так сказать духовность как атрибут человека интегрированного в сообщество века толп. Отмечу, что своего рода экспансия интегрального подхода в науке, в том числе и к вопросу о духовности – символ нашего времени. Показательный в рамках нашего исследования автор, Кен Уилбер, работа которого «Интегральная духовность» посвящена как раз обоснованию холистического мировидения, вводит целый спектр понятий, в том числе, специальное понятие «интегральная карта», наличие которой, по мнению автора, должно сопровождаться уверенностью, что вы находитесь «в контакте со всеми своими возможностями», используете весь их спектр и имеете большие шансы на успех [9, с. 11].

Открытость (транспарентность) и встроенность (инклюзивность) – базовые требования для определения онтологического статуса современной религии. Не взаимодействовать, значит отказать себе в будущем. Сегодня создаются не территории зависимостей, что вполне укладывалось бы в модернистскую мировоззренческую установку о структурированности мира, следовательно, изменемости общества, а территории смыслов (символические карты городских сообществ), взаимообогащение которых создает видимость будущего. Вот с этого и начинается главная проблема: подлинного и мнимого в секулярном мире и как при таких условиях атрибутируется онтологический статус духовности?

Период XX века характеризуется тем, что положение мирян фундаментально изменилось. Рассматривать его с позиции теории обществ XIX столетия не вполне корректно. Два таких фактора

как урбанизация и рост социальной активности изменил положение церкви. В обществе «толп» (Московичи), в уникальном для изучения пространстве мегаполисов иначе существует и проявляет себя религия. Как отмечает Ваайман, прежде всего миряне берутся за «осовременивание» церкви [2, с. 18]. Речь идет о живой духовности, обретающей новые формы вне религиозного контекста. Следовательно, такой эмпирический материал, который мог бы быть источником для изучения особенностей этих форм духовности, не артикулирован. Он либо представлен в метафорах сообщества, либо заявляется в качестве максимы воспринятой этим сообществом в очень нестандартных для исследования документах, например, таких: личное мнение, программные заявления лидеров сообществ, дизайн аргументов оппонентов, стили мышления. В завершении приведу небольшой пример. Показательным в этом отношении будет определение «глобальной духовности» – это не новая религия, не институциональная сущность. Она добавляет новое измерение ко всем духовным традициям и философии [3]. На основе этого была предложена идея создания «Коалиции для глобальных общин», а с 2008 года была создана трансрелигиозная группа, ратующая за «эволюционный динамизм, возникающий в человеческом сознании и интегративную власть, способную объединить людей в глобальную семью» [3].

И вот еще одна форма – инклюзивная духовность, которая как понятие имеет инструментальное значение. Благодаря этому понятию решаются вполне конкретные практические вопросы. Так, сравнительно внятно можно пояснить миссионерские цели: это понятие пограничное по отношению к светскому и религиозному дискурсу. А холистическое мировоззрение стремительно обогащаясь терминологией современной науки, по-своему неоднозначно решает проблему соотношения мирской духовности и религиозности.

Литература

1. Баркер, А. Новые религиозные движения / А. Баркер. – Санкт-Петербург: Издательство РХГИ, 1997. – 282 с.
2. Ваайман, К. Духовность. Формы, принципы, подходы / К. Ваайман. – Том I. – Москва: ББИ, 2009. – 590 с.
3. Глобальная духовность [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.global-spirituality.info> – (дата обращения 07.07.2018).
4. Колкунова, К.А., Понятие «духовность» в современной российской литературе / К.А. Колкунова, Т.В. Малевич // Вестник ПСТГУ 1. Богословие. Философия. – 2014. – Вып. 6 (56). – С. 72-88.
5. Пивоваров, Д.В. Духовность / Д.В. Пивоваров // Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. – Москва: «ПАНПРИНТ», 1998. – С. 266-267.
6. Пивоваров, Д.В. Онтология религии / Д.В. Пивоваров. – Санкт-Петербург: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2009. – 192 с.
7. Пивоваров, Д.В. Три парадокса прогнозирования будущего / Д.В. Пивоваров // Образование и наука. – 2012. – № 4 (93). – С. 118-127.
8. Руткевич, Е.Д. «Социология духовности» проблемы становления / Е.Д. Руткевич // Вестник института социологии. – 2014. – № 2 (9). – С. 37-65.

9. Уилбер, К. Интегральная духовность. Новая роль религии в современном и постсовременном мире / К. Уилбер. – Москва: Изд-во «Ориенталия», 2013. – 210 с.
10. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – Москва: Касталь, 1996. – 448 с.
11. Хоружий, С. Дискурсы внутреннего и внешнего в практиках себя / С. Хоружий // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – № 3. – С. 5-25.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 16-03-00387.

УДК 629.1-44/-445.9

Николай Степанович Захаров, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
e-mail: zakharov_ns@mail.ru

Светлана Александровна Теньковская, аспирант кафедры сервиса автомобилей и технологических машин, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
e-mail: ten_sa@tsogu.ru

Алтынбек Акжол Уулу, аспирант кафедры сервиса автомобилей и технологических машин, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
e-mail: altynbek93@mail.ru

ВЛИЯНИЕ НАРАБОТКИ АВТОМОБИЛЕЙ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА РАСХОД ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ

Автомобильный транспорт играет важнейшую роль в транспортной системе России, в том числе на нефтегазодобывающих предприятиях севера и Западной Сибири. От своевременного обеспечения автотранспортного предприятия запасными частями зависят конечные результаты деятельности автотранспортных предприятий. Основной целью статьи является выявление влияния наработки автомобилей нефтегазодобывающего предприятия на расход запасных частей. В статье проведен обзор методов определения оптимальных сроков службы автомобиля. Рассмотрены факторы, влияющие на расход запасных частей. Рассчитаны затраты на запасные части автомобилей марки КАМАЗ. Выявлено влияние наработки на расход запасных частей. Предложена модель стохастической зависимости затрат на запасные части от наработки автомобиля. Установлено, что с увеличением наработки автомобиля затраты на запасные части растут интенсивнее при одновременном расширении их номенклатуры. Выявлена роль своевременного прогнозирования затрат на запасные части для исследуемого предприятия.

Ключевые слова: срок службы автомобиля, оптимизация, критерии оптимизации, затраты на запасные части, наработка.

Автомобильный транспорт нефтегазодобывающей отрасли, являясь неотъемлемым элементом транспортного комплекса страны, играет важнейшую роль в перевозке грузов в Сибири и на крайнем севере. Как подсистема нефтегазодобывающей отрасли, автомобильный транспорт в значительной степени определяет ритмичность работы и себестоимость продукции основного производства. В то же время он потребляет значительную часть ресурсов, приходящихся на долю транспорта в целом. Поэтому эффективности его работы уделяется большое внимание.

Оптимизация возрастной структуры автомобильного парка нефтегазодобывающего предприятия оказывает непосредственное влияние на эффективность использования транспорта (рисунок 1).

Срок службы автомобиля является самым продолжительным этапом в структуре «жизненного цикла автомобиля». Данный показатель используется для планирования развития материально-технической базы, технического перевооружения отрасли, замены устаревшей техники на новую.

Реализуемые в настоящее время на большинстве предприятий сроки службы автомобиля не могут быть признаны рациональными и в значительной степени завышены.

При действующих сроках службы автомобиля за время эксплуатации многократно подвергаются

повторным капитальным ремонтам. Поэтому большие сроки службы автомобилей влекут за собой необходимость значительного расширения ремонтного производства, увеличивают потребность в запасных частях, что в свою очередь влияет на затраты предприятия.

С другой стороны, чрезмерное сокращение сроков службы автомобилей вызывает рост амортизационных отчислений, что сказывается на увеличении себестоимости перевозок.

В связи с этим приоритетной задачей любого транспортного предприятия является установление такого срока эксплуатации автомобилей, который был бы выгоден с экономической точки зрения. То есть очень важно, чтобы фактический срок службы соответствовал рациональному.

Для определения сроков службы автомобиля применяют аналитические и графические методы, а также их разновидности: статистические, графоаналитические, технико-экономические и другие.

Большинство методов определения оптимальных сроков службы автомобилей предполагают выбор критерия оптимальности. В зависимости от поставленных задач в качестве такого критерия могут быть использованы: минимум себестоимости единицы наработки, максимизация прибыли и т. д.

Обзор и систематизация основных методик определения рациональных сроков службы автомо-

Рисунок 1. Влияние возрастной структуры на эффективность использования транспорта

билей позволили сделать вывод, что большинство из них построены на минимизации затрат и отличаются полнотой затрат, включаемых в расчет (от удельных текущих затрат до приведенных затрат) [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Так в работах Латыповой Р.А., Сухова Н. и Хаймана Д.Н. в качестве критерия оптимальности предлагается принимать отдельные составляющие себестоимости работ. Хайман Д.Н. в качестве критерия оптимизации предлагает расходы на запасные части. Согласно мнению Сухова Н., «...решение вопроса о физическом сроке службы автомобиля сводится к определению соответствующего норматива расхода запасных частей, при достижении которого автомобиль направляют в капитальный ремонт либо списывают». В работе Цикуриной Н.В. в качестве критерия оптимизации при оценке оптимального срока службы автомобиля предлагается использовать приведенные затраты.

В общем виде целевую функцию по определению оптимального срока службы автомобилей можно представить следующим образом:

$$C(L) = \frac{C_{пс} + C_{пр}}{L} = \frac{C_{пс} + C_{тм} + C_{ш} + C_{а} + C_{зпс} + C_{то} + C_{тр} + C_{д} + C_{зпс}}{L} \rightarrow \min, \quad (1)$$

где $C(L)$ – суммарные удельные совокупные затраты на эксплуатацию автомобиля;

$C_{пс}$ – постоянные расходы (накладные расходы);
 $C_{пр}$ – переменные расходы;
 $C_{тм}$ – затраты на топливо и смазочные материалы;

$C_{ш}$ – затраты на шины;
 $C_{а}$ – амортизационные отчисления;
 $C_{зпс}$ – затрат на заработную плату водителей;
 $C_{то}$ – затраты на техническое обслуживание;
 $C_{тр}$ – затраты на текущий ремонт;
 $C_{д}$ – затраты на диагностику;
 $C_{зпс}$ – затраты на запасные части и материалы;
 L – наработка автомобиля за учетный период, км.

При расчете затрат на поддержание работоспособности автомобиля в процессе эксплуатации основную стоимостную нагрузку несут затраты на приобретение запасных частей. За период эксплуатации они составляют около 70% общей средневзвешенной стоимости услуг по техническому обслуживанию (ТО) и ремонту на один автомобиль. В связи с этим одной из важных задач является определение необходимого количества запасных частей и обоснованное обеспечение автотранспортных предприятий запасными частями в необходимых количествах и номенклатуре. Решение этой задачи приводит к повышению производительности труда, экономии материальных и оптимизации трудовых затрат, а также улучшению использования производственной мощности по ТО и ремонту. На потребление запасных частей оказывает большое влияние организация производства и транспортного процесса, надежность подвижно-

го состава, режим эксплуатации, система планирования расхода материалов и запасных частей, квалификация персонала и ряд других факторов. Естественно, что одним из основных факторов является надежность подвижного состава и, чем она выше, тем меньше затрат в целом будет осуществлено в эксплуатации на поддержание его работоспособности [1, 3, 4].

При нормальной эксплуатации автомобиля можно определить пробег до предельного износа и усталостного разрушения детали, что позволит принимать управленческие решения по своевременной закупке запасных частей, а также обоснованию списания автомобиля. Внезапные отказы прогнозировать применительно к одному автомобилю невозможно, но можно установить среднюю наработку на отказ для группы автомобилей.

Для оценки влияния пробега с начала эксплу-

атации на расход запасных частей были проведены экспериментальные исследования в условиях управления технологического транспорта нефтегазодобывающего предприятия (УТТ НГДП). Были взяты данные предприятия за 2006–2015 год. Парк подвижного состава насчитывает более 200 автомобилей марки КАМАЗ.

Автомобили эксплуатировались в идентичных условиях на дорогах с твердым покрытием. Среднегодовые пробеги отличались незначительно и для 80 % автомобилей составляли от 30 до 50 тысяч километров. Анализ и обработка полученной информации осуществлялась в соответствии с общепринятыми в теории надежности методами.

Полученные результаты по затратам на запасные части в расчете на 1 км пробега представлены на рисунке 2.

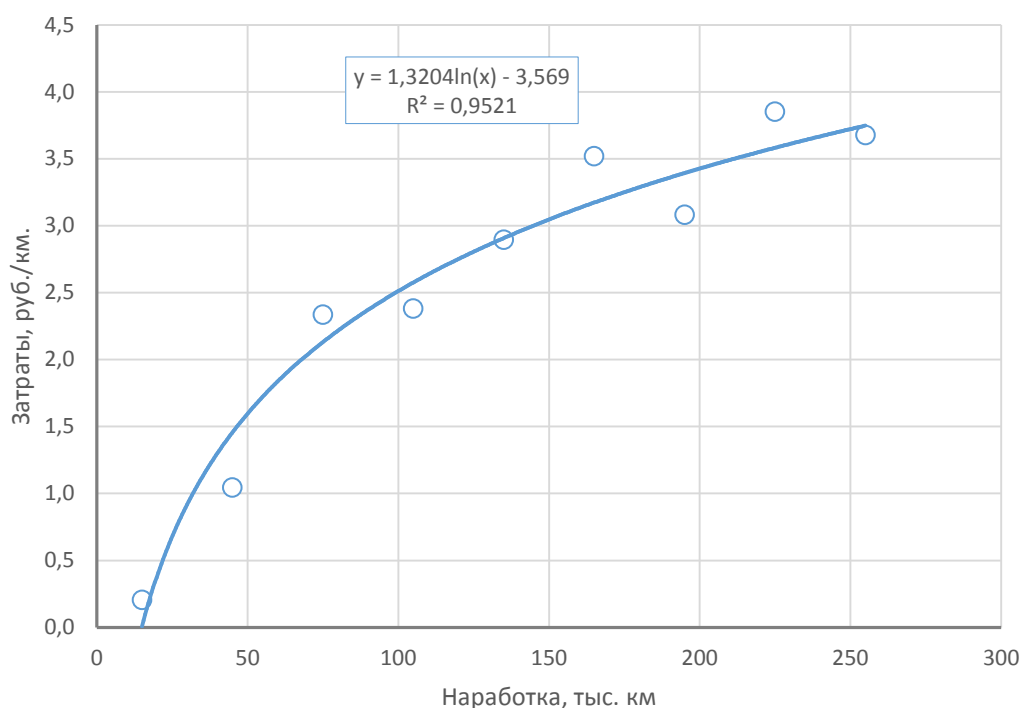

Рисунок 2. График зависимости затрат на запасные части от наработки автомобилей

Как видно из графика, наблюдается прямая зависимость между затратами на запасные и части и наработкой. Для рассматриваемого случая наибольшая сумма затрат на запасные части соответствует наработке 210...240 тысяч километров.

Следует отметить, что с увеличением возраста автомобиля сумма затрат на запасные части увеличивается при одновременном расширении их номенклатуры. Например, для автомобиля, который эксплуатируется 4–5 лет, затраты на запасные части могут возрасти в 2–3 раза по сравнению с новыми автомобилями.

Исходя из полученных данных была установлена

зависимость затрат на запасные части от наработки. Анализ показал, что закономерность описывается логарифмической моделью $y = 1,3204\ln(x) - 3,569$. При этом значение коэффициента детерминации составило 0,95. То есть можно говорить о сильной зависимости между переменными.

Таким образом, на основе пассивного эксперимента установлено, что с увеличением пробега автомобиля расход запасных частей увеличивается. Следовательно, руководству транспортного предприятия следует принимать взвешенные и обоснованные управленческие решения по использованию, обновлению и списанию транспортных средств.

Полученные результаты позволяют:	– снизить простои автомобилей в ожидании ремонта;
– решить вопрос своевременного обеспечения автотранспортного предприятия запасными частями;	– минимизировать затраты на приобретение запасных частей;
– оптимизировать использование площади складов запасных частей;	– рационализировать срок службы автомобилей за счет минимизации затрат.

Литература

1. Долгих, В.Д. Эксплуатационная надежность автомобильной техники / В.Д. Долгих, В.С. Устименко, Н.А. Титов // Грузовик &. – 1998. – № 3. – С. 15-17.
2. Мамыкин, В. Эффективность работы автомобилей в зависимости от срока службы / В. Мамыкин, Ю. Быторин, С. Рожков, В. Грищенко // Автомобильный транспорт. – 1983. – № 12. – С. 8-9.
3. Монгуш, С.Ч. Сравнительный анализ методов определения оптимальных сроков службы автомобиля / С.Ч. Монгуш, Н.Д. К Ховалыг // Вестник. Технические и физико-математические науки. – 2014. – № 3. – С. 84-90.
4. Сорокин, Г.М. Новые критерии повышения долговечности машин / Г. М. Сорокин // Вестник машиностроения. – 2008. – № 5. – С. 19-23.
5. Сухов, Н. Срок службы автомобиля / Н. Сухов // Автомобильный транспорт. – 1983. – № 9. – С. 9-11.
6. Тихомиров, Е.Ф. Воспроизводство и амортизация на автомобильном транспорте / Е.Ф. Тихомиров // Автотранспортное предприятие. – 2012. – № 9. – С. 26-29.
7. Трикозюк, В. Долговечность автомобилей / В. Трикозюк // Автомобильный транспорт. – 1982. – № 6. – С. 6-7.
8. Устименко, В.С. Новая методика расчета периодичности технического обслуживания и капитального ремонта / В.С. Устименко // Грузовик. – 1997. – № 5. – С. 25-27.
9. Хабибуллин, Р.Г. Предупреждение отказов как основа повышения эксплуатационной надежности автомобилей / Р.Г. Хабибуллин, И.В. Макарова, Э.И. Беляев, Э.М. Мухаметдинов // Автомобильная промышленность. – 2013. – № 7. – С. 20-23.
10. Южанин, И. Н. Обзор методов определения пробега до списания подвижного состава автомобильного транспорта / И.Н. Южанин // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 2. – С. 5-7.

ANNOTATION OF THE ARTICLE

O.F. Chistik

Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Statistics,
Samara State Economic University

**STATISTICAL APPROACH TO THE RESEARCH OF INCIDENCE
OF THE POPULATION OF RUSSIA**

The emergence of demographic problems is often associated with the deterioration of health of citizens, reflected in the deterioration of healthy life expectancy and the spread of dangerous diseases. The deterioration of health of citizens impedes continuous and sustainable socio - economic development. Therefore, a statistical study of the morbidity in the regions of the Russian Federation is very relevant. The purpose of this article is a statistical study of morbidity in the regions of the Russian Federation. The object of the study is the morbidity in the Russian Federation. The subject of the study is the quantitative patterns of morbidity in the Russian Federation. The study of morbidity is based on complex and systematic approaches and statistical methods: time series analysis, generalized indicators, structural-dynamic, nonparametric and cluster analysis and methods of multivariate analysis - correlation-regression and main components analysis. Originality of research consists in the formation of information and methodological approach on the basis of the created system of indicators; forecast evaluation of morbidity of the population by 2019; the allocation of qualitatively different groups of regions in terms of incidence by cluster analysis and the identification of influence factors on the morbidity of the population by multivariate analysis. Territorial features and factors of morbidity should be taken into account in the development of options for management decisions, Federal and regional programs that determine social policy, measures for the improvement of population health.

Keywords: morbidity, system of indicators, morbidity factors, dynamics, clusters.

References

1. Bokov, A.N. Demographic threats of the Russian Federation in the context of globalization / A.N. Bokov, M.V. Karmanov, A.P. Smelov. – Moscow: Rusyns, 2015. – 154 p.
2. Grishina, E.S. Socio-economic conditions of formation of human/ potential of the region / E.S. Grishina // Russian business. – 2013. – Vol. 6 (228). – pp. 122-126.
3. Health of the population of the Moscow region. Medical and geographical aspects / S.M. Malkhazova, V.Y. Semenov, N.V. Shartova, A.N. Gurov. – Moscow: Publishing house: GEOS. – 164 p.
4. Karmanov, M.V. Demographic security: theory, methodology, evaluation / M.V. Karmanov, O.V. Kuchmaeva, O.L. Petryakova // Economics, statistics and Informatics. Bulletin of UMO. – 2015. – Vol. 4. – pp. 123-128.
5. Mishchuk, S.N. Health Care as a factor of formation and development of human capital of the region / S.N. Mishchuk, S.V. Anosova // The standard of living of the population of Russian regions. – 2014. – Vol. 4 (194). – pp. 138-147.
6. Firulina, I.I. the analysis of morbidity of the population of the Samara region on the main classes of diseases [Electronic resource] / I.I. Firulina. – Assess: www.science-education.ru/ru/article/view?id=19310 – (reference date: 21.06.2018).
7. Hadjalova, H.M. The Influence of modern quality of life for the formation of human capital / H.M. Hadjalova // Regional problems of transformation of the economy. – 2016. – Vol. 2. – pp. 109-115.
8. Chistik, O.F. Comparative analysis of human development indices in the subjects of the Russian Federation / O.F. Chistik, O.V. Bakanach // Bulletin of Samara state economic University. – 2017. – Vol. 11 (157). – pp. 57-61.
9. Shchepina, O.P. Health of the population of the region and health priorities / O.P. Shchepin, V.A. Medina. – Moscow: GEOTAR-Media, 2012. – 384 p.
10. Foster, Harold D. Health, diseases and environment / Harold D. Foster. – Florida: Belhaven Press, London; CRS Press, Boca Raton, 1992. – 516 p.

Bao Heping

Graduate of the Department of risk management and insurance, Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University

**SPECIFICITY OF ECONOMIC PRESENCE OF CHINESE BUSINESS IN
RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to the problem of research of the presence of Chinese business in Russia, developing within the framework of cooperation between the two countries. The purpose of the study is to reveal the specificity of the attractiveness of the economic presence of Chinese business in the Russian Federation and to determine the most effective forms of its management. The prerequisites for the development of the Russian-Chinese partnership, its temporary and organizational features in the period from 1990 to 2015 are considered. The article classifies the types of risks of Chinese companies in the Russian market based on different criteria. The research used methods such as interdisciplinary approach, selective observations, statistical analysis, case- study. The results of the research showed that the largest number of Chinese enterprises operating in the organizational and legal form of LLC is the construction industry, agriculture and other industries. The possible reasons for the attractiveness of the opening of Chinese business in Russia are revealed in the article, as well as the limited liability company, representation, as the most effective organizational and legal forms of management.

Keywords: Russian-Chinese relations, risk classification, forms of economic activity, representation, economic presence.

References

1. Barabanov, S.S. Chinese investments as a key factor in support and development of the Russian economy under the conditions of the sanctions of the West / S.S. Barabanov, E.A. Sergievskaya // Innovative science. – 2016. – Vol. 1-1. – pp. 169-172.
2. Wang, N. Trade between China and Russia: an analysis of the current situation and strategies for further development / N. Wang // Economics. Management. Law. – 2012. – Vol. 1-1 (25). – pp. 17-19.
3. Wang, T. Direct investment from China to Russia: growth conditions / C. Wang, S. Zhou // In the collection: New Information Technologies in Science – a collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference. – Sterlitamak, 2017. – pp. 56-61.
4. Gahramanov, S.A.O. The state, compatriots and business: about the possibility of using the Chinese experience by Russia / S.A.O. Gahramanov // Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management. – 2017. – Vol. 1 (42). – pp. 65-68.
5. Golobokov, A.S. Russian-Chinese trade and economic cooperation and its role in the development of the Russian Far East / A.S. Golobokov, A.A. Karaeva // Azimuth of scientific research: economics and management. – 2016. – Issue 5. – Vol. 4 (17). – pp. 114-117.
6. Zhilina, L.N. Russia in the system of interests of Chinese business / L.N. Zilina, A.O. Stroganov // Fundamental research. – 2015. – Vol. 11-7. – pp. 1425-1430.
7. Zeleneva, I.V. Problems of the development of the Far East in the XXI century / I.V. Zeleneva // Federalism. – 2014. – Vol. 2. – pp. 85-94.
8. Ignatov, N.E. Prospects for Russian-Chinese cooperation in the sphere of small business / N.E. Ignatov, L.I. Votintseva // In the collection: Russia and China: a vector of development materials of the international scientific and practical conference, 2017. – pp. 60-62.
9. Krapchina, L.N. Practical aspects of the organization of joint Russian-Chinese activities for the production of cabinet furniture from valuable species of wood / L.N. Krapchina, S.A. Vlazneva, L.G. Kotova // Russian Entrepreneurship. – 2017. – Issue 18. – Vol. 18. – pp. 2719-2730.
10. Maltseva, A.Ya. Russia in the system of interests of Chinese business / A.Ya. Maltsev // In the collection: the evolution of modern science, a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: in 4 parts, 2016. – pp. 183-190.
11. Mayurov, A.H. Development of investment cooperation between China and Russia / A.Kh. Mayurov // In the collection: Actual problems and challenges of the international economy based on the materials of the International Round Table «Modern Imperatives in the International Economy» in the framework of the International Scientific and Practical Conference «Galaxy of Science 2017», 2017. – pp. 87-92.
12. Moziash, P.M. «New normality» of the Chinese economy / P.M. Moziash // World Economy and International Relations. – 2015. – Vol. 12. – Issue 59. – pp. 15-29.
13. Stetsyuk, V.V. The current state of Chinese investment in the economy of the regions of the far east of Russia / V.V. Stetsyuk, R.V. Ivanyuk, O.V. Pravakov // Views of the creative society. – 2015. – Issue 4. – Vol. 3. – pp. 1-19.
14. Sun, Ya. Entrepreneurs from the PRC in Russia as a socio-professional group, their economic interests /

J. Sun. // Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Socio-economic sciences. – 2011. – Vol. 4. – pp. 263-265.

15. Tsygankova, E.S. Using the Chinese experience of entrepreneurship development to support business in Russia / E.C. Tsygankova, I.O. Egorochkina, L.A. Manvelyan // In the collection: Modern problems and tendencies of development of economy and management – the collection of articles of the International scientific and practical conference. – Ufa, 2018. – pp. 202-206.

16. Zhao Xin. China's foreign trade: features of dynamics and evaluation of structural shifts / Xin Zhao, L.A. Pankratova // National interests: priorities and security. – 2011. – Vol. 2. – pp. 44-53.

17. Sharipov, F.F. Cooperation in the sphere of innovative business projects between Russia and China on the basis of business sites of Chinese higher educational institutions / F.F. Sharipov, A.N. Rodionov AN, Ch. Ge // Bulletin of the University (State University of Management). – 2017. – Vol. 11. – pp. 51-55.

N.K. Borisjuk

Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of management, Orenburg State University

O.S. Smotrina

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of management,
Orenburg State University

MECHANISM OF DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE REGION: RENDERING OF THE CONCEPT

The development of information and communication technologies in the country was considered and considered in science from the standpoint of the concepts of postindustrial society, the network economy, the information and digital economy. In this regard, the purpose of the study is determined by the need to clarify the definition of the digital economy from the position of the logistics approach, formulating the mechanism of its development in the region. The article considers approaches to interpretation of the concept and content of the digital economy, the mechanism of its development.

To realize this goal, structural-logical and structural-linguistic methods were used.

The relevance of research on this subject is confirmed by the facts of close attention in Russia to the problems of the functioning and development of the digital economy. At the level of public administration, there is an active development of directions related to the digitalization of society, first in the framework of the Information Society program, then Digital Economy. At present, certain results have been achieved on the development of digital technologies in the regions of the Russian Federation, which requires additional research.

Proceeding from this, it seems theoretically interesting to consider the interpretations of the digital economy, as well as the mechanism for its implementation in the region, taking into account the accumulated scientific and practical experience.

The research results consist in the formulation of the author's definition of the digital economy and the mechanism of its development in the region from the position of the logistic approach.

Keywords: digital economy, development mechanism, postindustrial society, model of digital economy, principles of functioning of digital economy, logistics approach.

References

1. Borisjuk, N.K. Digital economy: definition and content [Electronic resource] / N.K. Borisjuk, O.S. Smotrina // University complex as a regional center for education, science and culture: Proceedings of the All-Russian Scientific and Methodological Conference; Orenburg state university. – Orenburg: OSU, 2018. – pp. 1378-1384.

2. Vasilenko, N.V. The emergence of a new type of economy: the interdependence of its digitalization and servicing / N.V. Vasilenko, K.V. Kudryavtseva // Digital transformation of economy and industry: problems and prospects: monograph / Edited by A.V. Babkin. – St. Petersburg, 2017. – pp. 67-91.

3. Korabeynikova, O.A. Management of socio-economic development of municipalities: theoretical and practical aspects / O.A. Korabeynikova, I.N. Korabeynikov. – Orenburg: PPC of the OSU, 2009. – 188 p.

4. Parkhomenko, N.A. Research of approaches to the definition of the concept «Economic mechanism of enterprise development» / N.A. Parkhomenko // Scientific herald Odessa national economical university. – 2015. – Vol. 7 (227). – pp. 121-138.

5. Rozhkova, D.Yu. Digital platform economy: definition and principles of functioning [Electronic resource] /

D.Yu. Rozhkova // Management of economic systems. Electronic Journal – 2017. – Vol. 10. – Access: <http://uecs.ru/uecs-104-1042017> – (reference date: 11.03.2018).

6. Ryabtsun, V.V. To the problem of effective management of the development of the information economy in Russia / V.V. Ryabtsun // Bulletin of the Udmurt University. – Series of Economics and Law. – 2009. – Vol. 2-2. – pp. 90-99.

7. Semyachkov, K.A. Digital economy and its role in the management of modern socio-economic relations [Electronic resource] / K.A. Semyachkov // Modern management technologies. – 2017. – Vol. 8 (80). – Access: <http://sovman.ru/article/800> – (reference date: 15.03.2018).

8. Sidorova, O.V. Principles of functioning and development of electronic economy / O.V. Sidorov // Russian Entrepreneurship. – 2011. – Vol. 9. – pp. 12-16.

9. Spivak, V.V. The mechanism of personnel management: the concept and the main constituent elements / V.V. Spivak // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. – 2013 – Vol. 3 (24) – pp. 102-105.

10. Stefanova, N.A. Model of the digital economy / N.A. Stefanova, A.P. Sedov // Karelian scientific journal. – 2017. – Vol. 1 (18). – pp. 91-93.

11. Finogeeva, V.E. The essence of the mechanism of sustainable development of the enterprise / V.E. Finogeeva, N.V. Kovalenko // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH: collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference: in 3 vol. – Penza, 2018. – pp. 67-71.

12. Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems / A.V. Babkin, D.D. Burkaltseva, D.G. Kosten, Yu.N. Vorobyov // Scientific and technical statements of SPb-SPU. Economical sciences. – 2017. – Vol. 3. – pp. 9-25.

13. Digital economy – various ways to the effective application of technology (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA and others) / A.P. Dobrynin, K.Yu. Chernykh, P.V. Kupriyanovsky, S.A. Sinyagov // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Vol. 1. – pp. 4-14.

14. English Oxford living dictionaries [Electronic resource] // Oxford Dictionaries. – Access: <https://en.oxforddictionaries.com> – (reference date: 16.05.2018).

15. Curran, D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy / D. Curran // EUROPEAN JOURNAL OF SOCIAL THEORY. – 2018. – Vol. 21. – Is. 2. – pp. 207-226.

16. Mikolajewska-Zajac, K. Terms of reference: The moral economy of reputation in the exchange economy platform / K. Mikolajewska-Zajac // EUROPEAN JOURNAL OF SOCIAL THEORY. – 2018. – Vol. 21. – Is. 2 – pp. 148-168.

S.A. Guseinov

Postgraduate Student, Department of macroeconomic policy and strategic management,
Faculty of economics, Lomonosov Moscow State University

INVESTMENT POTENTIAL OF THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE TYPE INFRASTRUCTURE

Today our country is facing the task of modernization of the industrial and social infrastructure, so the issues of active participation of private investors in this process are significant, given the scarcity of the state budget and restrictions on attracting capital from abroad. Moreover, for modernization to be worthwhile, it is necessary not only to reproduce infrastructural objects, but rather to create and develop them in an innovative way. Thus, the purpose of this article is to assess the investment potential of public-private partnership mechanisms in the development of infrastructure industries using innovative technologies. The leading approach to research the problem of private capital attraction to innovative infrastructure projects is to analyze the relevant international experience and institutional capacity of our country in this field. As a result of the analysis, the author identifies the investment and innovation opportunities of key organizational and economic institutions, indicates perspective directions for implementing the state and business partnerships in the innovation-type infrastructure development, and also provides methods for analysis of the effectiveness of such projects for the government. It was concluded that public policy should be focused not much on direct budgetary support for research and development in the infrastructure sector, but rather on coordinating the efforts of public and private structures in the development of key infrastructure industries, especially when integrating there the complex of innovative solutions. The materials of this article can be used by the state authorities and municipalities, business structures and other interested entities in order to develop effective forms of interaction in innovation-type infrastructure development.

Keywords: *public-private partnership, project financing, innovative technologies, estimation of effectiveness, institutional development, modernization of infrastructure.*

References

1. Varnavsky, V.G. A new concept of the public-private partnerships in the UK // *World Economy and International Relations*. – 2014. – Vol. 8. – pp. 67-75.
2. Veselovsky, M.Y. Public-private partnership in the innovation sphere: current condition and prospects // *MIR (Modernization, Innovation, Research)*. – 2015. – Issue 6. – Vol. 3. – pp. 8-17.
3. Gribovsky, A.V. Public-private partnership as an instrument for stimulating innovation in the scientific and technical sphere of the Russian Federation // *Science. Innovation. Education*. – 2012. – Vol. 11. – pp. 90-110.
4. Guseinov, S.A. Public-private partnership as a mechanism for modernization of regional infrastructure // *Journal of Economy and Entrepreneurship*. – 2017. – Vol. 5-1 (82-1). – pp. 442-447.
5. Infrastructure investment 2018 [Electronic resource] / InfraONE. – Access: https://infraone.ru/analitika/infraone_sochi_2018.pdf – (reference date: 11.04.2018).
6. Research «Public-private partnership in Russia 2016-2017: current status and trends, ranking of regions» [Electronic resource] / PPP Development Center. – Access: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2017_B5_Block_31-03-2017-web.pdf – (reference date: 25.05.2018).
7. Kolyagin, S.O. Improvement of the tools for assessing the effectiveness of private-public partnership projects: author's abstract of the dis... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Kolyagin Sergey Olegovich. – Tambov, 2015. – 145 p.
8. Malgin, V.A. Public-private partnership as the most important factor of innovative development of the Russian economy // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2013. – Vol. 2. – pp. 57-60.
9. Oktyabrsky, A.M., Bogachev, Y.S. Public-private partnership in innovative systems // *Modern Science: actual problems of theory and practice. Economics and Law*. – 2012. – Vol. 2. – pp. 8-13.
10. The official site of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Message from 10.04.2017 [Electronic resource] – Access: http://audit.gov.ru/press_center/news/29969/ – (reference date: 27.04.2018).
11. Rybina, E.G. Organizational and economic methods of innovative management in the housing sector: author's abstract diss.... Cand. Econ. Sciences: 08.00.05 / Rybina Eugenia Gennadievna. – Moscow, 2016. – 196 p.
12. De Mello, L., Dutz, M.A. Promoting Inclusive Growth: Challenges and Policies [Electronic resource] – Access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16948/> – (reference date: 18.05.2018).
13. Public-Private Partnerships Reference Guide: Version 3.0 [Electronic resource] – Access: <https://library.pppknowledgelab.org/documents/4699/> – (reference date: 17.04.2018).
14. The Global Competitiveness Report 2017-2018 [Electronic resource] – Access: <https://www.weforum.org/gcr> – (reference date: 03.05.2018).
15. What are Public-Private Partnerships [Electronic resource] – Access: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/overview/what-are-public-private-partnerships> – (reference date: 04.06.2018).

N.A. Zinyuhina

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department
of applied informatics in economics and management, Orenburg state University

Y.N. Nikulina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of personnel administration,
service and tourism, Orenburg state University

PROFESSIONAL STANDARDS AS A TOOL FOR ANALYSIS AND CONTROL QUALITY OF TRAINING OF SPECIALISTS

The relevance of the problem under study lies in the fact that currently one of the conditions for the formation of new areas of economic activity are professional standards that help to bring the training of young professionals to the requirements of the employer. The article is aimed at studying the complex of issues related to the aspects of the influence and relationship of professional standards with the system of higher education. The leading approach to the study of this problem is a systematic approach, as well as theoretical and methodological analysis of sources, allowing to identify the features of the implementation of professional standards. The authors highlight the advantages of the introduction of professional standards for various participants of the labor market and the market of educational services. Approaches and methods of development of professional standards in Russia and abroad

are revealed. The results of the study of employers in terms of assessing the suitability of young professionals and the quality of their training, taking into account the requirements of the labor market. In conclusion, the need to coordinate the efforts of universities and representatives of the business community in the training of competitive specialists. The materials of the article can be useful in the development of a set of measures and the introduction of new approaches to the organization of work on updating the educational programs of universities, taking into account the provisions of professional standards.

Keywords: *professional standards, higher education, labor market, young specialist, quality of training*

References

1. Bobrova, V.V. the Competence approach as a basis for the development of professional standards in the field of customs / V.V. Bobrova, Y.V. Rozhkova // University complex as a regional center of education, science and culture: Materials of Russian scientific.- method. conf. January 31-February 02, 2018, Orenburg / The Ministry of Education and Science, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Orenburg State University». – Orenburg, 2018. – pp. 1355-1359.
2. Buresh, O. V. Cluster approach to the formation of scientific, educational and economic information space of the region / O.V. Buresh, M.A. Zhuk, A.V. Frolov // Economic and legal issues. – 2011. – Vol. 34. – pp. 135-139.
3. Gorbashko, E. V. Professional standards in training specialists for the modern labor market / E.V. Gorbashko // Standards and quality. – 2016. – Vol. 7 (949). – pp. 80-85.
4. Ermakova, Z.A. Infrastructural support of innovative development of the industrial complex of the Orenburg region / Z.A. Ermakova, V.V. Svechnikova // Creative economy. – 2014. – Vol. 1 (85). – pp. 48-56.
5. Zinyuhina, N.A. The study of supply and demand for labour in accordance with the development priorities of the region (on the example of Orenburg region) / N.A. Zinyuhina // Vestnik of the Orenburg state University. – 2010. – Vol. 13 (119). – pp. 37-41.
6. Kalieva, O.M. The formation of the competitiveness of University graduates / O.M. Kaliyeva, I.I. Zorina // Intelligence. Innovations. Investment. – 2016. – Vol. 1. – pp. 21-26.
7. Kulichevskaya, N.R. Integration of educational and professional standards in the conditions of reforming: problems and solutions/ N.R. Kulichevskaya, E.V. Shirinkina// University management: practice and analysis. – 2018. – Vol. 22 (1). – pp. 16-25.
8. Kuznetsova, T.A. Coordination of professional and educational standards as a mechanism of effective quality management of education / T.A. Kuznetsova, P.V. Repp // University management: practice and analysis. – 2016. – Vol. 103 (3). – pp. 62-70.
9. Nikulina, Y.N. Formation of regional policy of social partnership in the field of training of competitive specialists / Y.N. Nikulina // Creative economy. – 2015. – Issue 9. – Vol. 9. – pp. 1173-1190.
10. Prahova, M.Y. Evaluation of formation of professional competence / Y.M. Prahova, N.V. Zaichenko, A.N. Krasnova // Higher education in Russia. – 2015. – Vol. 2. – pp. 21-28.
11. Senashenko, V.S. Formation of professional standards as a basis of personnel decisions of the professional community / V.S. Senashenko // Social policy and social partnership. – 2017. – Vol. 2. – pp. 25-34.
12. Shestakova, E.V. Formation of system of preparation of qualified personnel of the sphere of the fitness industry-based professional standards // journal of Russian entrepreneurship. – 2017. – Issue 18. – Vol. 16 – pp. 2377-2388.

T.V. Leushina

Candidate of Economic Sciences, Associate professor at the Department of statistics and econometrics,
Orenburg State University

O.S. Sidorova

Master's degree student at the Department of statistics and econometrics, Orenburg State University

THE PROBLEM OF POVERTY IN RUSSIA: MODERN TRENDS OF LIVING STANDARDS

The current situation, characterized by the consequences of the global economic crisis, the crisis of political relations between the leading states of the planet, the factors of external influence on Russia by Europe and the US in the form of a sanctions regime, it is important to understand the state and the trends of the main parameters characterizing the standard of living of the population of the country the development of timely measures to stabilize the situation.

The purpose of this article is to identify, in combination with the research of the scientific literature, the sta-

tistical features of the state and the changes in the characteristics of income and expenditure of Russians, the subsistence minimum and other standards of living standards. The theoretical aspects of poverty of the population are analyzed, including the concept of the phenomenon, approaches to measuring poverty, measures to combat the decline in living standards. Statistical methods for analyzing the dynamics based on Rosstat's official data made it possible to assess the trends in the main characteristics of real incomes, the increase in money in the hands of the population, the proportion of the population with incomes below the subsistence level, and, as a result, to reveal actual trends in the standard of living of the population of Russia in an economic crisis. The analysis will allow the government to take adequate measures in the field of social policy and state regulation, which will help to reduce the proportion of poor people and increase the standard of living of Russian citizens.

Keywords: poverty, population, income, expenditure, indicators of well-being, statistics.

References

1. Anikin, V.A. Where is the «poverty line» in Russia? / V.A. Anikin, E.D. Slobodenyuk // Issues of Economics. – 2018. – Vol. 1. – pp. 104-127.
2. Base of results of polls by VCIOM. Initiative survey July 4-5, 2015 [Electronic resource] – Access: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1031&q_id=71221&date=05.07.2015 – (reference date: 11.04.2018).
3. Poverty is not a Vice? [Electronic resource] // VTSIOM. Press release № 2944. On 2.10.2015. – Access: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115416> – (reference date: 11.04.2018).
4. Poor in a rich country [Electronic resource] // VTSIOM. Press release No. 2890. 29.07.2015. – Access: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115332> – (reference date: 11.04.2018).
5. Koryakina, E.A. Economic bases of the state policy of overcoming poverty in the Russian Federation: author's abstract of the dis. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Koryakina Elena Anatolievna. – Rostov-on-Don, 2004. – 198 p.
6. Moiseev, V.V. The Fight against poverty in modern Russia / V.V. Moiseev // Sociology of power. – 2011. – Vol. 3. – pp. 44-47.
7. Ovcharova, L.N. Socio-demographic profile, factors and forms of poverty of the Russian population: author's abstract of the dis. ... Doctor of Economic Sciences: 08.00.05 / Ovcharova Lilia Nikolaevna. – Moscow, 2011. – 50 p.
8. Razumov, A. New solutions to old problems: social policy of the Russian Federation in relation to poverty / A. Razumov // People and work. – 2014. – Vol. 12. – pp. 17-19.
9. Tikhonova, N.E. Poverty and the poor in modern Russia / ed. by M.K. Gorshkova and N.E. Tikhonova. – Moscow: The Whole World, 2014. – 304 p.
10. Tikhonova, N.E. The phenomenon of poverty in modern Russia / N.E. Tikhonova // Sociological studies. – 2014. – Vol. 1. – pp. 7-19.

T.F. Melnikova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Marketing,
Commerce and Advertising, Orenburg State University

E.G. Kashchenko

Associate Professor of Department of Marketing, Commerce and Advertising,
Orenburg State University

D.M. Nigmatulina

Student of Faculty of Economics and Management, Orenburg State University

MARKETING ASPECTS OF DEVELOPMENT OF PUBLIC CATERING ENTERPRISES OF ORENBURG

Public catering is an important branch of trade, the effectiveness of which is demonstrated by the socio-economic situation of the country. The success of enterprises in the market largely depends on the chosen price policy, price level and competent marketing analysis. Pricing in public catering establishments is considered the most difficult. This is due to the fact that the activities of these enterprises combine functions such as the production and sale of food products of their own production and of purchased goods, as well as the provision of services to the population in meeting their nutritional needs under unfinished conditions. In this regard, the marketing analysis of prices in the industry is relevant.

ANNOTATION OF THE ARTICLES

The purpose of the article is to study the state of the catering market in the city of Orenburg and conduct an analysis of the established prices.

The research used theoretical and applied methods: system analysis, survey, SWOT analysis, synthesis and integration of results.

The article presents an analysis of such indicators as: public catering turnover, its dynamics, and dynamics of per capita income of the population. SWOT-analysis of the public catering potential of the Orenburg region was carried out, as a result of which strong and weak sides were revealed. With existing threats to the industry in the region there are such opportunities as: the use of automation systems, staff development, the use of modern information technologies and others.

Also considered the geographical range of location of institutions, applied pricing strategies and average prices for the most popular services at enterprises of various types: business lunch, coffee take-away, mean check values.

The practical significance of the article is the ability to use the results for further research in marketing and analysis of the catering market in the Orenburg region.

Keywords: price, catering, price strategy, pricing, marketing analysis.

References

1. Akhmadeeva, O.A. Trends in the development of the catering market in Russia / O.A. Akhmadeeva, A.I. Idrisova // The young scientist. – 2016. – Vol. 8. – pp. 483-486.
2. Bogomolova, V.G. SWOT-analysis: theory and practice of application / V.G. Bogomolova // Economic analysis: theory and practice. – 2014. – Vol. 17. – pp. 57-60.
3. Borovskikh, N.V. Regional market of public catering: analysis and development prospects / N.V. Borovskikh, Omsk scientific bulletin. Series: Society. History. Modernity. – 2017. – Vol. 2. – pp. 71-75.
4. Dubinsky, N.V. The policy and pricing strategy at the enterprise / N.V. Dubinskiy // Financial Director. – 2016. – Vol. 6 (162). – pp. 13-21.
5. Isaenko, A.V. The marketing analysis of activity of public catering establishments / A.V. Isaenko, E. Chursina // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2015. – Vol. 2. – pp. 59-67.
6. Kustova, I.A. Marketing analysis of public catering enterprises / I.A. Kustova, O.Y. Krivenko, N.V. Markarova // Collection: Innovative technologies in the food industry Collection of articles of the III All-Russian scientific-practical conference with international participation, 2016. – pp. 80-83.
7. Medvedeva, O.M. Formation of criteria for the competitiveness of public catering enterprises / O.M. Medvedeva, A.S. Popova // Practical marketing. – 2016. – Vol. 2. – pp. 18-23.
8. Plotnikova, N.K. On some methods of pricing at public catering establishments / N.K. Plotnikova // Scientific Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations. – 2014. – Vol. 1 (27). – pp. 55-60.
9. Rakhmangulova, A.F. Price policy of the enterprise as one of the tools of the marketing complex // A.F. Rakhmangulova // Economics and society. – 2014. – Vol. 4 (13). – pp. 567-570.
10. Hume, L. Changes in pricing policies / L. Hume // Bond buyer. – 2004. – Vol. 350. – pp. 1-2.

V.S. Osipov

Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Market Economy Institution
of Russian Academy of Sciences Professor of MGIMO University

M.S. Oborin

Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of economic analysis and statistics
of the Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov;
Professor at the Department of world and regional economy,
the economic theory Perm state national research University;
Professor at the Department of management, Perm State Agro-Technological University
named after Academician D.N. Pryanishnikov;
Professor at the Department of management and technologies in tourism and Sochi state University

FOREIGN EXPERIENCE OF NEW TERRITORIES DEVELOPMENT

Socio-economic conditions and the level of state support for the regions have changed significantly, therefore new opportunities exist for renovations of cities and municipalities in the field of development of perspective specialization that more closely meets the needs of the population and contributes to the solution of a complex of problems. Aim. The article is devoted to the study of the experience of the development of new territories in Russia

and abroad. Methods. During the research, general scientific and special methods and tools of economic research were used: a set of scientific methods of the abstract-logical method; economic-statistical method, the method of institutional analysis. Results of research. An analysis of domestic and foreign experience shows similar trends in the need for modernization of territories, the revival of industry and the development of services. The sphere of business structures and budgets. The experience of reorganizing industrial zones in European countries is useful for Russian regions. For territories with a difficult social and economic situation, it is preferable to include integrated structures, clusters and networks in order to include financial and resource flows in the distribution and improve the quality of life of the local population.

Keywords: new territories development, institutional conditions, renovation, greenfield projects, brownfield projects, economic specialization.

References

1. Domanjski, R. Economical geography: dynamical aspect: the monograph / R. Domanjski. – Moscow: Publishing house «New Chronograph», 2010. – p. 52.
2. Evseev, V.O. Industrial policy of Russia: political and regional aspects: monograph / V.O. Evseev, T.V. Skryl, E.V. Shavina, V.S. Osipov, N.A. Nevskaya. – Moscow, 2016. – 212 p.
3. Zeldner, A.G. The essence and origins of destructive tendencies in the economic system of Russia / A.G. Zeldner // Economic sciences. – 2013. – Vol. 101. – pp. 7-13.
4. Zeldner, A.G. Systemic dysfunctions of public administration: an institutional approach / A.G. Zeldner, V.S. Osipov // Economics and Entrepreneurship. – 2015. – Vol. 8-2 (61). – pp. 127-131.
5. Zeldner, A.G. Institutions and mechanisms of functioning of technical-innovative zones / A.G. Zeldner, I.I. Smotritskaya // Economic sciences. – 2010. – Vol. 71. – pp. 33-38.
6. Nevskaya, N.A. Influence of indicative planning on the formation and implementation of industrial policy / N.A. Nevskaya // Bulletin of the NNII. – 2016. – Vol. 7 (62). – pp. 95-103.
7. Nevskaya, N.A. The role of industrial policy in solving the problem of import substitution / N. Nevskaya // Bulletin of NGIER. – 2017. – Vol. 5 (72). – pp. 120-127.
8. Oborin, M.S. Assessment of the potential use of potential natural curative resources in the resort and recreational activities of the region / M.S. Oborin // Herald of ZabSU. Earth Sciences. – 2018. – Issue 24. – Vol. 3. – pp. 4-14.
9. Oborin, M.S. Sustainable development of agrarian tourism on the basis of using the potential of rural areas / M.S. Oborin // Service plus. – 2018. – Issue 12. – Vol. 1. – pp. 46-55.
10. Osipov, V.S. Institutional Field of Interacting Economic Entities/ V.S. Osipov // Economics and Entrepreneurship. – 2013. – Vol. 12-4 (41-4). – pp. 405-409.
11. Osipov, V.S. Social Factors of the Far Eastern Federal District: Analysis and Prospects / V.S. Osipov // Competitiveness in the global world: economy, science, technology. – 2017. – Vol. 5-2 (44). – pp. 112-118.
12. Osipov, V.S. Political Economy Problems of Formation of Territories of Advanced Development / V.O. Evseev, T.V. Skryl, E.V. Shavina, V.S. Osipov, N.A. Nevskaya // report on research work No. 216 from 18.03.2015 (Plekhanov Russian Power Academy).
13. Osipov, V.S. Intensive development of the domestic economy: a systematic approach / V.S. Osipov, R.A. Khalturin // Economic sciences. – 2013. – Vol. 100. – pp. 7-10.
14. Rodionova, I.A. The world's industry: territorial changes in the second half of the XX century: monograph / I.A. Rodionova. – Moscow: Moscow Lyceum, 2002. – p. 74.
15. Sapozhnikov, A.D. Bourgeois regional theory and state-monopoly regulation of the distribution of productive forces: monograph / A.D. Sapozhnikov. – Moscow: Thought, 1981. – 251 p.
16. Skryl, T.V. The mechanism of territories of advanced development as an element of sustainable economic development / T.V. Skryl // Economics of Education. – 2016. – Vol. 2 (93). – pp. 135-147.
17. Skryl, T.V. Strategy of state regulation of the transforming economy / T.V. Skryl // TSITSEE. – 2016. – Vol. 1 (5). – p. 2.
18. Titov, S.A. European experience in the implementation of redevelopment programs for industrial areas of megacities / S.A. Titov, A.B. Biryukov // Fundamental research. – Vol. 11-3. – pp. 605-610.
19. Shabo, J. France: development of economic and geographical areas: monograph / Zh. Shabo. – Moscow: Progress, 1970. – p. 437.
20. Sheresheva, M.Yu. Marketing of small towns as a factor of sustainable development of the region / M.Yu. Sheresheva, M.S. Oborin, S.M. Berezka // Marketing in Russia and abroad. – 2018. – Vol. 1. – pp. 63-73.
21. Yuldashev, R.T. How are the connections formed / R.T. Yuldashev // Insurance business. – 2015. – Vol. 7 (268). – pp. 45-50.
22. Yuldashev, R.T. Development of the system of own relations: monograph / R.T. Yuldashev. – Moscow: ANKIL, 2014. – 224 p.

23. Yuldashev, R.T, Tazutdinov, I.R. Special economic zones: on the way to universal terminology / R.T. Yuldashev, I.R. Tazutdinov // Financial Business. – 2013. – Vol. 5 (166). – pp. 30-34.

24. Einem, E.von., Steffen, H. Flaechenbedarf, Standortanforderungen und Mobilitaet des produzierenden Gewerbes in Berlin / E. von Einem, H. Steffen –IHK, Berlin, 1996. – 340 p.

L.R. Uliaev

Graduate student of the Department of mathematical methods of economic analysis,
Lomonosov Moscow State University

MODELING THE IMPACT OF SHORT-SELLING ON FINANCIAL MARKET VOLATILITY USING AN AGENT-BASED APPROACH

The urgency of the problem is caused by the need to study the processes in the financial market, which significantly affect the volatility of the market and lead to a sharp and significant drop in asset prices. The purpose of the article is to study the question of the positive or negative effect of short selling on stock price volatility. The leading method to investigate this problem is agent-based modeling, which allows simulating the joint effect of short sales and margin lending on the volatility of asset prices when participating in trading of noise traders and investment funds. Repeated observations resulting from multiple of controlled simulations revealed significant differences in asset price fluctuations in the presence of financial market agents and instruments for trading, such as short selling and collateralized loans with margin calls. Noted feature of the model: the ability to reproduce the asymmetric volatility spikes. A comparison with econometric models GARCH(1,1) and GJR-GARCH(1,1). Software implementation of the model was carried out in the language of Python. The developed model complex can be used for further research and testing hypotheses about the impact of other financial instruments and agents on the volatility of the financial market.

Keywords: financial market, volatility of financial market, short selling, margin lending, agent-based model.

References

1. Anufriev, M. The impact of short-selling constraints on financial market stability in a heterogeneous agents model / M. Anufriev, J. Tuinstra // Journal of Economic Dynamics and Control. – 2013. – Vol. 37 (8). – pp. 1523-1543.
2. Bai, Y. Asset Prices under Short-Sale Constraints / Y. Bai, E.C. Chang, J. Wang // Wang Working Paper. – 2006.
3. Busse, J.A. Look at mutual fund tournaments / J.A. Busse, The Journal of Financial and Quantitative Analysis. – 2001. – Vol. 36. – pp. 53-73.
4. Chevalier, J. Risk taking by mutual funds as a response to incentives / J. Chevalier, G. Ellison // The Journal of Political Economy. – 1997. – Vol. 105. – pp. 1167-1200.
5. Diamond, D.W. Constraints on short-selling and asset price adjustment to private information / D.W. Diamond, R.E. Verrecchia // Journal of Financial Economics. – 1987. – Vol. 18. – pp. 277-311.
6. Duffie, D. Securities lending, shorting, and pricing / D. Duffie, N. Garleanu, L.H. Pedersen // Journal of Financial Economics. – 2002. – Vol. 66. – pp. 307-339.
7. Glosten, L.R. On the Relation between the Expected Value and the Volatility of the Nominal Excess Return on Stocks / L.R. Glosten, R. Jagannathan, D.E. Runkle // Journal of Finance. – 1993. – Vol. 28 (5). – pp. 1779-1801.
8. Miller, E.M. Risk, Uncertainty, and Divergence of Opinion / E.M. Miller, Journal of Finance. – 1977. – Vol. 32. – pp. 1151-1168.
9. Thurner, S. Leverage causes fat tails and clustered volatility / S. Thurner, D. Farmer, J. Geanakoplos // Quantitative Finance. – 2012. – Vol. 12 (5). – pp. 695-707.
10. Yagi, I. A study on the effectiveness of short-selling regulation using artificial markets / I. Yagi, T. Mizuta, K. Izumi // Evolutionary and Institutional Economics Review. – 2010. – Vol. 7 (1). – pp. 113-132.

E.I. Shumskaya

Graduate student at the Department of Political Economy, Lomonosov Moscow State University

ABOUT THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Relevance. The technological transformation of production in the course of the fourth industrial revolution has great potential for a positive impact on the economy and society. However, accelerated development without proper state regulation can have negative social consequences in the form of growing inequalities and growing disparities in the society. In order for Russia to fully disclose the economic potential of new technologies along with the leading countries, reducing the possible negative consequences for society, it is necessary to adopt a number of economic, political and social measures.

Purpose. To present priority directions of development during the formation of the fourth industrial revolution in Russia. Conduct an analysis of state programs to improve the innovation economy.

Results. The study substantiates the author's structure of the economic potential of the fourth industrial revolution, the technological transition is presented as a condition for the restoration of the economy as a whole due to the growth of labor productivity, possible challenges and threats to society are highlighted. Priority directions of development during the formation of the fourth industrial revolution in Russia are presented: improvement of the digital economy, mitigation of social consequences during the transformation of the labor market, development of organization and cooperation between government, business and science.

Keywords: the fourth industrial revolution, economic potential, digital economy, innovations, public administration.

References

1. The interaction of science and business in the process of commercialization of research and development (based on empirical analysis) // Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Information and analytical material of the Higher School of Economics. – 2017. – 5 p.
2. Grinin, L.E, Grinin, A.L Cybernetic revolution and the sixth technological structure // Historical psychology and sociology of history. – 2015. – Vol. 1. – pp. 172-193.
3. Klypin, A.V. National technological initiative of Russia: issues of formation and implementation problems // National interests: priorities and security. – 2015. – Vol. 37 (322). – pp. 22-31.
4. Maksyutina, E.V, Golovkin, A.V. Non-industrialization of the Russian economy on the basis of the technologies of the fourth industrial revolution and development of human capital // Scientific and technical bulletins of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. – 2017. – Vol. 1. – pp. 43-52.
5. Sandrine, K. Industry 4.0: New Challenges and Opportunities for the Labor Market // Foresight. – 2017. – Vol. 4. – pp. 6-8.
6. Chubukova, S.G. Strategies of Information Society Development and Directions of Legislative Development // Legal Informatics. – 2017. – Vol. 2. – pp. 67-72.
7. Andersson, P., Mattsson, G.L. Service Innovations Enabled by the Internet of Things. / IMP Journal. – 2015. – Vol. 9 (1). – pp. 85-106.
8. Hagel, J., Schwartz, J., Bersin, J. Navigating the future of the work: Can we point business, workers, and social institutions in the same direction? [Electronic resource] / Deloitte Insights. – Access: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/technology-and-the-future-of-work/overview.html> – (reference date: 01.05.2018).
9. Kalinina, A. Are Russia's leaders ready for the Fourth Industrial Revolution? [Electronic resource] / World Economic Forum. – Access: <https://www.weforum.org/agenda/2016/12/are-russia-s-leaders-ready-for-the-fourth-industrial-revolution/> 2016 – (reference date: 12.05.2018).
10. Shingles, M., Briggs, B., O'Dwyer, J. Social impact of exponential technologies: Corporate Social Responsibility 2.0 [Electronic resource] / Deloitte Insights. – Access: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/social-impact-of-exponential-technologies/DUP3041_TT16SocialImpact_Figure1.jpg – (reference date: 13.05.2018).

A.S. Yumatov

Candidate of Economic Sciences, associate professor, Head of Department of management of the organization,
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation Orenburg branch

MANAGEMENT OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN DIGITAL ECONOMY

Development of digital economy in the modern world becomes one of the most essential as its intensity and scales of penetration into economic system define the level of development of national economy and the prospect of her growth. In article questions of development of digital economy in the sphere of housing and communal services of Russia are considered. A research objective - identification and assessment of elements of the digital housekeeper in administrative activity of subjects of housing and communal services of the Russian Federation. The research was conducted with use of methods of generalization of the available knowledge of the key terms used in article, the analysis of the relations in the housing-and-municipal sphere through allocation of key subjects. The analogy method at the description of processes of digitalization in housing and public utilities is used. In article it is necessary to refer to the main results of a research: allocation and structuring the elements of digital economy used in activity of certain subjects of housing and communal services of Russia, generalization of key factors of modern development of digital technologies of branch.

Results of a research form a basis for objective assessment of the present stage of development of digital economy in housing and public utilities of the Russian Federation. Results form a basis for a research of the directions of development of digital technologies in branch.

Keywords: housing and communal services, GIS-ZhKH, digital economy, digital technologies, digitalization

References

1. Demenko, O.G. Digital transformation of housing and communal services of Russia / O.G. Demenko, A.O. Tikhomirov // Bulletin of the university. – 2018. – Vol. 5. – pp. 59-63.
2. Erokhina, O.V. «Smart Moscow»: new concept of development of the capital / O.V. Erokhina // Bulletin of the financial university. – 2018. – Vol. 3. – pp. 6-10.
3. Komarov, N.A. Model of assessment of the main directions of development of housing and communal services of municipal unit today / N.A. Komarov, A.S. Yumatov // Intelligence, innovations, investments. – 2014. – Vol. 1. – pp. 115-121.
4. Nesterenko, E.A. Directions of development of digital economy and digital technologies in Russia / E.A. Nesterenko, A.S. Kozlova // Economic security and quality. – 2018. – Vol. 2. – pp. 9-14.
5. Obalayeva, Y.I. Improvement of a regulation of electronic procedures at the present stage / Y.I. Obalayeva // Questions of regulation of economy. – 2017. – Vol. 1. – pp. 131-141.
6. Panshin, B.N. Digital economy: features and tendencies of development / B.N. Panshin // Science and Innovations. – 2016. – Vol. 3. – pp. 17-20.
7. Development of digital economy in Russia. Seminar materials [Electronic resource] / World Bank. – Access: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1#2> – (reference date: 05.06.2018).
8. Digital Russia: new reality [Electronic resource] / McKinsey & Company. – Access: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights> – (reference date: 10.06.2018).
9. Yumatov, A.S. Problem of the owners choice of the form of management apartment house / A.S. Yumatov // Municipal right. – 2016. – Vol. 2. – pp. 23-28.
10. Bulancha, S. Smart Cities as the «capitals» of the Digital Economy / S. Bulancha, V. Kupriyanovsky, V. Kononov // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Vol. 4. – pp. 41-52.

V.A. Kuzmenkov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor at the Department of social and philosophical disciplines,
Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov

PERSONAL FACTORS OF THE ANOMIE

The object of study in this article is anomie, the subject is the personal factors of anomie. The purpose of the article is to define and describe the personal factors of anomie. It seems that insufficient attention is paid to the study of the causes of anomie in Russian science. Methods of comparison, generalization and analysis of scientific concepts are used. The psychological and sociological studies of D. Riesman, L. Srole, R. Agnew and other scientists are considered. In the course of the study, it was possible to establish seven main personal factors of anomie: inability of a person to live in society; alienation; the conflict of cultures, capitalist competition and the rapid pace of social change in modern society; a certain combination of personality traits; negative evaluation of the individual by the reference group; loneliness; as well as socio-demographic features. A description of each factor is given. The carried out research has allowed to establish essence of the allocated factors that can be put in a basis of the future workings out in sphere of an anomaly.

Keywords: anomie, conflict, loneliness, alienation, psychology, factors.

References

1. Dostoevsky, F.M. Notes from Underground / F.M. Dostoevsky. – Saint Petersburg: Publishing House «ABC-Classic», 2008. – 256 p.
2. Merton, R. Social theory and social structure / R. Merton. – Moscow: AST: AST: MOSCOW: THE KEEPER, 2006. – 873 p.
3. Rubinstein, K. Loneliness in two cities of the Northeast / K. Rubinstein, F. Shaver // Labyrinths of loneliness: Compiler, general editorial and preface N.E. Pokrovsky. – Moscow: Progress, 1989. – pp. 320-343.
4. Sadler, W. From loneliness to anomie / W. Sadler, T.B. Johnson // Labyrinths of loneliness: Compiler, general editorial and preface N.E. Pokrovsky. – Moscow: Progress, 1989. – 624 p.
5. Höfle, V. Crisis of Individual and Collective Identity / V. Höfle // Questions of Philosophy. – 1994. – Vol. 10. – pp. 112-123.
6. Agnew, R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency / R. Agnew // Criminology. – 1992. – Vol. 30. – pp. 47-87.
7. Agnew, R. Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory / R. Agnew. – Los Angeles. Roxbury Pub, 2006. – 238 p.
8. Bell, W. Anomie, Social Isolation, and Class Structure / W. Bell // Sociometry. – 1957. – Vol. 20. – pp. 105-116.
9. Bjarnason, Th. Parents, Religion and Perceived Social Coherence: A Durkheimian Framework of Adolescent Anomie / Th. Bjarnason // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1998. – Vol. 37. – pp. 742-754.
10. Cao, L. Returning to Normality: Anomie and Crime in China / L. Cao // International Journal of Comparative Criminology. – 2007. – Vol. 51. – pp. 40-51.
11. Cao, L. Social Support and Anomie A Multilevel Analysis of Anomie in Europe and North America / L. Cao, R. Zhao, L. Ren, J. Zhao // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2010. – Vol. 54. – pp. 625-639.
12. Jilek, W.G. Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial / W.G. Jilek. – Toronto: Holt, Rinehart & Winston, 1974. – 131 p.
13. Lee, G.R. Marriage and Anomie: A Causal Argument / G.R. Lee // Journal of Marriage and the Family. – 1974. – Vol. 35. – pp. 523-532.
14. McCloskey, H. Psychological Dimensions of Anomy / H. McCloskey, J.H. Schaar // American Sociological Review. – 1965. – Vol. 30. – pp. 14-40.
15. Mizruchi, Ep.H. Social Structure and Anomia in a Small City / Ep.H. Mizruchi // American Sociological Review. – 1960. – Vol. 25. – pp. 645-654.
16. Passas, N. Global Anomie, Dysnomie, and Economic Crime: Hidden Consequences of Neoliberalism and Globalization in Russia and Around the World / N. Passas // Social Justice. – 2000. – Vol. 27. – pp. 16-44.
17. Riesman, D., Reuel, D., Glazer, N. The lonely crowd / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven: Yale University Press, 1950. – 386 p.
18. Ryan, J. Marital Status, Happiness, and Anomia / J. Ryan // Journal of Marriage and the Family. – 1981. – Vol. 43. – pp. 643-649.
19. Srole, L. Social integration and certain corollaries: an exploratory study / L. Srole // American Sociological Review. – 1956. – Vol. 21. – pp. 709-716.

E.V. Maksimova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of trade union movement,
humanitarian and socio-economic disciplines
of the Orenburg branch of the Academy of labor and social relations

V.A. Goncharova

Candidate of Philosophical Sciences

THE ROLE OF NORMATIVITY IN SCIENTIFIC COGNITION

The article studies the role of normativity in scientific cognition through analysis of the laws of science development. Based on the views of a number of philosophers and methodologists of science, the authors examine in detail the main features of science, revealing the features of norms in them. Characterizing the scientific normativity, they note that scientific knowledge tends to have a goal, an object and a subject of the research, methodological tools, value orientations, technical equipment. No less important are the requirements for the presentation of the material, the validity of knowledge, its system organization, etc. The authors believe that these basic rules of scientific knowledge allow forming of the appropriate samples. The article suggests that the normativity of scientific knowledge is the main feature that distinguishes this area of knowledge from others, that the scientific norm is a system-forming principle not only organizing and regulating the process of cognition, but also determining its boundaries. The study of the essential characteristics of norms makes it possible to assert that, despite the presence of rigid paradigmatic installations in their structure, they are the key to the development of science, the expansion of its boundaries.

Keywords: norm, boundaries, signs of science, the foundations of science, development, scientific cognition.

References

1. Goncharova, V.A. Norm and deviation in scientific cognition: the experience of epistemological analysis: author's abstract. of the dis.... Candidate of Phil. Sciences: 09.00.01 / Goncharova Valeria Aleksandrovna. – Mag-nitogorsk, 2012. – 16 p.
2. A short dictionary on philosophy. – Minsk: Publishing house «Harvest», 2008. – 832 p.
3. Kuhn, T. Structure of scientific revolutions / T. Kuhn. – Moscow: Publishing House AST, 2003. – pp. 9-268.
4. Lakatos, I. Falsification and the methodology of scientific research programmes / I. Lakatos // Kuhn T. the Structure of scientific revolutions. – Moscow: Publishing house AST, 2003. – pp. 269-453.
5. Lectorskiy, V.A. Scientific and non-scientific thinking: moving border / V.A Lectorskiy // Science: possibilities and limits. – Moscow: Publishing house «Science», 2003. – pp. 20-35.
6. Mendelev, D.I. Boundaries of knowledge are impossible to foresee / D.I. Mendelev. – Moscow: Publishing house «Soviet Russia», 1991. – 592 p.
7. Merton, R. Social theory and social structure / R.K. Merton. – Moscow: Publishing house AST, 2006. – 873 p.
8. Mirskaya, E.Z.R.K. Merton and the ethos of classical science / E.Z. Mirskaya // Philosophy of Science. – Issue 11: Ethos of science at the turn of the century. – Moscow: IPh RAS, 2005. – pp. 11-27.
9. New philosophical encyclopedia: in 4 vol. – Moscow: publishing House «Thought», 2001. – Vol. 3. – 692 p.
10. Poincare, A. The value of science / A. Poincaré // About science. – Moscow: Publishing house «Science», 1990. – pp. 197-365.
11. Stepin, V.S. Specificity of scientific knowledge / V.S. Stepin // Science: Opportunities and Boundaries. – Moscow: Publishing house «Science», 2003. – pp. 7-20.
12. Tulmin, St. Conceptual revolutions in science / St. Tulmin // Structure and development of science. From Boston Studies on the Philosophy of Science. – Moscow: Publishing house «Progress», 1978. – pp. 170-189.
13. Feyerabend, P. Against Methodological Coercion / P. Feyerabend // Selected Works on the Methodology of Science. – Moscow: Publishing house «Progress», 1986. – pp. 125-466.
14. Philosophical Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Publishing house «INFRA-M», 1998. – 576 p.
15. Holton, J. Thematic Analysis of Science / J. Holton. – Moscow: Publishing house «Progress», 1981. – 383 p.

O.M. FarkhitdinovaCandidate of Science in Philosophy, Associate Professor, Ural Federal University named
after The First President of Russia B.N. Yeltsin**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF DIVERSITY OF FORMS
OF SPIRITUALITY IN THE URBANIZED SOCIETY**

The spiritual dimension of human life has become an integral part of the fate of modern man. At the beginning of the XXI century there was a transformation of the ontological status of spirituality both as a concept and as a "causing" phenomenon of modernity. The paradigm shift in the scientific worldview of the last decades has contributed to the fact that the "dictionary" of academic science has changed dramatically. Regardless of the scope of this humanitarian or technical, it is increasingly relegated to places not just as much of spirituality as the variety of its forms.

Under these conditions, modern philosophers avoid the study of pure concepts under the powerful intellectual influence of positivism. Such attempts are leveled in the modern tradition under the intellectual influence of post-modernism, with its deconstruction and methodological anarchism. A priori, many modern philosophers have recognized that the objective reality, the ideal is difficult to verify. The result was a return to the nominalist tradition.

The subject of our interest was how the theological versions of the reading of this discussion were transformed in the context of the social practice of man. How the links between the spirituality of the laity and religion are organized. Is not the emergence and justification, for example, of the term "integral spirituality" a consequence of social conflict at the level of existing regulations and attempts to self-determination of a person: that is, his desire to get out of the care of organized religion.

Keywords: «dictionary» academic science, the spirituality of the laity, holistic worldview, the integral approach

References

1. Barker, A. New religious movements / A. Barker. – SPb.: RHGI publishing house, 1997. – 282 p.
2. Vaiman, K. Spirituality. Forms, principles, approaches / K. Vaiman. – Volume I. – M.: BBI, 2009. – 590 p.
3. Global spirituality [Electronic resource] – Access: // www.global-spirituality.info – (reference date: 07.07.2018).
4. Kolkunova, K.A., The Concept of «spirituality» in contemporary Russian literature / K.A. Kolkunova, T.V. Malevich // Vestnik PSTGU 1. Theology. Philosophy. – 2014. – Issue. 6 (56). – pp. 72-88.
5. Pivovarov, D.V. Spirituality / D.V. Pivovarov // Modern philosophical dictionary / Under the General editorship of V.E. Kemerovo. – London – Moscow: PANPRINT, 1998. – pp. 266-267.
6. Pivovarov, D.V. Ontology of religion / D.V. Pivovarov. – SPb.: VLADIMIR DAL, 2009. – 192 p.
7. Pivovarov, D.V. Three paradoxes of forecasting the future / D.V. Pivovarov // Education and science. – 2012. – Vol. 4 (93). – pp. 118-127.
8. Rutkevich, E.D. «Sociology of spirituality» problems of formation / E.D. Rutkevich // Bulletin of the Institute of sociology. – 2014. – Vol. 2 (9). – pp. 37-65.
9. Wilber, K. Integral spirituality. The new role of religion in the modern and post-modern world. [Electronic edition] / K. Wilber. – M.: Publishing House «Orientalia», 2013. – 210 p.
10. Foucault, M. The order of discourse / M. Foucault // Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. – M., Castal, 1996. – 448 p.
11. Horuzhy, S. Discourses of internal and external in the practices of himself // S. Horuzhy // Report at the Symposium: Religious experience: internal life and external forms. Jerusalem, 2001. – Moscow psychotherapeutic journal. – 2003. – Vol. 3. – pp. 5-25.

N.S. Zaharov

Doctor of Engineering, Professor, Head of the Department of service of cars and technological machines,
Industrial University of Tyumen

S.A. Tenkovskaya

Graduate student of Department of service of cars and technological machines,
Industrial University of Tyumen

Akzhol Uulu A.

Graduate student of Department of service of cars and technological machines,
Industrial University of Tyumen

INFLUENCE OF THE OPERATING HOURS OF THE CARS OF THE OIL AND GAS PRODUCING ENTERPRISE ON THE CONSUMPTION OF SPARE PARTS

Road transport plays an important role in the transport system of Russia, including oil and gas producing enterprises of the North and Western Siberia. From the timely provision of a transport company, some of the spare parts depend on the final results of the activities of road transport enterprises. The main purpose of the article is to determine the influence of the operating hours of the oil and gas company's cars on the consumption of spare parts. The review of methods for determining the optimum service life of the car is carried out. Factors affecting the consumption of spare parts are considered. The cost of spare parts for KAMAZ vehicles is calculated. The influence of operating time on the consumption of spare parts is revealed. The model of the stochastic dependent expenses for spare parts from an operating time of the vehicle is offered. It is established that with the increase of the car's running time, the costs for spare parts are increasing more intensively with the simultaneous expansion of their nomenclature. The role of timely forecasting of expenses for spare parts to investigate the enterprise is revealed.

Keywords: lifetime, optimization, optimization criteria of car, costs of spare parts, operating time.

References

1. Dolgih, V.D. The reliability of automotive technology / V.D. Dolgih, S.V. Ustimenko, N. Titov // Truck & – 1998. – Vol. 3. – pp. 15-17.
2. Mamykin, V. The efficiency of the car depending on life/ V. Mamykin, J. Butorin, S. Rozhkov, V. Grishchenko // Road transport . – 1983. – Vol. 12. – pp. 8-9.
3. Mongush, S.Ch. Comparative analysis of optimal car life cycles determination methods / S.Ch. Mongush, N-D.K. Hovalyg //The Bulletin. Technical and physical and mathematical sciences. – 2014. – Vol. 3. – pp. 84-90.
4. Sorokin, G.M. New criteria of increase in durability of cars / G.M. Sorokin // Messenger of mechanical engineering. – 2008. – Vol. 5. – pp. 19-23.
5. Sukhov, N. Life cycle of the car / N. Sukhov // Motor transport. – 1983. – Vol. 9. – pp. 9-11.
6. Tikhomirov, E.F. Reproduction and depreciation on the motor transport / E.F. Tikhomirov // Motor transportation enterprise. – 2012. – Vol. 9. – pp. 26-29.
7. Trikozyuk, V. Longevity of cars / V. Trikozyuk // Motor transport. – 1982. – Vol. 6 – pp. 6-7.
8. Ustimenko, V.S. New method of calculation of frequency of maintenance and capital repairs / V.S. Ustimenko // Truck. – 1997. – Vol. 5. – pp. 25-27.
9. Habibullin, R.G. Failure of prevention as a basis for improving the operational reliability of cars / R.G. Habibullin, I.V. Makarova, E.I. Belyaev, E.M. Mukhametdinov // Automotive industry. – 2013. – Vol. 7. – pp. 20-23.
10. Yuzhanin, I.N. The overview of methods of definition of a run before write-off of the rolling stock of the motor transport / I.N. Yuzhanin// Online magazine «Scientology». – 2014. – Vol. 2. – pp. 5-7.

**ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ
АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ**

1. К публикации принимаются научные (практические) и обзорные статьи.**1.1. К содержанию научной (практической) статьи предъявляются следующие требования:**

- в вводной части должна быть обоснована актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи);
- в основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность;
- в заключительной части необходимо подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.

1.2. К содержанию обзорной статьи (обзора) предъявляются следующие требования:

- в обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и прочее;
- материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.

2. Перечень необходимых данных в статье:

- УДК, фамилия, имя, отчество автора или авторов (на русском и английском языке);
- подробные сведения об авторе или авторах: ученая степень, ученое звание, должность, место работы (на русском и английском языке, как в Уставе организации);
- электронный адрес, адрес для почтовой переписки;
- аннотация, которая должна содержать краткую версию статьи и иметь четкую структуру (кроме философии): цели, методы исследования, актуальность, основные результаты (100–250 слов, на русском и английском языке);
- ключевые слова (4–7 слов) к статье (на русском и английском языке);
- название статьи (на русском и английском языке);
- текст статьи;
- литература на русском и английском языке, рекомендуется не менее 10 пунктов. Оформление в соответствии с международным библиографическим стандартом.

3. Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx;

- Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал 1,5 pt.
- Выравнивание текста: по ширине.
- Поля: левое 3 см, правое 1,5 см, верхнее 1,5 см, нижнее 2 см.

4. Графический материал должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi. Все графические материалы должны быть чёрно-белыми, полноцветные рисунки не принимаются.**5. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из списка литературы.****6. К статье отдельным документом прикладывается анкета с данными об авторе.****7. Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ»

Периодичность журнала – 12 номеров в год.

Проводится подписка на 1-е полугодие 2017 г.

Вы можете выбрать удобный для Вас вид подписки:

по каталогу Российской прессы «Почта России», подписной индекс – 16478;

через редакцию журнала:

460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13, каб. 171203, 171204

НАШИ РЕКВИЗИТЫ

ИНН 5612001360

КПП 561201001

УФК ПО ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

(ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Л. СЧ. 20536X44564),

ОТДЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГ БИК 045354001

Р. СЧ. 40501810500002000001

ОКВЭД 80.30.1

ОКПО 02069024

ОКОПФ 72

ОКФС 12

ОГРН 1025601802698

ОКТМО 53701000

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ – КБК 000000000000000000130

ЖУРНАЛ «ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ»

Интеллект. Инновации. Инвестиции

№ 7/2018

Ответственный секретарь – А.П. Цыпин
Верстка – Г.Х. Мусина
Корректura – Ю.Р. Забирова
Перевод – В.А. Захарова
Дизайн обложки – И.В. Возяков

Подписано в печать 27.07.2018 г. Дата выхода в свет 31.07.2018 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,32. Усл. изд. л. 10,54. Тираж 1000. Заказ №

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Учредитель/редакция/издатель
Оренбургский государственный университет
Адрес: 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13
тел.: +7 (3532) 37-24-53
e-mail: intellekt-izdanie@yandex.ru

Издательско-полиграфический комплекс ОГУ
Адрес: 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
тел./факс: +7 (3532) 91-22-21
e-mail: uop@mail.osu.ru

Свободная цена
